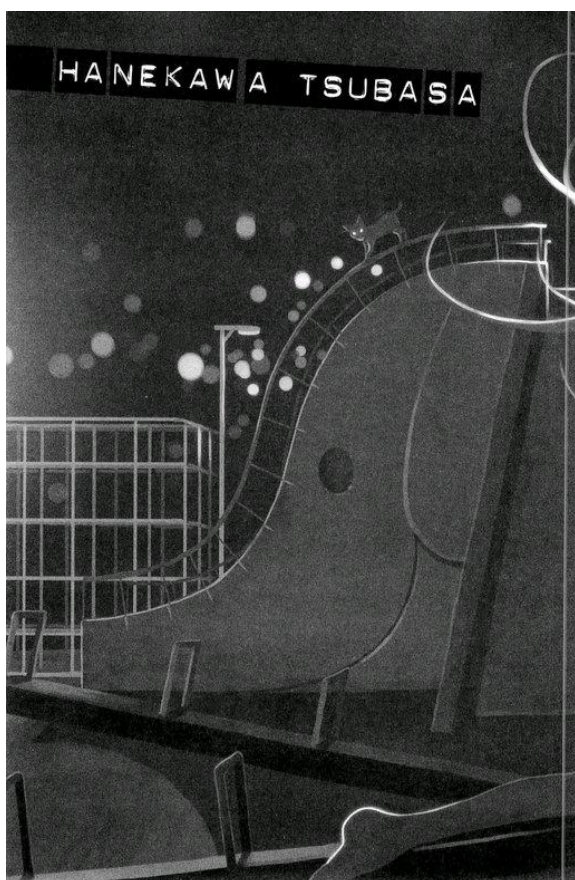

Bakemonogatari Vol. 2

Кошка Цубаса

Ханэкава Цубаса очень важный для меня человек. Просто незаменимый. Я перед ней в долгу, нет, в огромном долгу. Сомневаюсь даже, что смогу как-то отплатить ей этот долг. На весенних каникулах я испытал всем своим существом самое дно, и руку, которую она протянула мне тогда, я без преувеличений видел как спасительную длань богини. До сих пор как вспомню те две недели, так сердце замирает в груди. Думаю, слова о том, что человек спасает человека, звучат довольно фальшиво, однако на этих весенних каникулах Ханэкава Цубаса именно что спасла меня. Такое чувство незыблемо лежит в моём сердце. Поэтому, когда эти адские каникулы закончились и я перешёл на следующий год, я был, если честно, несказанно рад, что нас распределили в один класс. При Сендзёгахаре я такого никогда не скажу, но думаю, это как если бы попал в один класс со своей неразделённой любовью. В результате небольшого недоразумения староста класса вынудила меня стать своим заместителем, и я принял это без особого сопротивления, только потому что Ханэкава очень важный мне человек.

Ханэкава Цубаса.

Девушка с поражающими воображение перьями.

Однако, конечно, и те два года до этих весенних каникул я слышал имя Ханэкавы Цубасы, каюсь, мне хотелось поглядеть на эту талантливую девушку, как только я поступил в Наоэцу, и на первом году ходил тайком подглядывать в её класс. Уже тогда она заплетала волосы в тугую косу, носила очки и всем своим видом соответствовала отличнице. С первого взгляда можно рассудить о ней, как о прилежной ученице. Многие люди кажутся умными, но я сразу понял, что её вид соответствует реальности. Тогда я не решился заговорить с ней и весь первый год старшей школы дрейфовал поблизости этого величия. Я ощущал такой барьер, словно мне не позволялось даже смотреть издали, не то что приближаться. Уже в то время я чётко прочувствовал насколько неблагоприятно поступил в Наоэцу и осознал своё место в ней, должно быть, это произошло именно когда я увидел Ханэкаву Цубасу. Несменный лидер рейтинга по учёбе, какой там, даже если посчитать с начальной школы Ханэкава Цубаса ни разу не уступала никому в оценках, не могу даже помыслить, что мы с ней похожие люди.

Хотя о Ханэкаве Цубасе не стоит говорить, как о школьнице, полной самомнения. Нужно понять правильно, мне ни в жизнь не стать таким добродетельным человеком, как она. До этих весенних каникул я пребывал в неправильном понимании Ханэкавы Цубасы, но как только пообщался с ней поближе, то ещё больше осознал её способности и талант и понял, насколько она чересчур справедлива ко всем. Все так называемые «отличники», которые учатся в частной школе Наоэцу, из того типа людей, которые меряют людей по уму, но Ханэкава Цубаса не такая. Барьер, который я чувствовал, глядя на Ханэкаву, сама она, похоже, не ощущала совсем. Справедливость, скорее даже честность. Староста старост, староста, избранная богами, — так она прославилась в классе, а вскоре и во всей школе. Характер у неё заботливый не меньше, чем серьёзный. И с тех пор, как меня назначили замстаросты, я не видал в ней недостатков, кроме силы её увлечения какой-то идеей. Когда мы стали работать вместе как староста и замстаросты, это часто раздражало, но тем не менее в ней много того, чем можно восхититься.

Может неправильно выразусь, но всё это довольно удивительно, если учесть её семейные обстоятельства, о которых я узнал на Золотой неделе. Золотая неделя — девять дней от двадцать девятого апреля по воскресенье седьмого мая. Если для меня весенние каникулы обратились адом, то эти девять дней кошмара Ханэкава Цубаса уже совершенно забыла. Выражение «забыла как страшный сон» как никогда лучше подходит здесь.

Девять дней.

Она была одержима кошкой.

На меня напал вампир, её подавила кошка. У странности была соответствующая причина, и в данном случае этой причиной оказались разлад и искажение в её семье. Всё моё неверное толкование, совершенно неверное. До тех пор я воспринимал мир, просто поделив его на то, что хорошие люди счастливы, а плохие — нет. Мысль о том, что есть люди, которым из-за своего несчастья пришлось стать хорошими, даже не приходила мне в голову.

Тем не менее.

Ханэкава Цубаса протянула мне руку помощи.

И даже на этих весенних каникулах, хоть у неё и не было возможности спасти меня, но тем не менее она вытащила меня с самого дна.

Я этого не забыл.

И не забуду никогда.

— О... Братик Коёми. Подожди.

— ...

Ждала.

Тринадцатое июня, вторник, день, который станет памятным для меня. После уроков мы изо всех сил готовились к Культурному фестивалю, который пройдёт уже в конце этой недели, и в полседьмого вечера я прошёл школьные ворота, возвращаясь домой. А старая подруга моей сестры, Сэнгоку Надэко, с которой мы до сегодняшнего утра втроём с ещё моей кохай Камбару Суругой боролись со странностью, маялась от безделья, ожидая меня.

В форме.

Форма средней школы, с которой у меня связаны тёплые воспоминания.

Необычная здесь цельная форма.

На ремне Сэнгоку снова висит поясная сумка. Впервые вижу Сэнгоку в школьной форме, но учитывая обстоятельства, это вполне нормально. Вообще, такая цельная форма очень идёт общему ребяческому виду Сэнгоку.

Без фуражки.

Однако из-за длинной чёлки глаз не видно. Похоже, у неё такая причёска по умолчанию... Либо надвигает фуражку на глаза, либо спускает чёлку — похоже, Сэнгоку очень смущает пересекаться с кем-то взглядом или смотреть другим в глаза.

— П-привет, — несколько натянуто поздоровался я, так как сильно удивился внезапному появлению Сэнгоку.

Она стояла там словно тень от ворот и, конечно, намерения у неё такого не было, но напугала она меня, как если бы вдруг выпрыгнула из-за угла.

— Что ты делаешь? Здесь, в смысле.

— А, да... Братик Коёми, — проговорила Сэнгоку, потупившись.

И теперь из-за длинной чёлки её глаз не видно совершенно.

Она сама-то что-нибудь видит?

Хм... как-то немного неловко, когда тебя перед твоей школой называют «братик Коёми»... Но если сейчас скажу, чтобы она меня так не называла, то, боюсь, как бы не ранить трепетную, словно новорождённый оленёнок, Сэнгоку...

В противовес моему удивлённому взгляду, Сэнгоку глядела на меня с облегчением. Ну да, среднекласснице нужна достаточная решимость только для того, чтобы просто подойти к старшей школе, но Сэнгоку что-то перепугалась больше необходимого. Хоть не последовала дальше... к счастью, я вовремя. Из-за подготовки к фестивалю я засиделся допоздна, так что возможность пересечься с кем-то достаточно низкая. Если и есть шанс, что узнают, что меня называют «братик Коёми», то довольно невысокий.

— Н-ну... — проговорила Сэнгоку и замолчала.

Сэнгоку, как я уже понял, болтливостью не отличается, так что нужно выдержать это молчание. Если не вытерпеть и заговорить, пытаюсь заполнить эту паузу, то Сэнгоку зажмётся ещё больше. Чувство такое, словно общаюсь с робким маленьким зверьком, вроде кролика или хомячка...

Хм-м.

Поласкать, что ли.

— Я хотела поблагодарить... ещё раз, — наконец сказала Сэнгоку. — Братик Коёми... я у тебя в долгу.

— А, вот оно что... И ты всё это время ждала, пока я неизвестно когда не появлюсь? Сколько ж это. Если сразу после своих уроков...

— А, ну. Сегодня Надэко не пошла в школу.

— Э?

А, вот как.

Если ты в форме, совсем необязательно, что идёшь из школы.

— И почему ты не ходила в школу?

— Ну... проспала.

— ...

Эти её слова, словно прямо про ребёнка из Короля южного острова¹... Ну, мы, конечно, подремали немного, но спали вповалку в мрачных развалинах вечерней школы на пластиковых бутылках вместо подушек, так что у нежной Сэнгоку сон наверняка вышел неглубокий. Даже я нормально не выспался и, как вернулся домой, лёг ещё раз... забавно, но Камбару спала как убитая. Значит, Сэнгоку, как и я, уснула ещё раз, когда вернулась... только в отличие от меня не смогла проснуться и, подобрав время, когда я пойду домой, подошла к школьным воротам? А форму надела потому что сегодня будний день, своеобразная поддержка.

— А, но время не очень подходящее. Знаешь, я не рассказывал, у нас тут на этой неделе культурный фестиваль, и сейчас подготовка в самом разгаре. Так что возвращаюсь домой в такое время. Нехорошо получилось, эм, неужто ты тут больше двух часов прождала?

— Н-нет, — Сэнгоку покачала головой.

Как правило уроки заканчиваются в три с половиной, выходит, где-то с четырёх она тут стоит... раз с таким запозданием, значит, ещё куда-то заходила?

— Надэко здесь с двух часов, так что больше четырёх...

— Ну не дура ли! — вскрикнул я.

Больше четырёх часов торчать у этих ворот... из-за формы, она наоборот ещё странней выглядела. Уроки в старшей школе в два не заканчиваются. Да вообще, школа наняла охранников и платит им деньги, они же должны были что-то сделать. Неужто их успокоила такая миленькая среднеклассница?

— П-прости, что дура...

Извинилась.

Первый раз вижу, чтоб за такое извинялись...

— Но... я хотела поблагодарить братика Коёми... ужасно хотела... даже места себе не находила...

— Достойно...

Проблемно, хотелось мне сказать.

Поблагодарить, значит.

— Да и лучше бы Камбару поблагодарить. Она не проходила? Ты встречалась с ней? Мы с тобой старые друзья, но она с тобой никак не была связана, но всё равно изо всех старалась ради тебя. Она не такая.

Во всех смыслах.

Я на этот счёт особо не распространялся, однако в деле Сэнгоку Камбару проявила недюжинное бескорыстие.

— Да... думала об этом, — застенчиво проговорила Сэнгоку. — Братик Коёми и Камбару-сан спасли Надэко в обмен на свои жизни...

— Нет-нет-нет-нет-нет! Мы не спасали тебя в обмен на свои жизни! Гляди, я ж живой!

— А... точно.

— А ты в настроении... удивлён.

— Да... Надэко хотела и Камбару-сан поблагодарить ещё раз, но...

— М? Что, Камбару ещё не проходила? Хм, я думал, наш класс последний... ну, второклассники могут с энтузиазмом заниматься фестивалем. Не такие неопытные, как первогодки, и не надо сдавать экзамены, как третьегодкам. Она такая, нравится или нет, но раз стоишь в центре класса...

— Н-нет. Камбару-сан прошла тридцать минут назад.

— А, вот оно как. Ты не окликнула её? С друзьями, наверное, была... друзей у неё море.

— Нет... она была одна...

На лице Сэнгоку появилось сложное выражение.

— Перед тем, как Надэко успела позвать, Камбару-сан промчалась мимо на головокружительной скорости...

— ...

У неё-то есть куда спешить...

Скорее всего, мчалась дочитать всю ту купленную вчера гору яойных книг, думаю, тут именно такое дело, но вот Сэнгоку стесняется окликнуть знакомых, потому ни за что не могла встать на пути бегущей Камбару.

— Думала, рядом поезд промчался...

— Знакомо... Правда знакомо. Я тоже стараюсь не говорить с Камбару, когда она бежит.

— Угу... прямо как «быстроходом».

— Почему ты специально сравнила это с техникой принца Ямато, главного героя Биккуримана²? Это же наоборот сложно, объяснять отсылку кучу времени!

— Угу... Надэко и не думала, что её поймут.

Неожиданно.

Ох, похоже, эта девочка недооценила мои способности к отсылкам... но я, конечно же, нисколько не горжусь.

— Но откуда среднекласснице знать про Биккуримана? Я понимаю имя персонажа там, раз недавно обновлённая шоколадка выходила, но название техники...

— Смотрела на DVD.

— А, понятно... как всё удобно. Но быстроход всё равно слишком сложно. Сказала бы хоть шукучи³, что ли.

— Шукучи... Эм, это когда то, что близко, рисуешь большими линиями, а то, что далеко, — маленькими?

— Это перспектива!

— Точно... но похоже ведь.

— Вообще нет! Нельзя смешивать основы рисования с секретами мастеров боевого искусства! — закричал я, и Сэнгоку отвернулась от меня и затряслась всем телом.

Я уж заволновался, не заплакала она, но нет — Сэнгоку отчаянно сдерживала хохот. Дыхание прерывистое.

Всё-таки она такая смешливая.

Но сейчас диалог вышел странноватый...

— Братик Коёми... как всегда забавный, — проговорила Сэнгоку.

Не очень помню, но у меня с начальной школы такая роль?..

Как всё печально...

Но почему она, Сэнгоку Надэко, может сейчас в такие забавности? Как день ясно, что не мои отсылки тут постарались. Ну, вчера она была в самом центре этой неприятности со странностью... наверное, она не должна быть так спокойна. Значит, эта стесняшка захотела попробовать насколько высоки мои навыки.

— Бегаёт на такой скорости, даже странно, выдерживают ли кроссовки... Но Камбару-сан, когда бегаёт, выглядит очень круто.

— Не влюбись только. Слов своих отрицать не буду, но беда с ней. Хотя в последнее время она на редкость крутая, да... ну, Сэнгоку, тебе придётся подготовиться, чтоб поблагодарить её...

— У-угу, — сказала Сэнгоку. — У меня есть дело к Камбару-сан.

— Вот как?

— Угу.

— Хм-м...

Как-то не задумывался, что у Сэнгоку может быть ещё какое-то дело к Камбару, кроме как высказать благодарность, но если пораскинуть, то они же немало времени провели вдвоём. Тогда и договорились о чём-то?

— Я могу чем-то помочь? Если ты должна поблагодарить Камбару, то и я тоже.

Случай Сэнгоку, случай змеи Сэнгоку.

Если б Камбару не приняла тогда участия, сомнительно, что сейчас бы всё так обернулось. Тоска берёт, сколько мне нужно её поблагодарить и сколько извиниться перед ней, но тем не менее обоюдно успокоившись по прошествии времени, наверное, будет достаточно только благодарности?

— Но... братику Коёми не подойдёт...

— Не подойдёт, говоришь. Не думаю, что дело такое. Положись на меня.

— Хорошо... тогда пожалуйста, братик Коёми.

Сэнгоку вытащила из пакета свёрток вдвое сложенной одежды.

Спортивные трусы и школьный купальник.

— ...

Даже не думал, совершенно вылетело из головы...

— Уже почистила и постирала, так что думала вернуть, когда встречу Камбару-сан... Но буду рада если вернёт братик Коёми... выйдет быстрее.

— Ох...

Высокая преграда...

Какое испытание.

Парень рядом со своей школой берёт у среднеклассницы спортивные трусы и школьный купальник... если кто из знакомых увидит, то я перескочу с «братика Коёми» прямо на «извращенца»!..

Но я не поддамся!

Если кто-то подстроил мне ловушку, то какую же искусную!.. Что же боги замыслили сделать со мной!

— Д-да... конечно.

Раздумывая, что шанса на такое больше никогда не представится, я взял свёрток из рук Сэнгоку. Почему-то Сэнгоку мгновение колебалась (наверное, сомневалась, стоит ли, должна же сама передать), однако в конце концов отдала.

Хм-м.

Странноватое, однако, развитие событий.

Сегодня день, который станет памятным для меня.

Разговор прервался — Сэнгоку покраснела и опустила голову. После освобождения от змеиной странности, она перестала быть такой убитой, однако похоже, её природная тихость никуда не делась.

Почему-то.

Я потянулся к чёлке Сэнгоку.

— А?..

Не попал.

Рука схватила воздух. Сэнгоку с по-прежнему опущенной головой двинулась вбок и увернулась. Почему-то я снова последовал за её чёлкой, но Сэнгоку сделала шаг назад и избежала моей руки.

— Ч-что же?..

— И правда...

Даже не разозлилась...

Довольно проворное движение от обычно тихой Сэнгоку. Как правило, длинная чёлка снижает видимость, однако Сэнгоку, похоже, это нисколько не мешает.

— Хм-м...

Проверим.

Я направил руку прямо наоборот — вниз — и легонько схватил край её юбки. Сэнгоку уклонилась от движения к её чёлке, и я провёл небольшой эксперимент, как же выйдет здесь, памятуя о том, что среднекласснице наверняка не захочется, чтобы ей задрали юбку.

Однако на сей раз Сэнгоку никак не отреагировала. Лишь удивлённо склонила голову набок.

Ещё вчера об этом подумал...

Эта девочка слишком невинна...

Защита совсем не там.

Я тут же отпустил край её юбки.

— Чувствую, общением с тобой можно измерять парней...

— Потому что Надэко молчит?..

— Да нет...

Молчит, да...

М-м... если так выразиться.

— Да, Сэнгоку, я хочу спросить кое-что, можно?

— Э... что спросить?

— Да нет, это не так важно... насчёт Шинобу.

— Ши-но-бу?

— Помнишь, такая миленькая блондинка в развалинах. А, я не говорил, как её зовут. Ну и ладно. В общем, пока меня не было, она тебе ничего не говорила?

— ?..

Сэнгоку с недоумением поглядела словно не уловив смысла вопроса, и ответила:

— Нет.

Понятно.

Ну, оно и ясно было... но подумалось, вдруг с молчаливым собеседником что-то да получится, хотя если подумать, то изначально болтливая Шинобу с изначально молчаливой Сэнгоку ладить не станет...

Ошино Шинобу.

Лётный шлем поверх золотых волос.

Сейчас эта красавица живёт вместе с моим спасителем, Ошино Мэмэ, в развалинах частной вечерней школы. Хотя «живёт» это громко сказано, скорее существует.

— Эта девочка... она ведь вампир, — проговорила Сэнгоку.

Мне не удалось скрыться, когда излечивал свои раны после изгнания змеи, потому вчерашней ночью, перед тем, как лечь на наше ложе из пластиковых бутылок, я уже рассказал всё Сэнгоку. В некоторой степени рассказал и о левой руке Камбару, Сэнгоку теперь наш товарищ по странностям, не стоит её стесняться.

За исключением Хачикудзи.

И Ханэкавы.

— Ага... ну, сейчас она скорее «псевдовампир», чем вампир.

Как и я скорее «псевдочеловек», чем человек.

Она такая.

— Из-за этой девочки братик Коёми...

— Не из-за неё. Я сам. Да и в принципе неправильно требовать от странности ответственности за свои действия. Они просто *сами такие*.

У странностей есть соответствующая причина.

И ничего больше.

— Угу... наверное.

Сэнгоку послушно кивнула.

Похоже, сравнила мои слова со своим случаем. По заверению Ошино случай Сэнгоку имеет нюанс, который в корне отличает это дело от предыдущего моего опыта, так что нельзя их грести под одну гребёнку...

— Ну, ты в отличие от меня с Камбару полностью освободилась от странности, так что не надо забивать этим голову. Просто вернёшься к обычной жизни.

Ты — вернёшься.

Должна вернуться.

— Угу... это так, но знаю же, что такое есть... видела... теперь для Надэко это очень сложно.

— ...

Для всех сложно.

И совсем неважно, что Сэнгоку робкая. В основе своей люди не способны сражаться на поле, где не действуют правила здравого смысла. В этом плане, наверное, слишком легко оставаться в этом как я с Камбару.

— Скажу так, второй раз ты в такое дурацкое проклятие не попадёшь.

— Угу...

— Ошино говорит, что однажды побывавшего в этом позже легче затащить, но тут уже дело намерений самого человека. Естественно, человек старается избежать странности, так и соблюдается баланс. Ну, если что, обращайся. Сказать номер своего мобильного?

— А... ну, ещё... у Надэко нет сотового, — сказала Сэнгоку.

Точно.

— Ну, это не такая проблема. Можно записать.

— Угу...

Сэнгоку смущена.

Выглядит как-то радостно. Неужели обмен номерами это такое взрослое действие?.. Второклассница средней школы хочет подтянуть свой возраст. Ну, друзей у меня не особо много, потому, когда записывал чей-то номер сотового, то не мог отделаться от некоторого напряжения, так что не стоит говорить о Сэнгоку так же.

Сэнгоку записала мой номер в причудливый блокнотик, а потом убрала книжицу в поясную сумку. Школьная форма с поясной сумкой всё-таки немного не подходят друг к другу, да и когда мы встретились в горах девочка была с ней, похоже, эта сумка любимая вещь Сэнгоку.

— Тогда Надэко скажет домашний номер.

— Сенк ю.

— Если что-нибудь случится, позвони Надэко.

— М-м... случится ли такое.

— Братик Коёми.

— Ох, ладно-ладно. Понял я.

— Ладно один раз, братик Коёми.

— Точно. Но в твоём случае, если случится беда, быстрее сходить к Ошино, чем ко мне... но звучит жутковато, что среднеклассница одна пойдёт к такому бомжеватому мужику.

Однако всё-таки беспокоит, что такой ворчун отнёсся к делу Сэнгоку с неожиданным трепетом. Я, конечно, ничего такого не подозреваю, но коль так, лучше уж Сэнгоку не ходить в те развали одной.

Подозреваю в Ошино Мэмэ лоликонщика...

— Думаю, всё... не так.

— Угу. Ну, если и не так, то просто предупреждение. Не надо так полагаться на этого вертопраха, а то как Нобита-кун полагаемся только на секретные инструменты Дораэмона.

— Да... — кивнула Сэнгоку. — На самом деле амулет Ошино-сана и правда как секретный инструмент Дораэмона... как шлем гениальности или мастер-перчатки.

— Почему ты сравнила с малоизвестными инструментами Дораэмона, которые нигде, кроме как в фильмах, не показывали?! Сравни лучше с дверью-куда-угодно или тейккоптером!

— Так разбираешься в отсылках, братик Коёми...

Сэнгоку в восхищении.

Пламя уважение теплится в её глазах.

Уважение за такое...

— Кстати, братик Коёми...

— Что такое?

— Говорят, в фильме Джаян⁴ вырос куда сильнее, разве это не показывает характер Нобиты-куна?

— Какая непонятная нелепость!

— Э... Но Надэко постаралась связать с контекстом.

— Это, конечно, связано с разговором, но и только! Оно ж вообще не в ту сторону! Зачем мы вообще стали говорить о полнометражках Дораэмона!

И уж тем более о сравнении роста Джаяна с Нобитой-куном в фильмах!

— А вот Сунэо-кун. Не растёт сколько бы времени ни прошло.

— Ну, если один из приспешников главаря вырастет и будет буянить, это будет сильно... почему я вообще это говорю?!

Сэнгоку молчала.

Сейчас она не сдерживала смех, похоже, правда подавлена. Ох, лишку сказал... молчаливая Сэнгоку, похоже, по-своему позаботилась, чтобы разговор не прерывался, и кричать за это было по-детски.

— Прости, — наконец извинилась Сэнгоку.

Сердце кровью обливается.

— Нет, извиняться вовсе не...

— Хотела проверить насколько далеко заходят шутки братику Коёми.

— Всегда извиняйся, если будет такое!

Мутная проверочка!

Есть предел беспредельным шуточкам.

Такой стесняшке разве будет забавно?

— Когда сказала «кстати, братик Коёми», Надэко на самом деле не хотела говорить о Дораэмо́не.

— Ох... это было экспромт. Тогда начнём с этого момента.

— Угу. Кстати, братик Коёми...

— Что такое?

— Насчёт Шинобу.

Похоже, Сэнгоку не ведаёт искусство повторения одной и той же глупой шутки и не станет больше говорить про Дораэмона, она действительно вернулась к первоначальной теме.

Хм, как-то незакончено.

Будь здесь Хачикудзи, шутка бы само собой повторилась, хотя это показывает недалёкость вкуса.

Здесь пролегают границы способностей Сэнгоку?

— Что с Шинобу? Она говорила?

— Нет... но, — сказала Сэнгоку, — эта девочка... неотрывно глядела на Надэко.

— А? Ну, она всегда так. Уставится и смотрит. И на меня, и на Ошино, и на Камбару. Это ничего особо не значит.

Наверно, для робкой Сэнгоку как-то слишком жёстко, когда вампир, хоть и ребёнок, глядит на неё. Ну, этот укоризненный взгляд, словно у Ойвы-сан из Ёцуя кайдан⁵, даже меня, глубоко связанного с Шинобу, пробирает... чего уж говорить про Сэнгоку Надэко.

— Нет, — сказала, однако, Сэнгоку. — Это девочка правда глядит так на всех, но... думаю, на брата Коёми с Ошино-саном и Надэко с Камбару-сан смотрит по-разному.

— Да?..

Как же.

Я не очень понял.

— Имеешь в виду, что по-разному смотрит на мужчин и на женщин?

— Ну... наверное.

— Хм-м.

— Надэко... хорошо чувствует, как смотрят, поэтому поняла... почувствовала, что Надэко и Камбару-сан эта девочка ненавидит.

— Ненавидит... как-то странно.

Станный, необычный разговор.

Я бы сказал, невероятный.

Ребёнок она сейчас миленький, но её истинная сущность — странность, суть её — вампир, в основном люди ей не интересны. И Сэнгоку с Камбару или я с Ошино, все мы должны выглядеть для неё одинаково. Различие между мужчинами и женщинами весьма сомнительное.

Тем более любовь и ненависть.

Хотя...

Ну, только я исключение, наверное.

— Но, возможно, так оно и есть, Сэнгоку... интересно, почему? Спрошу у Ошино.

— Ошино-сана... братик Коёми, ты не спросишь напрямую Шинобу-тян?..

— Раньше она была довольно говорливой, — сказал я с горькой усмешкой.

На самом деле ничего, кроме горькой усмешки это не вызывает.

— Сейчас она полностью закрылась. Уже больше двух месяцев она не говорит. Совсем.

С весенних каникул уже больше двух месяцев.

Ни слова от неё не слышал.

Не видел смысла, потому и не узнавал, но Ошино, наверное, тоже.

Что поделать.

Ничего.

— Вот как...

— Думаю, это важно. Абсолютно отказаться от того, что хочешь сказать. И тем более сдерживать то, чего хочет сказать мне...

Упрёки.

Ненависть.

Ничего из этого не говорит.

Ну, может, только в словах это не выразить, но даже такие чувства ко мне не обращались.

— Разве не наоборот? — с удивлением проговорила Сэнгоку. — Тогда получается, братик Коёми преступник...

— Преступник, — оборвал я. — В деле Шинобу я правда больше преступник, чем жертва, Сэнгоку. Ну, чувствую, мне надо извиниться, но в том деле Шинобу обвинять совершенно не стоит.

— А, хорошо...

Сэнгоку кивнула, хоть и не выглядела удовлетворённой. Ну, ничего удивительного, что Сэнгоку не очень понятны мои отношения с Шинобу. Мне самому они не очень понятны.

Знаю только одно.

Всю свою жизнь я потрачу на Шинобу, это мой единственный способ искупления как преступника.

Но всё тщетно.

Тем не менее я думаю.

Продолжаю думать.

Что прекрасный голос этого вампира я уже не услышу никогда.

— Ну, — заставил я себя заговорить весёлым тоном, чтобы развеять потяжелевшую атмосферу. — Наверное, тебе будет лучше больше не пересекаться с Ошино и Шинобу. Чем больше знаешь о странностях, тем, наверное, сложнее после пройти, но именно потому что знаешь, сможешь уклониться от них.

— Хорошо... Но Надэко не поблагодарила Ошино-сана и...

— М-м. Чувствую, он такое не очень любит... но правда. Видеться постоянно это довольно уныло. Намекает на трудности.

Быть связанным со странностью вещь неприятная.

Хотя.

Может и нет.

Я и Ханэкава, я и Сендзёгахара, я и Хачикудзи, я и Камбару — со всеми меня связали странности. Так что не такие уж и неприятные, надо сказать.

Даже встреча с Сэнгоку так произошла.

— Ну, вчера всё так сумбурно вышло, и нам пришлось скрываться, но ты можешь встретиться с сестрой. Она сказала, что помнит тебя.

— В-вот как... Рара-тян.

— Ага. Так что можешь сходить ко мне.

— Правда? В комнату братика Коёми?

— Ага.

Думаю, выйдет проблемка с моей комнатой...

Дом, скорее.

— К-когда. Когда можно будет прийти?

— М-м. Да как закончится культурный фестиваль...

И когда я пытался припомнить свои планы...

— О, Арараги-кун? — прозвучало со спины. — Что ты здесь делаешь?

Я развернулся — там оказалась Ханэкава.

Ханэкава Цубаса.

Староста моего класса, отличница, с которой я только что занимался подготовкой к культурному фестивалю. Сегодня я заносил ключи от класса в учительскую, потому она должна была выйти раньше меня, но почему же она оказалась позади?

Ханэкава быстро подошла ко мне, развернулась передо мной и увидела Сэнгоку. Сзади девочку не было видно за моей фигурой.

— А... Э-эм?

— А, Ханэкава, я о ней вчера рассказывал... — начал было я.

— П-п-п-п-простите! — проговорила Сэнгоку надломившимся голосом, сразу же развернулась и, покраснев, чего ни за что не скажешь о Камбару, унеслась прочь от Наоэцу со скоростью близкой к бегу Камбару.

Чего пару секунд она уже скрылась из виду.

Словно пугливый заяц ускакала.

Неужели у неё такая боязнь людей...

Сэнгоку так боится старшекласников?

Ханэкава это не Сендзёгахара, но я даже представить их не успел... думал пригласить Сэнгоку прийти на фестиваль, но, похоже, она не сможет находиться в таком скоплении старшекласников...

— Арараги-кун, — через какое-то время проговорила Ханэкава. — Я немного огорчена...

— Ага...

Так умчалась, только взглянув на лицо. Какой бы великодушной и доброй Ханэкава ни была, такие мысли простительны, меня это никак не касается, но всё же я чувствую вину.

— Ты разве не вышла раньше?

— В коридоре меня задержала Хосина-сэнсэй.

— Понятно.

Наша классная Хосина-сэнсэй.

Ханэкава её любимица.

— Э-эм... как-то поздновато представляю.

Не поздновато, а слишком поздно.

Самой-то её уже нет.

— Подруга сестры, о которой я вчера рассказывал. Второй класс средней школы, Сэнгоку Надэко.

— Хм-м... а да, я хотела спросить. Арараги-кун, та змея. Что с ней стало?

Всё-таки заволновалась.

Я рассказал не до конца.

— Более-менее нашли решение. Всё-таки без Ошино никуда.

— Хм-м. Не очень хорошо понимаю, но такое скоростное решение. Только вчера начали и уже управились.

— Ну не прямо так закончили... но похоже на то. Она хотела поблагодарить меня с Камбару, потому ждала здесь. Признателен такому старанию.

— Нехорошо так говорить про человека, который пришёл поблагодарить, Арараги-кун.

— Нет, это фигура речи... — начал оправдываться я. Но остановился. — Ну, ты права. Плохо выразился.

— Вот и правильно.

Ханэкава удовлетворённо кивнула.

Такое чувство, будто как зверюшку приручает.

— Она очень милая. Сэнгоку-тян? Сэнгоку Надэко-тян, значит. Судя по форме она из средней школы, в которую ты ходил, Арараги-кун.

— Всё-то ты знаешь.

— Я не знаю всего. Только то, что знаю.

— Эх.

Ну, столько-то знаешь.

— Но вот же, Сэнгоку-тян невероятно застенчивая...

— Ага... Скромность такая, что не может купить разогреваемой еды в супермаркете, потому что боится отвечать на вопрос «Вам разогреть?»

Впрочем, это просто моё мнение.

Гадости нисколько не собираюсь говорить, просто в шутливой манере немного оправдал её стремительное бегство.

— Аха-ха, Сендзёгахара-сан, Камбару-сан, Маёй-тян, ты в последнее время сдружился со столькими милыми девушками, Арараги-кун.

— Чего ты говоришь. Все эти Сендзёгахары-сан, Камбару-сан и Маёй-тян, это просто три человека. Не прибавляй тут ничего другого.

— И нет ничего другого?

— Нет, конечно, — решительно сказал я, но это ложь.

По крайней мере, есть ещё одна.

Ханэкава Цубаса.

Ты.

— М-м? Что?

— Да нет...

С другой стороны, если лично сказать Ханэкаве про милую девушку, всё закончится обычным обвинением в домогательстве... не нужно предоставлять неблагоприятные для себя сведения.

— Кстати, Арараги-кун.

— Что такое?

— Ты ведь говорил у тебя какое-то дело сегодня? Поэтому так быстро сходил вернуть ключ... Неужели твоё важное дело это разговор с миленькой среднеклассницей, Арараги-кун?

— Нет.

— Арараги-кун, ты всё больше погружаешься в пески пикапа.

— Да нет же...

Мне это только проблем добавит...

Сама должна понимать.

— До этого я скрывал, но сейчас расскажу, чтобы развеять недопонимание: моё важное дело касается Сендзёгахары. Рассказать не могу, неловко очень.

— Сендзёгахара-сан... значит.

На лице Ханэкавы выступило сложное выражение.

Как староста она должна иметь довольно обширные замечания к однокласснице, которая ссылаясь на поход в больницу уходит домой, нисколько не помогая в подготовке, когда культурный фестиваль уже на носу. Конечно, не знаю как раньше, но сейчас слабость и нездоровье Сендзёгахары — это ложь, и, наверное, Ханэкава поняла, что это всё вранье. Чувствую, Сендзёгахара подошла к пределу беспечности...

— Хочешь расскажу интересные слухи?

— Какие это? У меня одни только неинтересные.

— Сендзёгахара странно сдружилась с Арараги.

— У...

— Арараги плохо влияет на Сендзёгахару.

— У-у...

— Вот.

— У-у-у...

Что же такое.

Слухи?

— Только что Хосина-сэнсэй спросила, не знаю ли я чего.

— У-ух...

Необоснованные слухи.

Но хоть и неприятно, злости не чувствую... в некоторой степени это правда, по крайней мере, понимаю чувства тех, кто говорит такое.

— После она спросила, не видела ли я, как в воскресенье Арараги и второклассница Камбару гуляют, взявшись за руки.

— Ох.

Это правда.

Всё-таки маленький у нас город...

Сплетни ходят как эпидемии.

— Почему ты так сдружился с Сендзёгахарой-сан я не знаю, но думаю, скоро таких разговоров станет больше.

— Разговоров...

— Это ужасно. Арараги-кун, ты должен доказать обратное.

— ...

— Сендзёгахаре-сан непозволительно слушать, будто она портится, встречаясь с парнем. Думаю, так болтать прямо у школьных ворот с миленькими среднеклассницами не очень хорошо.

— Твоя правда.

Нет слов.

Своими действиямиставляю Сендзёгахару в плохом свете. Это может быть самодовольством, но столько ответственности уже лежит на мне.

— Кстати, про Ханэкаву не было?

— М-м?

— Такие слухи. Ханэкава странно сдружилась с Арараги, например.

— Кто знает, если и есть, вряд ли бы кто мне самой это сказал, но вообще, думаешь, есть такое? Я не изменялась.

— ...

Да уж.

В этом плане здесь всё наоборот — после близкого общения с Ханэкавой Арараги начал изменяться в лучшую сторону.

К тому же, это правда.

Сколько раз она меня спасала.

— Сейчас я всё отрицала. Не думаю, что слухи верны.

— Вот как. Спасибо.

— Не за что благодарить. Я просто сказала, что думаю.

— Ясно. Но ты правда так думаешь?

— М-м?

— Что слухи не верны.

— А, да, конечно. Я никогда не вру.

— Кроме тебя, я больше не знаю людей, которые бы говорили только правду.

— Да? Думаю, таких много. Да, я думаю, Сендзёгахара-сан движется в правильном направлении.

«Только плохо, что отлынивает от работы», — добавила Ханэкава. Ложь таки раскрыта. Бессмысленно пытаться что-то скрыть от всезнающей старосты.

— Не знаю, то ли это благодаря выздоровлению, то ли благодаря тебе, Арараги-кун, но думаю, ты должен поддерживать эти изменения в Сендзёгахаре-сан.

— Ты сейчас говоришь совсем не как старшеклассница.

— Да? Но вроде, как обычно.

— Вот как.

Такая «обычность» впечатляет, но такова одна из особенностей Ханэкавы Цубасы... Если для неё это обычно, то даже не знаю в какую категорию это попадёт для меня.

Мне вдруг подумалось.

Сейчас-то так, но совсем недавно у этой старосты было своё мнение насчёт тонкостей любовных отношений, неужто Ханэкава тоже завела себе?

Добрая к любому.

Неужто появился один особенный?

Признаков никаких не проявлялось, но существует ли для такой серьёзности достойный партнёр?

Хм, даже и не думал...

— Эй, Ханэкава...

— Что? — мгновенно отреагировала она.

У...

Плохо, не могу я так спросить...

Если недавно Сэнгоку упомянула быстроходом, то Ханэкава Цубаса купается в чистых непорочных лучах Эрроу Ангела⁶, испускаемых самой природой, спрашивать такое просто кощунственно...

— Что, Арараги-кун? — простодушно повторила свой вопрос Ханэкава.

Гм... не понимаю почему, но у меня такое ощущение, будто меня в угол загнали. Так, наверное, чувствует себя прямо перед повинной преступник, которого великий детектив припёр к стенке. Чёрт, не могу просто так взять и отмахнуться, я должен что-то спросить. Жалею так же, как когда смешал в ванне сразу две добавки для ванны разного цвета.

— Эм, ну, секретный инструмент Доразмона...

Исчерпав все возможности, я обратился к Доразмону как крайнему средству, но не успел я договорить...

— Ой, больно, — пробормотала Ханэкава.

Больно?.. Из-за меня? Больно, что я, третьеклассник старшей школы, обращаюсь к Доразмону (к тому же, в качестве отчаянной меры)? А среднеклассникам простительно?

На мгновение меня охватила паника, но всё оказалось не так — Ханэкава коснулась кончиками пальцев лба. Значит, голова болит. Ну да, в тот раз всё окончилось неясно, а Ханэкава и вчера...

— Эй... ты в порядке?

— Да... да, всё хорошо, — стойко проговорила Ханэкава.

Она улыбнулась мне чистой улыбкой, но выходит, недавние её слова были ложью.

«Я никогда не вру».

Разве это не ложь?

— В медпункт, хотя нет, Харуками-сэнсэй уже, наверное, ушла. Тогда в больницу...

— Всё хорошо. Не преувеличивай, Арааги-кун. Вернусь домой, позанимаюсь, и всё пройдёт.

— Ты серьёзно думаешь, что вылечишь головную боль, если позанимаешься?..

Весьма странные дела.

Сам способ мышления другой.

— Ты же говорила, что в последнее время это часто. А вдруг это что-нибудь опасное?

— Ты слишком переживаешь. Ты такой пугливый, Арааги-кун. Больше, чем нужно. Ты правильно понял, что я говорила? Не надо только понимать. Нужно практиковать.

— Ага, понял.

Больше, чем нужно?

Мы так отличаемся.

Думаю, в этом она действительно странная.

Но.

— Плохо только замечать.

— Правильно. Но значит, ты только сейчас понял мои слова, Арааги-кун, — сказала Ханэкава. А после нарочито прокашлялась. — Может, уберёшь уже в сумку спортивные трусы и купальник, которые ты тут как сокровище держишь?

Примечания

1. Японская детская песенка. Там ребёнок не любит школу и опаздывает или вовсе прогуливает. 南の島の大王.
2. Аниме-сериал, выпущенный студией Toei Animation на основе популярных в то время наклеек серии Bikkuriman.
3. Техника японских боевых искусств мгновенного перемещения, упоминается в самых разнообразных аниме, манге, компьютерных играх.
4. Прозвище Года Такеши.

5. Пьеса театра кабуки о призраках, мести и карме.

6. Персонаж из Биккуримана.

Тринадцатое июня, день, который станет памятным для меня.

Должен стать, по крайней мере.

Со спортивными трусами и школьным купальником это никоим образом не связано, а началось всё со слов моей девушки, Сендзёгахары Хитаги, с которой мы встречаемся с четырнадцатого мая, прошедшего Дня матери.

— Идём на свидание.

Обеденный перерыв этого самого дня.

Мы сидели бок о бок во дворе на скамейке и ели свои бенто, когда она вдруг проговорила это. От удивления я даже уронил кусок омлета, который держал палочками.

А?

Что она сейчас сказала?

Я взглянул на Сендзёгахару.

Она в летней школьной форме.

Рукава и без того короткорукавой блузки закатаны и закреплены булавкой так, что кажется, будто их вовсе нет — в последнее время многие девушки из нашей школы так делают. Мне думалось, что Сендзёгахара из тех, кто не считает нужным следовать моде, но, похоже, это не совсем так. Независима от мнения окружающих. Новое открытие. Кстати, Ханэкава придираться не стала, хоть сама и не следует этой моде. Обе отличницы, но какая между ними решительная разница. Тем не менее длинна юбки у Сендзёгахары не изменилась.

За едой Сендзёгахара зачесала назад отросшую в последнее время чёлку и закрепила её сзади красной резинкой. Такая причёска выглядит глуповато, но мне нравится, как открывается её прекрасный лоб, и ещё чувствуется, что таким «беззаботным» видом Сендзёгахара немного открылась, так что ничего плохого в этом нет.

— Э-эм... что?

Я не знал, как реагировать, а Сендзёгахара хмыкнув взяла палочками немного риса из своего бенто, а затем поднесла к моему лицу.

— Скажи «а-а».

— Э!..

Вуу!..

Что за дела!..

Из манги я, конечно, знаю, что это часть нежностей влюблённых парочек, но что-то мне совсем не радостно, а жутко, даже просто страшно!

Эта неизменная безэмоциональность Сендзёгахары... Если б у неё на лице показалось смущение или неловкость, то я с радостью бы, но просто невыносимо, когда не можешь прочитать эмоций собеседника...

Сразу начинаешь подозревать, не задумала ли она чего.

Наверное, тут скрыто что-то ещё.

В смысле, по-любому тут скрыто что-то ещё.

Как на обратной стороне диска.

Я как дурак открою рот, а она обведёт меня и посмеётся.

— Что такое, Арараги-кун? Скажи «а-а».

— ...

Нет...

Надо ли сомневаться в своей девушке?

Сендзёгахара, конечно, желчна, но не настолько жестока. Мы встречаемся всего месяц, не скажу, что это достаточно долго, но тем не менее мы по-своему понимаем друг друга. Выстроили доверительные отношения. Стоит ли рушить их вот так?

Я же парень Сендзёгахары.

— А, а-а.

Открыл рот.

— Так.

Сендзёгахара пронесла комочек риса немного правее открытого рта и приложила его к моей щеке.

— ...

Нет-нет-нет.

Очевидно это был розыгрыш.

— Хо, хохохо.

Сендзёгахара рассмеялась.

Тихий утробный смех.

— Хохохо... Аха-ха. Ха-ха.

— Видеть твой смех высшее для меня наслаждение.

Раньше она смеялась редко.

Даже сейчас она смеётся только в такие моменты.

В основном она всё так же безэмоциональна.

— Арараги-кун, у тебя рисинки на щеке.

— Ты их прилепила.

— Я уберу.

Сендзёгахара отложила палочки и протянула руку. А затем аккуратными движениями начала убирать с моей щеки по одной рисинке, которые сама же и прилепила.

Хм-м.

Это как-то...

— Вот, больше нет, — сказала она.

И выбросила всё в ближайшую мусорку.

Выбросила...

Прямо у меня на глазах...

Хотя я и не надеялся, что она их съест.

— Так вот, — переключилась Сендзёгахара.

Как ни в чём не бывало.

— Идём на свидание, — повторила она.

Однако Сендзёгахара отчего-то неуверенно промычала. Затем склонила голову набок, задумавшись.

— Не то. По-другому. Не...

— ?..

— Не могли бы мы... сходить на свидание?

— ...

— Как насчёт... сходить на свидание... со мной...

— ...

Да она!..

Она реально не знает, как попросить?!

Я поражён.

Ещё больше удивляет это прямое, даже внезапное приглашение на свидание от Сендзёгахары.

Ровно месяц после того, как мы начали встречаться.

Сколько раз я откровенно и смело приглашал, но эта девушка и пальцем не шевельнула... Сендзёгахара Хитаги, она неподвижна, как ветер; она неподвижна, как лес; она неподвижна, как огонь; она неподвижна, как гора¹... и сама вдруг пригласила на свидание?

До этого дня мы упорно, словно заключив негласный уговор, сохраняли, как назвала это моя кохай Камбару Суруга, «платонические отношения», а теперь наконец идём на свидание?

Что же у неё там поменялось?

Недавнее «а-а» это не затрагивает, но не задумала ли она чего-нибудь снова?.. Это же приглашение на свидание от своей признанной всеми девушки, у меня, конечно, может, и паранойя, однако удивления это заслуживает определённо.

— Что такое? — ровно проговорила Сендзёгахара. — Не хочешь, Арараги-кун?

— Да нет, хочу...

— Я недавно слышала.

Сендзёгахара с вызовом глянула на меня.

Это так смотрят на своих парней, да?

— Что ты очень повеселился на свидании с Камбару, Арараги-кун. Сблизился с ней, после проведённой вместе ночи?

— Типа того... ты от Камбару хоть узнала?

— Да... только она долго не решалась рассказывать.

— ...

И почему это она не решалась!..

Постыдного ничего не было, ты могла рассказать без утайки! Если скрывать, то наоборот покажется, будто что-то было! С теми, кто постоянно что-то не договаривает, всегда проблемы!

— Она попросила, чтобы я не упрекала её Арараги-сэмпая.

— Почему это она меня защищает?! Я ничего плохого не делал!

Я невиновен!

Клевета!

Все обвинения ложные!

— Во всяком случае, — проговорила Сендзёгахара. — Хорошо, что вы подружились.

— ...

И как это понимать?

Конечно.

Сендзёгахара чувствует себя обязанной и знает свою слабость к Камбару, это правда. Да и понимает моё с Камбару соперничество за неё. Так что не очень понимаю, какой смысл сдруживать меня с Камбару, однако чувствую, в её сегодняшних словах есть какой-то неуловимый нюанс.

Мне вспомнилось, что вчера говорила Ханэкава.

«У Сендзёгахары-сан это вызывает сильную тревогу».

Если сопоставить это с тем нюансом...

Что вообще у неё в голове?

— Теперь можно использовать Камбару в качестве заложника.

— Жуть какая!

Заложник?!

Притянула в обычный разговор заложника!

— Камбару такая милая, да... кстати, эта милашка с радостью подчинится любому моему слову, что об этом думаешь, Арараги-кун? Не хотел бы посмотреть, как милая девушка ползёт на четвереньках по школьному коридору, голая ниже пояса?

Сендзёгахара говорит такой ужас с налётом нарочитой меланхолии... Я родился и вырос в мирной стране и никогда бы не подумал о существовании таких ненасильственных, обёрнутых тишиной угрозах...

Сендзёгахара Хитаги.

Теперь всё ясно, никакая ты не цундере, а просто ужасный человек...

— Как грубо, Арараги-кун. Впервые мне кто-то говорит подобное.

— Серьёзно?..

— Прямо противоположное. «Ты такая хорошая».

— Это сарказм!

Если надо, даже я так скажу!

Ты такая хорошая!

— Что же?... Хочешь сказать, эти люди обманывали меня? Что бы ты ни говорил, но непозволительно сомневаться в их словах...

— Не защищай тех, кто оскорбляет тебя!

Вообще.

Весь этот разговор — обычная шутка.

Просто проверить друг друга.

— Так что.

Понятие не имею, какое тут «так что», но Сендзёгахара снова вернулась к прежней теме:

— Давай сходим на свидание, Арараги-кун.

— Так спокойна в итоге...

Весьма правильно.

Не слишком.

— Какие-то возражен... Какие-то вопросы есть?

— Нет...

— Тогда я сегодня после уроков придумаю подходящую отговорку, вернусь домой раньше и всё приготовлю, а ты как закончишь с подготовкой к культурному фестивалю, подходи к моему дому, — закончила Сендзёгахара и как ни в чём не бывало вернулась к еде.

Сендзёгахара Хитаги как само собой прогуливает подготовку к культурному фестивалю, поставив свидание приоритетом, но, конечно же я рад, что смогу сходить с ней на свидание. К тому же, свидание в вечернее время почему-то довольно многозначительно. «Куда пойдём и что будем делать доверь мне», — сказала Сендзёгахара. Я подумал, что ситуация не особо располагает к завоеванию, так что просто отдался восторгу и мысленно воскликнул: «Йес!»

Долгим был путь...

Никогда не думал, что просто получить обещание о свидании от неё займёт столько труда... настолько, что даже сходил на свидание со своей полной энтузиазма кохай, но всё хорошо, что хорошо кончается.

Так или иначе.

Тринадцатое июня запомнится мне, как первое свидание с моей девушкой...

Однако.

Через несколько часов.

После уроков я, закончив с подготовкой к фестивалю, пошёл домой, но у школьных ворот мне встретила Сэнгоку Надэко, давняя подруга моей младшей сестры, Сэнгоку передала мне спортивные трусы и школьный купальник, с чем и застала меня Ханэкава, которую я потом нижайше умолял её: «Прошу! Я дам тебе пятьдесят тысяч, только не говори никому!» (Конечно же, Ханэкава тут же отчитала меня: «Пытаться купить людей, обладающих достоинством? Имей совесть». Меня бранила одноклассница, а я всё продолжал стоять у школьных ворот со спортивными трусами и купальником в руках.) По дороге домой я крутил педали быстрее обычного, дома переоделся и направился к Сендзёгахаре, прихватив с собой только бумажник и сотовый.

Когда я приехал, уже доходил восьмой час.

Боялся, что припоздал, однако Сендзёгахара сказала, что я даже раньше, чем она думала. А затем добавила: «Ну и ладно». Было бы хуже, если б я приехал ещё раньше.

Сендзёгахара тоже не в школьной форме.

Волосы она собрала в два хвоста, которые откинула за спину. В школе Сендзёгахара ходит с распущенными, кроме обеда и уроков физкультуры (в последнее время Сендзёгахара обычно ходит на физ-ру), вне школы, как правило, у Сендзёгахары волосы убраны, так что это довольно в её духе. С двумя хвостами она чем-то напоминает старосту Ханэкаву, но вообще выглядит удобно и стильно.

И только я подумал, что одежда говорит о том, что мы пойдём куда-то, как она проговорила:

— Пойдём. Хорошего вечера.

Всё как и думал, однако.

Здесь поджидал резкий поворот событий.

Сендзёгахара Хитаги повела меня к джипу, который припаркован у Тамикурасо.

Поедем на машине.

Это хорошо.

К автомобилям у меня никаких вопросов и возражений.

Проблема в том, что и мне, и Сендзёгахаре школьными правилами строго-настрого запрещено получать права, нельзя даже права на скутер, куда там на машину. Естественно, мы с Сендзёгахарой садимся на заднее сидение джипа.

На месте водителя кто-то сидит.

Отец Сендзёгахары Хитаги.

— ...

Первое свидание вместе с отцом девушки...

Пытка, а не свидание...

Какой уж тут памятный день.

Внутри автомобиля, несмотря на внешнюю доброжелательность, зависла атмосфера неловкости, после приветствий джип тронулся. Я так и не смог спросить, куда мы едем. Точнее, сейчас просто не до этого.

Разумеется, это моя первая встреча с отцом Сендзёгахары.

Лучше, если отец Сендзёгахары окажется дружелюбным и открытым человеком, даже не нужно вспоминать Сэнгоку, чтобы понять, что молчаливые люди — самые сложные для меня собеседники. В любом случае молчаливая девочка и молчаливый мужчина это разные вещи... После работы, нет, судя по его виду во время работы, отец Сендзёгахары спокойно ведёт машину. Да, вроде бы, он в иностранной компании работает...

С виду жёсткий человек. Чувствую, моя паранойя достигла своего пика, но такое ощущение, что я могу разозлить его любым своим действием.

Тем не менее... если отступить от данных обстоятельств, хоть седина в волосах и показывает, что он уже в годах, как и многие родители нашего поколения, но это его несколько не портит. Он словно актёр. Мужчина в самом расцвете сил — это определённо про него. Если

перевести на мою любимую, то Сендзёгахара Хитаги — красавица, которую в классе называют принцессой, но теперь ясно, что она пошла в своего отца.

Хм-м.

Привлекательный отец значит, что и стандарты будут повыше...

— В чём дело, Арааги-кун? — спросила сидящая рядом Сендзёгахара, когда мы проехали какое-то расстояние. — Слишком ты молчишь.

— Эм... ты понимаешь, что сейчас за ситуация?

— Не понимаю. Когда сейчас? Какими кандзи записано «ситуация»?

— Всё ты понимаешь!

Дурочку разыгрывает.

Будто не знает, что люди почувствуют.

— Арааги-кун. Ты, конечно, нервничаешь из-за нашего первого свидания, но так ты долго не протянешь. Ночь будет длинной.

— Ага...

Нервничаю я не из-за свидания!..

Искренне скучаю по тому времени, когда я раздумывал над многозначностью свидания поздно вечером. Как же тогда я был счастлив. То, что ночь длинная, это, если честно, просто ужасно. Почему ночь такая длинная? Сейчас я просто хочу, чтоб всё закончилось как можно скорее...

— Эй, Арааги-кун, — ровным голосом позвала меня Сендзёгахара.

Она совсем не нервничает?

— Ты любишь меня?

— !..

Какой неожиданный выпад!

Она способна на такое и без колких словечек!

— Ответь. Ты меня любишь?

— ...

— Что такое? Не можешь ответить? Неужели ты меня не любишь, Арааги-кун?

Ужасно...

Худшее, что могло быть...

— Л-люблю...

— Хорошо, — без тени улыбки проговорила Сендзёгахара.

На лице полнейшее отсутствие эмоций.

— Я тоже люблю тебя, Арараги-кун.

— Большое... спасибо.

— Не за что.

Это...

Что ты такая спокойная?

С полной беспечностью говорить такое при своём отце... если ты прессуешь меня, то не колеблясь ранишь и себя.

Я осторожно, боковым зрением, посмотрел на место водителя (даже слишком осторожно, но взглянуть в упор я не в силах). Отец Сендзёгахары, однако, хранит абсолютное спокойствие. Полностью сосредоточен на вождении. Крутой... Похоже джип едет в направлении шоссе. Шоссе... далековато. Ну, думаю, в противном случае Сендзёгахара всё-таки не потащила бы своего отца на свидание...

Минут через десять мы, как я и предположил, выехали на шоссе. Уже не убежать. Но я же с самого начала не собирался убегать.

— Арараги-кун, ты какой-то тихий. Слишком неразговорчивый. Мы всегда столько болтаем, у тебя сегодня нет настроения?

— Да не в настроении дело...

— Ах. Значит, мозгов нет.

— Не пользуйся суматой, чтобы сказать, что вздумается!

— По крайней мере, в любое время ты открыт для шуток. Это хорошо. Тогда я любезно подниму тему. А ты, Арараги-кун, должен будешь отвечать, — сказала Сендзёгахара. — За что ты меня любишь?

— Знаю точно за что не люблю!

Чего она вообще добивается.

Чуется мне, словно и само это свидание огромная подстава, организованная чтобы загнать меня в ловушку.

Хочу убежать.

— Блин... я так ждал... думал, исполнятся мечты, а тут!..

— Мечты это слишком, — безэмоционально проговорила Сендзёгахара. — Не думал, Арараги-кун? Если записать «тщетный» в «человеке»... что же тогда получится.

— Наверное, я...

«夢い」 в «人» читается «арараги».

«Тщетец».

Рождение нового кандзи.

— Ты так беспокоишься, Арараги-кун... Ох, я вся в нетерпении и могу лишь веселить тебя изо всех сил.

— Думаю, ты могла бы просто извиниться...

Однако.

Извинения тут не помогут.

Иначе бы в полиции всех преступников отпускали после извинений.

— Вообще, сейчас я скорее очень-очень устал.

— Как красота изнурён мигом².

— Красота изнуряется мигом? Интересно...

Но смешно не особо.

Голова другим забита.

В любом случае.

— Эй, Сендзёгахара... что ты на самом деле планируешь?

— Сендзёгахара? Ты обращаешься ко мне или к моему отцу?

— ...

Она... она просто...

Так, спокойно, я... если сейчас я выскажу, что думаю, то всё кончится расставанием...

— Папа. Арараги-кун тебя звал.

— Хитаги-сан! Я позвал Хитаги-сан!

Всё-таки без «-сан» не смог.

Хитаги-сан.

Кто ожидал, что со своей девушкой я вот так встречу событие «называть друг друга по именам», которое недавно проделала Камбару...

— Что же, Арараги-кун?

— ...

А сама не назвала.

Ну и ладно.

— Вот, Хитаги-сан, спрошу ещё раз... я хотел бы услышать. Что ты планируешь? Что ты замыслила?

— Я ничего не замысливала. Знаешь, Арараги-кун, был один писатель, Куроива Руйко, и если разложить его имя на «курои» «варуи» «ко», то получится злой дурной ребёнок. Как думаешь, это так специально?

— Да какая вообще разница! Это ты тут злой дурной ребёнок!

— Ты обозвал меня на глазах моего отца.

— Ох!..

Ловушка!

Попался!

— Папа, твоя дочь злой дурной ребёнок.

Сдала...

Отец Сендзёгахары на это никак не отреагировал.

Наверное, он уже привык к таким выходкам. Ну, это же его ребёнок, как никак...

Тогда моё замешательство уже ничего не значит.

Просто манипулировать неинтересно.

— Ох. Ты снова притих. Неужели я слишком дразнила тебя, — Сендзёгахара поглядела на меня. — У тебя такая реакция, Арараги-кун, что мне постоянно хочется помучить тебя.

— Эти слова мучают меня сильнее всего...

Всё.

Ладно, попробуем нанести ответный удар.

Иногда и мне хочется поглядеть на мучения Сендзёгахары.

— За что ты меня любишь?

— Ты добрый. Милый. Если я попаду в беду, ты тут же примчишься меня спасать, словно прекрасный принц.

— Прости!

Зачем я пытался контратаковать?

Пытаться противостоять в нападках с этой злокой, у которой опыта в этой области не занимать...

Сендзёгахара само равнодушие.

Неужто у неё нет эмоций?

И даже если знаю, что она просто вернула остроту, сердце всё равно забилось чаще...

— Не понимаю... почему... где, как я ошибся и выбрал этот тернистый путь...

— Что плохого в терниях? Образ элегантной прогулки по пути, усыпанном прекрасными цветками роз, весьма красив и живописен.

— Не выворачивай в хорошую сторону!

— На языке цветов роза — глупец.

— Врёшь! Лишь бы выдумать всякое!

— Кстати, — проговорила Сендзёгахара. Переводит темы как хочет. — Кстати, помои... то есть, Арараги-кун.

— Ты сейчас своего парня помоями назвала?

— Попрошу прекратить сии беспочвенные обвинения. Арараги-кун, как ты написал последний тест?

— А?

— Эй, я ведь так опекала тебя, когда мы были наедине у меня дома.

— ...

Зачем она говорит такое...

При отце говорить, что мы были наедине у неё дома, когда отца не было...

— Результаты выдали в конце прошлой недели, но ты ничего мне не рассказал, так что до сегодняшнего дня я думала, что результаты провальные, и притворилась, что мне это неинтересно, но сегодня Ханэкава-сан сказала, что всё не так плохо, это правда?

— Ханэкава?

— Она всё-таки умеет хранить секреты, так что конкретики мне узнать не удалось, но думаю, она рассказала бы, если б ты завалил тесты.

— ...

Похоже, расспрос был не из приятных.

Мне было интересно, отчего тогда, у школьных ворот, Ханэкава как-то натянуто говорила о Сендзёгахаре, так то был намёк такой?

Я вчера обсуждал результаты тестов с Ханэкавой в книжном... однако что бы Сендзёгахара ни говорила, промолчать и правда довольно неблагодарно. А потом мы с Ханэкавой поговорили о поступлении, и я уже как-то не мог рассказать...

— Не утаивай. Поскорей расскажи, какие у тебя конкретно оценки, если станешь задаваться, я выверну тебе все суставы и придам твоему телу идеальную форму.

— Эта форма ни разу не идеальная!

— С изъязном?

— Тут не в этом дело!

— С изюмом?

— Какой изюм!

— Так что если не хочешь ходить только мостиком, то поскорее расскажи.

— Если ты вывернешь мне все суставы, этим дело не закончится!

Я умру.

Умру раз пять ещё до того, как ты закончишь.

— Ты права, мне стоило рассказать об этом раньше. Извини. Да, оценки вышли лучше, чем я ожидал. Даже по математике, которая и без того была нормальной, балл поднялся. Всё благодаря тебе, спасибо, Сендзёгахара.

— Папа, Арараги-кун, похоже, хочет тебя поблагодарить, боюсь, ты не услышал.

— Спасибо, Хитаги-сан!

Уже неважно.

В общем, я подробно рассказал, что получил по всем предметам. Сендзёгахара задумчиво кивала и спрашивала, в каких вопросах я ошибся, а какие не понял... она реально помнит все вопросы теста? Ничего себе. Ну, она же достаточно умная, чтобы занять седьмое место в рейтинге, параллельно при этом помогая мне с учёбой... На самом деле ничего такого удивительного.

Наконец разговор, подобающий школьникам.

И можно не волноваться, что её отец рядом.

Мы сама порядочность.

— Но проверку ответов нужно было сделать сразу после теста, — проговорила Сендзёгахара.

— Ну, сейчас требовать от тебя такого жестоко... но результаты неплохи. Я сама тебе помогала, но немного неожиданно.

— Неожиданно?

— Да. Какой-то скучный итог для тебя.

— Я учился с тобой не для веселья!

— Я ожидала чего-то, вроде: «Я так старался, но всё равно написал хуже, чем обычно», так что даже немного разочарована.

— Это же ужасно!

— Ох как, — сказала она.

Сендзёгахара с хлопком уложила свою ладонь мне на ногу.

На бедро.

?..

Чего это она?

Вообще, несмотря на то, что это джип, салон не особо просторный, так что мы с Сендзёгахарой на заднем сидении сидим довольно близко друг к другу... Если, например, машину накренил, мы соприкоснёмся телами.

Но когда касаются специально, самостоятельно подавшись, я даже не знаю, как реагировать...

— Но на самом деле это сильное достижение. Ты молодец, — как ни в чём не бывало продолжила Сендзёгахара.

Её рука, однако, словно двигалась по собственной воле. Как ей удаётся проделывать это не меняя выражения лица? Закрадывается подозрение, уж не маска ли на ней.

— Я редко кого хвалю. Когда же это было в последний раз. Точно, в начальной школе, когда мальчик за соседней партой три раза победил в Отелло³.

— Реально давно, да и не хвали людей за такие пустяки!

— Это ложь.

— Ложь...

— Но я правда редко хвалю кого-то.

— Я уж понял...

— Хотя сейчас я косвенно похвалила и себя. Думаю, можно гордиться тем, что я сама смогла подучить такого непутёвого Арараги-куна.

— ...

Ну.

Как никак это правда.

— Ты хорошо поднялся для дурачка, который может написать «полковник» вместо «половник».

— Не делал я таких ошибок!

— Баллы ты потерял, похоже, по небрежности... Хм. Если так пойдёт и дальше, то, наверное, тебе можно будет нацелиться повыше.

— Повыше, говоришь.

Поступление в университет.

Карьера?

— Если не возражаешь, я могу продолжить заниматься с тобой.

— Ну...

На самом деле.

Сейчас я нацелился поступать в госуниверситет, в который Сендзёгахара пройдёт с рекомендацией, но сейчас ещё не время рассказать ей об этом, так что никаких оснований для отказа у меня нет.

— Большого я и пожелать не могу.

— Ох как, — лишь проговорила Сендзёгахара с чинным выражением лица.

Ханэкава умеет хранить секреты, так что думаю, Сендзёгахара от неё ничего не получила, но полагаю, Сендзёгахара могла и сама догадаться.

Такие дела.

Ну, это, в принципе, хорошо. Если и так, то Сендзёгахара просто будет ждать, пока я сам не решусь рассказать...

В таком понимании нет ничего плохого.

— ...

Её правая рука, не удовлетворившись одним лишь прикосновением, начала нежно поглаживать внутреннюю часть бедра. И как такое понимать?

Это приставание?

Прямо перед отцом?

Хотя скорее позади отца.

— Тогда каждый день будем заниматься у меня дома.

— К-каждый?!

Что-то никакое не понимание!

Э, хотя?..

Но что-то в этом же есть? Но каждый день... Каждый? Даже когда у нас уроки? И после уроков и в воскресенье?

— Что такое. В чём дело, Арааги-кун?

— Д-да ничего... Умные всё-таки столько занимаются.

— С чего ты взял? Я много не занимаюсь, а то надоедает. Это специальная программа для тебя, Арараги-кун.

— ...

Задатки гения в ней...

Занявшая седьмое место в рейтинге говорит, что учиться надоедает...

— Умные люди умны и без учёбы. Оценки это лишь результат понимания и запоминания.

— Ого... Но Ханэкава говорит, что если она не учится, то у неё голова начинает болеть.

— «Учиться» Ханэкавы, Арараги-кун, и наше «учиться» это вещи совершенно разного порядка, — сказала Сендзёгахара.

Она немного помолчала.

— Ханэкава-сан подлинный мастер. Её мир отличен от нашего.

— Хм-м...

Даже для тебя так?

Барьер.

Седьмое место и первое.

Из одного ряда, но такая разница.

— Мастер...

— Чудовище, наверное, можно даже так сказать. Если говорить прямо, не так уж неприятно? У неё острый ум. Хотя остроумной не назовёшь...

Привычного яда Сендзёгахары я не почувствовал.

С Ханэкавой она всегда так.

Не ненавидит, но...

Отходит на странное расстояние.

— Ты сказала нашего?

— Да. Нашего. С твоей стороны я и Ханэкава-сан довольно схожи, но со стороны Ханэкавы-сан и ты, и я на одном уровне.

— Вот как.

— Да. И это в высшей степени оскорбительно.

— Оскорбительно...

Ещё и в высшей степени.

Она правда любит меня мучить.

— Но Ханэкава же не всегда получает наивысшие оценки? Хотя практически всегда получает...

— Если Ханэкава-сан не получила высшую оценку, значит, в тесте ошибка... Но даже не знаю. Какое напряжение ей приходится испытывать... Не сказала бы, что ей можно позавидовать.

— Напряжение...

— Или стресс.

— Стресс, значит.

Ханэкава Цубаса.

Девушка с поражающими воображение перьями...

— С другой стороны из-за этого нам глупо жалеть её.

И добавив «как-то так», Сендзёгахара вернулась к прежней теме:

— Тебе никогда не сравниться с таким мастером, и покуда ты пресмыкаешься в низинах рейтинга остаётся только упорно трудиться. Поэтому каждый день мы будем заниматься у меня дома.

— Ладно-ладно... Принято.

— Ладно три раза, Арараги-кун.

— Ладно-ладно-ладно!.. Стоп, зачем тебе такой боевой дух?!

— Я хочу видеть твою решимость. Потому и предлагаю заниматься у меня.

— Вот как...

— Но можно и у тебя дома.

— У меня немного обстановка к учёбе не подходит... Сёстры вечно шумят.

— Тогда иногда можно и к Камбару домой.

— Каким боком здесь всплыла Камбару?

— Вместе с занятиями с тобой я должна немного играть с ней. Я дала обещание, — проговорила Сендзёгахара твёрдым ровным голосом.

По крайней мере, мне так показалось.

Со мной она постоянно злюка, но, похоже, с Камбару Сендзёгахара по-настоящему цундере...

Хотя заложник.

Камбару Суруга.

— Ей помощь с учёбой не нужна... Но ты ведь не против поиграть с ней, Арараги-кун?

— Почему нет. Она забавная.

Даже слишком.

— Она как-то слишком привязалась ко мне, не очень понимаю, почему... Слишком хорошо относится ко мне.

— Наверное, в этом моя вина, — призналась Сендзёгахара. — Я рассказала ей, как ты спас тонущего ребёнка и что по воскресеньям ходишь помогать в дом престарелых.

— Ты же просто наврала!

— Шутка. Я говорила только правду.

— Хм-м... вот как.

— Ну, правда в общем заключалась в ругани на тебя, так что привязанность Камбару это её собственное решение.

— ...

Наговорила гадостей...

Когда же это прекратится.

— Хвалить своего парня даже при близкой подруге неловко, так что я просто так скрываю смущение.

— Обычно смущаются, когда скрывают смущение... А, точно, Сендзёгахара.

Я понизил голос, чтобы отец Сендзёгахары не услышал.

— Ещё одно про Камбару...

— Папа. Арараги-кун, похоже, хочет с тобой пошептаться.

— Хитаги-сан!

Больно внимательная!

Никогда не упустит возможности поиздеваться надо мной!

— Что с Камбару?

— Почему она такая извращенка? — спросил я, словно питчер кетчера, прикрыв ладонью рот.

Почему-то мне подумалось, что отец Сендзёгахары может через зеркало заднего вида прочитать по губам.

— Извращенка? Камбару?

— Да. Так и в средней школе было?

— Хм. Как было в средней школе... для начала нужно понять извращенка ли Камбару.

— Нет, что ли? Даже Ошино признал Камбару извращенкой, а не спортсменкой.

— Неужели? Не говорите ли вы так, только потому что мужчины ищут скромности в девушках? Всего лишь мужское мнение. Камбару просто честна с собой. Не думаю, что она заходит слишком далеко.

— Вот как...

Вот оно как, значит.

Не понимаю.

— Если будет время, Арараги-кун, почитай яойные романы или сёдзё-мангу, которые пишут для среднеклассников. Ты больше не назовёшь Камбару извращенкой.

— Ясно... Хотя читать, скорее всего, не стану.

Особенно яой.

Чувствую, после прочтения, многое закончится.

— Так, значит? Но я не могу закрыть глаза на то, как мою милую кохай клеймят извращенкой всякие узколобы.

— Что же ты тогда сделаешь?

Узколоб.

Похоже, я стал жертвой... плохо, если с Сендзёгахарой заговорить о Камбару, то она непреодолимой стеной встанет на защиту своей кохай.

Заложник...

Так не значит ли, что заложник — это я?

— Что сделаю? Я пошатну основы твоих стандартов и суждений. И после этого Камбару станет для тебя чистой и невинной девочкой.

Сендзёгахара мягко прижалась ко мне и зашептала в самое ухо.

Рот она прикрыла ладонью.

— xxxx.

— !..

Ух!..

Что это она сейчас!..

— В xxxx сделаю xxxx с твоим xxxx, потом с помощью xx xxxx, а затем xxx xx...

— О-ох!..

Сендзёгахара Хитаги...

К-какие непристойности!

xx в xx?!

Такое сочетание?!

И всё это ровным, деловым тоном!

Не могу поверить... Неужто простыми словами можно так возбудить человека?!

— О-оста...

Ох... не могу говорить!

Прямо перед отцом Сендзёгахары!

Нельзя привлекать внимания!

— xxx, и с xx добавлю xx...

— Ух...

Ещё её дыхание щекочет ухо... Эй, что вообще такое?! Девушка нашёптывает непристойности и при этом поглаживает бедро своему парню... прямо перед своим отцом! Это уже не словно пытка, это самая настоящая пытка! В чём мне нужно признаться, чтобы это прекратилось?!

Я ничего не знаю!

Правда ничего!

Ясно... загадка разгадана, это ты научила Камбару такой извращённости! Если подумать, то всё становится ясно, эта кохай же получила такое влияние от Сендзёгахары!.. Проклятие, основы моих стандартов и суждений действительно пошатаны и разрушены... да, Камбару не извращенка, Камбару совсем не извращенка...

— Ам.

Куснула за ухо!..

Я чувствую её губы!

Это уже слишком эротично!

— Как-то так, — спокойно, словно ничего и не происходило, Сендзёгахара отлипла от меня.

— Что такое, Арараги-кун?

— Делай уже, что хочешь... Хитаги-сан.

Я уже всё.

В жизни не желал такого свидания... ты разбила на мириад кусочков мои мечты и надежды...

Между тем уже прошло достаточно времени.

Мы выехали с шоссе. За окном машины я увидел скорее сельский пейзаж, чем окрестности родного города.

Где это мы.

Куда меня привезли?

Пока мы тут глупостями занимались...

— Немного осталось, — проговорила Сендзёгахара, также посмотрев в окно. — Ещё полчаса... наверное. Всё по расписанию... как я и планировала.

— ...

Не знаю, что там у тебя за расписание, но то, что всё вовремя это полностью заслуга твоего отца — его не хочешь поблагодарить?

Хм-м.

Наверное, отношения у них не такие хорошие.

Не припомню, чтобы у Сендзёгахары с отцом был связный разговор. Но перед отъездом-то они перекинулись парой слов.

Но не должно быть у них плохих отношений. Всё-таки Сендзёгахара помогала отцу по работе, чтобы выплатить сто тысяч йен Ошино — в награду за избавление от странности, и в итоге выплатила.

Ну.

В нашем возрасте сложные отношения с родителями это нормально, даже у меня так, а уж у Сендзёгахары вообще особые обстоятельства в семье.

Даже у Ханэкавы.

Ох, вспомнил.

Головная боль Ханэкавы... Недавно из-за этого шороха со школьным купальником и спортивными трусами она затемнила... но сомневаюсь, что всё так легко замялось... головная боль.

Если у неё болит голова.

Наверное, лучше переговорить с Ошино.

Но нехорошо постоянно полагаться на него... Ошино уже говорил это раньше, но он не всегда будет жить в тех развалинах...

Когда-нибудь он уйдёт.

Не знаю когда, но в обозримом будущем.

— Эй, Сендзё... Хитаги-сан.

— Помолчи.

Хоть я и поправил себя, Сендзёгахара этого не оценила и резко одёрнула меня.

— Бла-бла-блэк, лишь бы пошуметь.

— Б-блэк?

— Мы уже почти приехали, успокойся немного.

— ...

Какая отговорка...

— Я не марсианка и не настолько праздна, чтобы участвовать в твоих глупых разговорчиках, Арараги-кун.

— Марсианка стала бы участвовать в моих глупых разговорчиках?

Вообще, куда это мы приехали?

Хорошо бы уже рассказать.

Уже наигралась со мной? Однако мне как-то поднадоела вся эта пытка на глазах у отца Сендзёгахары, потому противиться не стал. Я принял её слова и поудобнее уселся в сидении автомобиля.

— Шumiшь.

— Э? Я ж ничего не сказал.

— Громко дышишь и стук сердца по ушам бьёт.

— Мне умереть, что ли?

Сендзёгахара не вставила в конце этого разговора ни слова.

Почему?

Выглядит чем-то напряжённой.

Собирается привести меня в какое-то странное место?

Машина вышла на горную дорогу.

Гора — не та небольшая горка, на которую мы вчера и позавчера взбирались с Камбару, а настоящая гора. Мотор джипа катит нас по огромной спирали. Дорога хорошая, не в пример той, по которой мы ходили с Камбару.

На вершину?..

Снова храм?

На первом свидании идём в храм...

Серьёзно?

— Сейчас, наверное, уже поздно интересоваться... но куда мы едем?

— В хорошее место.

— ...

— В хо-ро-ше-е мес-то.

— ...

Как бы очаровательно ты это ни произнесла...

Это же точно неправда.

— Арараги-кун, мы ведь уже приехали. Смотри, вот и парковка.

Впереди действительно виднеется парковка.

Приехали.

Сейчас уже где-то десять вечера... значит, ехали мы больше двух часов. Ужасная поездка, от которой дух спёрло, но теперь можно вздохнуть спокойно. Отец Сендзёгахары, выказав отличные навыки вождения, припарковал джип на пустующее место. Я уже на радостях хотел было выйти из машины, но Сендзёгахара остановила меня. И не схватила за руку, чтобы остановить, а вонзила ногти в бедро, которое до этого поглаживала.

Что она за зверь?

Уж не кошка.

— Т-ты чего?

— Арараги-кун, подожди здесь немного, — сказала Сендзёгахара. — Сперва я схожу одна, мне нужно кое-что подготовить.

— Подготовить...

Нужна подготовка?

Если ты сейчас уйдёшь одна, а я останусь ждать здесь...

— Поболтай пока с папой.

Легко бросила такую нелепость.

Сендзёгахара и правда вышла из джипа одна.

Ушла...

Никогда бы не подумал, что настанет день, когда я опишу своё состояние таким сравнением, однако иного просто нет... словно пёс, брошенный хозяином.

Что ж ты за человек-то такой, Сендзёгахара.

Бросила меня в таком положении...

Предала, изменила.

Вонзила нож в спину!

От замешательства я даже потерялся, что сказать.

Конечно же, она ни предавала, ни изменяла, но, если подумать, изначально сама же Сендзёгахара Хитаги втянула меня в это положение.

Не могу поверить...

В тесном салоне один на один с отцом девушки...

Это уже даже не пытка.

Это кара.

Вряд ли во всей Японии можно сыскать второго третьеклассника старшей школы, испытывшего подобный суровый опыт... ну что за невезение.

П-поболтать, говоришь?

Какое-то тягостное молчание... но как-то не хочется, чтобы у отца Сендзёгахары сложилось плохое впечатление обо мне. Однако... до этого я практически не общался с людьми в два раза старше меня, если не считать родственников и учителей...

Пока я метался в панике, отец Сендзёгахары к моему удивлению заговорил первым:

— Арараги-кун, вроде бы.

— ...

Вроде бы...

Вдруг огромная стена возвысилась меж нами...

Но он и правда похож на актёра, и голос хороший... Хотя на вид не скажешь, что голос красивый.

— Д-да... Я Арараги Коёми, — ответил я.

— Ясно, — кивнул отец Сендзёгахары. — Позаботься о моей дочке.

Чего-о-о?!

Вдруг сказал такое!

— Шучу, — продолжил отец Сендзёгахары.

Шутит...

Отцовские шутеечки?

Это серьёзно отцовская шутка?!

Но сказал даже без намёка на улыбку — уж не наслаждался ли моими затруднениями... Как поступить? Да всё равно никак поступить не могу.

— Арараги-кун, думаю, ты уже слышал, но я очень занят на работе. У меня практически нет времени, чтобы проводить его с Хитаги.

— Да...

Хитаги, значит.

Естественно, он называет свою дочь просто по имени.

Ничего в этом удивительного.

Они же отец и дочь.

— Потому, наверное, от меня это прозвучит неубедительно, но я давно не видел Хитаги такой весёлой.

— ...

Вы точно понимаете, о чём сейчас говорите?.. Ваша дочь веселится, издеваясь над одноклассником...

Отец Сендзёгахары несколько замялся. Подбирает слова. Похоже, отец в отличии от дочери не такой словоохотливый — скорее даже несколько косноязычный.

— Ты уже слышал о матери Хитаги?

— Да...

— Тогда и о болезни Хитаги тоже.

Болезнь Сендзёгахары Хитаги — хоть и можно назвать болезнью, но в данном случае это обычная странность.

Краб.

Странность-краб.

С помощью Ошино болезнь отступила, однако проблема не настолько мелкая, чтобы всё закончилось с выздоровлением.

А в этой семье тем более.

— Ну, и не только это, конечно, здесь и моя вина, из-за загруженности работой... но Хитаги полностью закрылась ото всех.

— Да, знаю.

Очень хорошо знаю.

Мы учимся в одном классе.

Два года подряд.

И больше месяца третьего года.

Я знаю, насколько она закрылась.

— Это не допускает никаких оправданий — родители ответственны за поступки детей, но дети не должны нести ответственность за поступки родителей.

— Ответственность?..

— Человек, закрывшийся от других, говорит то, что думает, только двум категориям людей. Первая: люди, ненависть которых не волнует. И вторая: ненависти которых можно не опасаться.

— ...

Сендзёгахара в самом начале, когда взмахнула степлером, безошибочно определила меня в первую группу. Сбросила маску принцессы и явила мне свою истинную устрашающую натуру, для этой девушки я был не более, чем просто «врагом», узнавшим её секрет.

Но сейчас.

Неужто она настолько мне доверяет? Достоин ли я?..

— Всё из-за её матери. Плюсом болезнь. Хитаги готова любить, но не знает как, — развивал свои мысли отец Сендзёгахары.

По сути ничего невероятного он не говорит, но благодаря этому красивому голосу, такое чувство, словно из его уст льётся лиричная речь.

— Арараги-кун, думаю, ты хорошо подходишь Хитаги.

— Думаете?..

Каждый раз когда она меня ранит?

Словно ножом режет?

Если б эти раны кровоточили по-настоящему, я бы давно умер от кровопотери.

— У нас так постоянно. Даже подумываю, не специально ли она привела отца, только чтобы досадить мне.

Ой.

Я же сейчас сказал «отца».

Ч-что же сейчас он скажет?.. Традиционное «как ты смеешь называть меня отцом!»?

— Вряд ли.

Не сказал.

Вот она, разница поколений...

— Ну, скорее всего, это шпилька в мою сторону.

— Шпилька?..

М-м?..

А, понятно.

Если подумать, то когда твоя дочь обжимается на заднем сидении с парнем, которого ты впервые видишь, это и правда не особо приятно. Я-то, конечно, получил сполна, но кого она собиралась помучить, так не меня, а своего отца... да?

— Да нет, не думаю... Хитаги-сан не стала бы так со своим отцом...

— Это потому что её не волнует моя ненависть. Я... — говорил отец Сендзёгахары. — Можно сколько угодно ненавидеть, но отец есть отец. Раньше мы с её матерью часто ссорились на глазах у Хитаги... сейчас Хитаги, наверное, и не представляет, как выглядит дружная семья.

— Ох...

Развод.

Живут без матери.

Вот так.

Он сейчас ни разу не сказал ни «жена», ни «супруга» — только «мать Хитаги».

— Потому вот так. Хитаги так и говорит, что не будет такой, как мы. Думаю, на самом деле всё так. Вам действительно хорошо вместе.

— Это ну... совру, если скажу, что нехорошо, но... это вечная её внезапность...

Ой?

Не сочтут ли это за грубость?

Если подумает, что я оскорбляю его дочь... я-то просто похвалить собирался, но если посмотреть со стороны собеседника, то в некоторых случаях может восприниматься, как брань в отношении близкого человека... у-ух, я не знаю планку.

Чего это я накручиваю.

Разве я сейчас на плохой стороне?

— Хитаги хочет любить, — повторил отец Сендзёгахары. — Поэтому она полностью отдаст себя подходящему человеку. Будет ластиться изо всех сил. Потому что ищет кого любить. Она моя дочь, но должен признать, она слишком тяжела для отношений.

— Слишком тяжела?

Иронично.

— Печально, но я уже не в состоянии поддержать Хитаги. Потому она уже давно не обращается ко мне.

— ...

— Когда же, а, тогда она в ярости размахивала степлером... это был последний раз.

Она так и с отцом делала?

Это уже бытовое насилие...

— Но недавно, впервые за долгое, действительно долгое время Хитаги попросила меня. Захотела помочь мне по работе, — в раздумье медленно проговаривал отец Сендзёгахары. — И сейчас. Оба раза связаны с тобой. Ты смог изменить её, думаю, это многого стоит, Араагикун.

— Тронут, что вы так высоко меня оценили... но всё это просто случайность, — не выдержав, наконец заговорил я.

Чую, он всё не так понял и теперь хвалит меня за это. Оценил по ошибке. Если честно, от такого мне не по себе.

— Разве? Я слышал, ты принимал участие в выздоровлении Хитаги.

— Думаю, всё бы прошло хорошо даже, если б там был не я. Я просто случайно оказался рядом... тут с любым бы вышло, да и Хитаги-сан в конце концов спасла себя сама, я просто наблюдал.

— И это хорошо. Я благодарен тебе просто за то, что ты был рядом в нужное время, — отец Сендзёгахары впервые улыбнулся. — Я не смог исполнить своей роли отца и теперь не чувствую, что забочусь о ней. Она словно живёт сама по себе. Когда я был ей нужен, я не смог быть рядом. Если честно, меня едва хватает только на выплату долгов, набранных матерью Хитаги, — даже этот джип одолжил у друга. Но я всё равно горжусь своей дочерью. Я верю в её выбор. Она не ошибётся.

— ...

— Позаботься о моей дочке, Арараги-кун.

— Отец...

Довольно странный вышел разговор.

«Однако», — подумал я.

Наверное, она не пыталась вам досадить.

Скорее, Сендзёгахара хотела показать отцу, что она уже в порядке и, сейчас, на своё первое свидание, сама же позвала своего отца.

Не «я не стану такой, как вы».

А «больше не нужно волноваться обо мне».

Я будто услышал эти её слова.

Однако не мне это говорить. Не стоит совать нос в дела чужой семьи — думаю, у меня нет прав втискиваться меж Сендзёгахарой и её отцом.

Потому я промолчал.

Определённо вы не из тех, чья ненависть её не волнует, скорее из тех, чьей ненависти не опасается.

Мне никак не сказать.

Лишь один человек должен раскрыть это.

— Кстати, где это мы?

— Раз Хитаги не говорит тебе, то и я не могу рассказать. Но давно... мы приходили сюда несколько раз втроём.

— Втроём?..

Втроём... Сендзёгахара, её отец...

И мать?

— Выбрать это место для первого свидания, а она довольно... Ох, похоже, принцесса возвращается.

Как по-отцовски прозвучало.

Будь мы одного возраста так бы сказал, но я благоразумно воздержался.

Но Сендзёгахара возвращается?.. И правда, за лобовым стеклом показался её размеренно идущий силуэт. Ух, ещё недавно я думал, что когда она вернётся, то выскажу ей всё относительно того, что она меня бросила, но теперь она мне видится спасительным ангелом, спустившимся с небес.

Коварно...

— Прости за ожидание, Арараги-кун, — ровно проговорила Сендзёгахара, открыв заднюю дверь.

На моё состояние девушка внимания не обратила. Затем она сразу же повернулась к водительскому креслу и позвала:

— Папа. Теперь время для молодых. Спасибо, что отвёз. Думаю, мы закончим через два часа, так что можешь вернуться к работе.

— Хорошо.

Отец Сендзёгахары тут же достал мобильник. Как я и думал, похоже, её очень занятой отец лишь взял перерыв, чтобы проводить нас... а теперь продолжит работу по телефону.

Хм.

Значит... на этом отцовское сопровождение кончилось?

— Так что, Арараги-кун.

Сендзёгахара протянула мне руку. Я осторожно взял её ладонь. Затем выхожу из машины, будто она меня вытягивает оттуда.

Сендзёгахара сразу же убрала руку.

Всё-таки непоколебима.

— Спасибо, папа, — наконец поблагодарив, Сендзёгахара закрыла дверь джипа.

Ну, конечно, дело не великое... в любом случае у нас наконец настоящее свидание. Немного не по себе от того, что мы вот так вот на парковке ночью оставляем отца Сендзёгахары, который довёз нас в горы, но как никак у него работа, так что всё нормально.

— Так где это мы, Хитаги-са...

Уф.

Уже можно же.

Хотя немного жалко.

— Сендзёгахара, где мы?

— Хм.

Сендзёгахара вдруг обернулась.

— Я когда-нибудь отвечала на твои вопросы, Арараги-кун?

— ...

Хотя.

Бывало же, нет?

Я что-то задумываюсь, не считает ли она меня за того, чья ненависть не волнует, раз так холодна.

— Больно ты высокого о себе мнения, раз задаёшь мне вопросы.

— Мне теперь и вопрос задать нельзя?..

— Помню, что разрешала тебе только на колени встать.

— Не собираюсь я ни на что вставать!

— Намерен пасть ниц передо мной?

— Постоять-то уже нельзя?!

Раз её отца уже нет рядом, могу говорить, что угодно.

Арараги Коёми в полную мощь.

Я шёл следом за бодро вышагивающей Сендзёгахарой. Хоть мы и в горах, но благодаря уличным фонарям с парковки не так уж и темно... Но можно ли называть их уличными, если улицы нет? Думаю, это неважно.

— Повезло, что сегодня хорошая погода.

— Хорошая погода? Это как-то связано с погодой?

— Да.

— Хм-м... Ну, мне всегда везёт на погоду.

— Да? Голову припекает?

— У тебя со слухом проблемы!

— Эй, — позвала Сендзёгахара, когда мы вышли с парковки. — Там стоит знак. Прочитай его.

— А?

Какой-то тон у неё мрачноватый... мне так кажется, хотя там, куда Сендзёгахара указала, действительно оказался знак: «Обсерватория Долина звёзд».

Обсерватория?..

Значит...

— Ой.

Правая рука Сендзёгахары схватила меня за голову, когда я рефлекторно попытался посмотреть на небо. Какой-то прямо захват. Голову никак не поднять.

— Что ты делаешь?

Как унижительно...

В моём-то возрасте схватили сверху...

— Арараги-кун, тебе пока нельзя смотреть вверх. Вперёд тоже нельзя. Опустить глаза и смотреть только себе под ноги. Это приказ.

— Что за дурацкие приказы!

— Если не подчинишься, я закричу, и папа сразу примчится сюда.

— ...

— Или завтра Камбару будет ждать не самая приятная судьба. Старшеклассница, пришедшая на урок в одежде детсадовца, или старшеклассница, стоящая в коридоре с плакатом на шее «я наказана, потому что была очень плохой девочкой», что тебе больше нравится?

— Ладно...

Конечно, говорят, что стратегия требует жёсткости, но у неё вообще одна только жёсткость... поражался я, когда опустил взгляд себе под ноги. Сендзёгахара Хитаги, однако, руку от моего головы не убрала, так и продолжила идти.

Ух.

Словно собачку выгуливает.

— Ты и правда отчаянная.

— У тебя «от» лишняя. Ну, думаю, твои чачаянья всё-таки исполнятся, Арараги-кун, дар моего сервиса.

— А у тебя «ча» лишняя! Только жуть мне всякую говоришь. Где твоё милосердие?

— У меня только мило.

— Сердца у тебя нет!

— Ты преувеличиваешь. Вставить бомонд в разговор это правило хорошего тона.

— Слишком мучительно для старшеклассника...

Естественно, правильно бонмо⁴.

Ноша слишком тяжела и мучительна.

Как только мы покинули парковку, стало темно.

Однако раз уж мы рядом с обсерваторией в горах, то даже не нужно глядеть на небо, чтобы понять, что свет звёзд спасает нас от кромешного мрака. Городок у нас провинциальный, так что ночами мы тоже можем разглядывать созвездия, однако со здешним видом нам явно не потягаться.

Ах да.

Я наконец вспомнил.

— Кстати, Камбару...

— Что? Хочешь обсудить её неприглядную судьбу?

— Да кто бы вообще такое обсуждал!

— Вот и правильно, Арараги-кун. Если дело касается незавидной судьбы Камбару, то лучше дело от начала до конца доверить мне.

— Я никому не позволю устраивать такое с Камбару! Даже тебе! Я не о том вообще!

— Что тогда?

— Позавчера мы с Камбару говорили о созвездиях.

Змееносец.

Если пушусь в детали, то придётся рассказать и про подготовку ко дню рождения Сендзёгахары, так что нужно коснуться лишь частично.

— Тогда Камбару сказала, что два раза в год ездит в обсерваторию из соседней префектуры. Не сюда ли?

Камбару Суруга поверглась широкому влиянию Сендзёгахары, даже в плане извращений. Так что достаточно логичный вывод.

— Может быть, — ответила Сендзёгахара. — Сама я давно сюда не ходила... Но когда-то я ей рассказывала. Хм... мда. Камбару...

— А я думал, как странно. А тут так всё. И правда милая кохай.

— Да. Так и хочется с ней сделать.

— Что сделать?!

О... мне вспомнилось ещё одно. Когда я в первый раз был дома у Сендзёгахары... я тогда хвалился перед Сендзёгахарой, мол, астрономию знаю. Про пятна на Луне говорил... а Сендзёгахара моментом вывела мои поверхностные знания на чистую воду.

Стыд-то какой.

Лучше бы забыл.

Подальше все эти выводы.

Я впервые хожу в обсерваторию.

— Никого, однако...

— Сейчас не очень подходящее время для наблюдений. Будний день. А все, кто пришли, наверняка в обсерватории.

— Где?

Я попытался поднять голову, но рука держала крепко.

В кожу тут же впились ногти.

— Эй, Сендзёгахара... Ты же понимаешь, что поступаешь сейчас ужасней, чем сама думаешь?

— Возможно.

Сендзёгахара Хитаги сделала вид, будто моё осторожное замечание её совсем не касается.

— Разве не счастье, что я вот так держу тебя рукой за голову, словно корюшка?

— Корюшка это одно, но в твоём случае это скорее белая акула... большая белая акула.

— Ох, как мило. Ты так сказал, что мои щёки белы настолько, что почти прозрачны, как ловко, Арааги-кун. Хочется даже побыть с тобой добрее.

Её ноготочки ещё глубже вонзились в кожу.

Простая, но эффективная боль.

Она реально белая акула... кстати, глаза этого животного, также не отражают эмоций, так что сравнение довольно реалистичное.

Так моя девушка белая акула?..

Акула Хитаги.

— Значит, здесь обсерватория стоит?

— Да. Там есть огромный телескоп.

— Хм. Немного не понимаю, что в этом такого... мы пойдём туда?

— Нет, — сразу же отмела Сендзёгахара. — Вход платный.

— ...

— А денег у меня нет.

Как-то даже гордо прозвучало...

Ну, это правда.

— Я могу оплатить вход... у меня есть с собой деньги.

— Мило, что ты хочешь потратиться ради меня. Но сейчас воздержусь. Моё место лучше, чем глядеть в телескоп из здания. Сюда.

Сендзёгахара сошла с дорожки и начала подниматься на холм. Я последовал прямо за ней, продираясь сквозь свежескошенную траву.

Вскоре Сендзёгахара остановилась.

На траве расстелено покрывало.

Ясно, вот какая подготовка?

— Закрой глаза и ложись.

Раз уж зашёл так далеко, не вижу ни смысла, ни причин противиться. Я понял намерение Сендзёгахары. Потому закрыл глаза и лёг, как и было сказано. Она убрала руку. А затем я почувствовал, как кто-то лёг рядом. Если этим кто-то окажется не Сендзёгахара, то это просто возмутительный обман.

— Можешь открывать.

Я подчинился.

Мне открылось небо, полное звёзд.

— ... Воу...

Если честно.

Удивлён, что даже в таком возрасте прочувствовал красоту любования звёздным небом, а не красоту звёздного неба.

Настолько трогательно.

Падающие звёзды.

Если грубо оценить, то так потому что я ещё и лежу... звёздное небо раскинулось на весь обзор, просто потрясающе. Я пытался сохранить способность мыслить и найти, что же меня так тронуло, но в любом случае теперь понимаю, почему Сендзёгахара своими ноготками не давала мне посмотреть наверх. Она хотела, чтобы я впервые увидел небо именно с этого места.

Хорошее место.

Ну право хорошее.

Ох... чувствую, как исцеляется душевная боль.

Чувствую, как все проблемы рассеиваются словно пыль.

— Ну как, Арараги-кун? — спросила Сендзёгахара.

Она смотрит на то же небо.

— Прекрасно... если честно, у меня нет слов.

— Словарный запас маловат.

Сарказм мешает восхищению.

Однако лишь немного.

Даже её яд задевает лишь немного под этим небом.

— Вон там Денеб. Альтаир. Вега. Они образуют знаменитый Большой летний треугольник. А вот в стороне созвездие Змееносца. Тут же выстроились звёзды, которые образуют созвездие Змеи.

Сендзёгахара указывала в ночное небо и бодро объясняла.

Карт созвездий у неё нет.

Тем не менее почему-то понять, о чём она рассказывает, легко.

— А вот эта яркая звезда Спика... значит, здесь созвездие Девы. А тут созвездие Краба... хм, трудновато различить.

— А я знаю Большой ковш.

— Да. Большой ковш это часть созвездия Большой Медведицы... а рядом созвездие Рыси.

— Кошка?

— Да.

Сендзёгахара рассказывала обо всех созвездиях, которые видно, и связанном с ними. Её слова словно сказка уютно вливаются в меня.

Если б можно было, я б так и уснул.

— Не засыпай.

Решительно одёрнула.

Резкая.

— Как говорят скалолазы, попавшие в снежную бурю в горах: «Не спи, а то убью».

— Убьёшь?!

— В общем, — ровным голосом проговорила Сендзёгахара, закончив показывать созвездия.

— Это всё.

— М-м?.. Что?

— Это всё, что у меня есть, — сказала Сендзёгахара, по-прежнему глядя в звёздное небо. — Возможность помогать тебе по учёбе. Милая кохай и бесхитростный отец. И это небо. Больше у меня ничего нет. Больше я не могу ничего тебе предложить, Арараги-кун. Это всё.

— Всё...

Так вот оно что?

Позавчера и Камбару... Неужто Сендзёгахара придумала это ещё месяц назад, в день матери, когда мы только начали встречаться? Потому и не соглашалась на мои приглашения... она, не считая внезапное примирение с Камбару, ждала, когда закончатся тесты и освободится отец?

Мне вспомнились слова Ханэкавы:

«С Сендзёгахарой-сан сложно».

— Ну, строго говоря, у меня есть язвительность и оскорбления.

— Этого не надо!

— И у меня есть моё тело.

— ...

Её тело...

Какой окольный путь.

— Тоже не надо?

— Э, ну... эм.

Не могу я сказать, не нужно?

Но сейчас же нельзя сказать, что хочу...

— Но ты ведь знаешь? Когда-то меня попытался изнасиловать тот негодяй.

— А... да.

Краб.

Это причина странности.

По крайней мере, одна из причин.

У странностей всегда есть соответствующая причина.

— Честно говоря, я боюсь делать это с тобой. Нет, я не собираюсь использовать модное слово «травма». Не собираюсь показывать слабость. Но... я боюсь. Я не боялась, когда мы ещё не встречались, но очень боюсь сейчас возненавидеть тебя.

Бойтся.

Не действия, а последствий.

— Я боюсь потерять тебя, Арараги-кун, — равнодушно проговорила Сендзёгахара.

Эмоции совсем не читаются.

Полная безэмоциональность.

— Бояться, возненавидеть своего парня, или бояться потерять его это довольно глупо... прямо как, что было раньше, яичница или яйцо.

— Яйцо раньше же.

— Думаю, я измелчала. Я должна быть трагичной красавицей, которая страдает от неизвестной болезни, но сейчас я красавица, чьи мысли заняты только мужчиной.

— И в обоих случаях красавица...

— В общем, за то, что я стала совершенно неинтересной девушкой, стоит винить тебя, Арараги-кун.

— Э...

Да нет... довольно интересная же?

Жаль, что не сказать сейчас.

— Но, как ты понимаешь, я не могу назвать ту мою жизнь счастливой... поэтому знакомство с тобой можно полностью простить и не возмущаться.

— ...

— Если ты заметил меня из-за моего несчастья, то думаю, это хорошо. Я увлечена тобой. Арараги-кун. Поэтому не хочу, чтобы ты хоть чем-то напоминал мне того негодяя. Конечно, я не всегда буду говорить такие приятные вещи... на самом деле, думаю, всё это детско. Словно «баю-бай»... наивное «баю-бай»...

Зачем уточнила-то.

— Если сократить мою речь, то сейчас потерять тебя, Арараги-кун, всё равно, что потерять половину себя. Поэтому я хочу, чтобы ты немного подождал.

— Немного.

— Да. До следующей недели.

— Быстро!

— До того можешь удовлетворяться телом Камбару.

— Чего!

— Я между тем тоже постараюсь восстановиться с Камбару.

— Весь каравай же Камбару! Исполнятся все её желания!

— Ну, следующая неделя это слишком, но однажды получится, потому я хочу, чтобы ты немного подождал. Потому такая распутница, как я, предлагает тебе сейчас только это звёздное небо... В детстве я с мамой и папой ходила сюда.

С мамой и папой, втроём.

Учитывая обстоятельства семьи Сендзёгахара, это очень давние события. Тем не менее Сендзёгахара помнит.

Нет.

Вспомнила, скорее?

Забыла и вспомнила.

— Это моё сокровище.

Для Сендзёгахары это довольно банальная фраза, однако только по этому можно почувствовать её настоящие чувства.

Летнее звёздное небо.

Небо, которым любовались всей семьёй.

И это всё.

— ...

По крайней мере, одно я знаю точно.

Сендзёгахара Хитаги... она умна и следует своему пути, отличным от большинства, однако в вопросах любви её боевые способности на нуле. Абсолютном нуле. Это было заметно ещё в тот День матери, в любом случае она безрассудна, словно герой из RPG, который входит в пещеру без факела. Задумывается ли она, нужно ли использовать тактику запугивания, чтобы раскрывать все карты и доверять решение партнёру? Чувствами тут даже и не пахнет. Девяносто девять из ста приблизившихся к ней тут же уйдут. Этого и боится. Даже я, полный профан в делах любви, понимаю...

Ну.

Если это её стратегия на то, чтобы выявить, тот ли я один, который останется в отличие от девяноста девяти, то тут можно только снять шляпу.

Жуть какая.

Поразила в самое сердце.

Окончательно и бесповоротно.

Если честно, хочется довериться импульсу и приобнять Сендзёгахару, однако боюсь оттолкнуть её этим. Мне нечего ей раскрыть... но думаю, отношения с Сендзёгахарой сейчас останутся на своём месте.

Не значит, что мне это не нужно.

Но вместе лежать и глядеть в звёздное небо.

Нам хорошо и так.

Платонические отношения.

— Эй, Арараги-кун, — ровным голосом проговорила Сендзёгахара. — Ты любишь меня?

— Люблю.

— Я тоже люблю тебя, Арараги-кун.

— Спасибо.

— Что ты любишь во мне?

— Всё люблю. Нет того, что бы мне не нравилось в тебе.

— Я рада.

— Что ты любишь во мне?

— Ты добрый. Милый. Если я попаду в беду, ты тут же примчишься меня спасать, словно прекрасный принц.

— Я рад.

— Знаешь, — сказала Сендзёгахара, словно только что-то вспомнила. — Тому негодяю нужно было только моё тело, и губы он совершенно не тронул.

— Хм? В смысле?

— Он даже и не пытался... Так что, Арараги-кун...

А затем.

Произнесла без всякого смущения или жеманства.

— Поцелуемся.

— ...

Страшно.

Мне страшно, Хитаги-сан.

— Не то. По-другому. Не могли... не могли бы мы... поцеловаться? Как насчёт... поцелуя... со мной...

— ...

— Давай поцелуемся, Арараги-кун.

— Так спокойна в итоге.

Весьма правильно.

Не слишком.

Так и стал этот день памятным.

Для нас двоих.

Примечания

1. Пародия на изречение из «Искусства войны» за авторством Сунь Цзы, «он стремителен, как ветер; он спокоен и медлителен, как лес; он опустошает, как огонь; он неподвижен, как гора».
2. Искажённая панграмма «ироха» японского языка, перевод первой строчки: «красота блистает миг».
3. Настольная игра для двух человек.
4. Остроумное выражение, острота. Бомонд — знать, аристократия, высший свет.

Итак, четырнадцатого июня, в среду, на следующий день очнувшись ото сна (конечно, наши романтические наблюдения за звёздами окончились спокойно, ещё два часа потребовалось, чтобы отец Сендзёгахары отвёз нас обратно в город, и лёг я спать уже совсем поздней ночью, ну, я видел сон, который практически полностью забыл, и проснувшись именно от этого сна — это не значит, что моё первое свидание с Сендзёгахарой прошлой ночью оказалось всего лишь сном), в общем, когда я, позёвывая, катил на велосипеде в школу, то увидел её.

Хачикудзи Маёй.

Чёлка по брови и два хвостика.

Пятиклассница начальной школы с рюкзаком.

— Ого.

Я остановил велосипед.

Меня она ещё не заметила. Наслаждалась утренней прогулкой, беспечно глядит по сторонам.

Хм, давненько не виделись.

Ну, с последней встречи уже недели две прошло, и, наверное, если подумать объективно, это не так уж давно, но всё равно очень рад, что встретил Хачикудзи. Ну, как-то лихо, что я заобщался с пятиклашкой начальной школы и второклассницей средней.

И сегодня у меня как раз есть свободное время. Неплохо бы поболтать немного (для себя я решил, что Хачикудзи тоже незанята). Вот только как её окликнуть... сперва я осторожно, стараясь не издать ни единого звука слез с велосипеда. Припарковал его на углу улицы.

Так-так-так.

Хачикудзи, значит.

По максимуму не хочу показывать, что сейчас я рад. Если пронюхает, то наверняка начнёт задаваться. Не стоит ей давать повода задирать нос. Что-нибудь небрежное или даже холодное, типа хлопнуть по плечу и обронить: «О, это ты? Ну, я просто окликнул, раз незанят», наверное, в самую точку. Да, я вообще не такой расхлябанный, чтобы радоваться встрече с другом. Тот возраст, когда хочется выдавать холодные и сухие фразы.

Отлично.

Тогда подкрадусь со спины...

— Ха-ачикудзи-и! Как давно не видались!

Подобрался сзади и резко подхватил.

— Яй?! — вскрикнула Хачикудзи.

Однако я, не обращая на это никакого внимания, изо всех сил обнял миниатюрное тельце Хачикудзи и потёрся щекой об её щёчку.

— Ха-ха-ха-ха, милашка-милашка! Дай я тебя пообнимаю, дай я тебя поцеломкаю! На трусики взгляну, хоп-хоп-хоп!

— Яй! Яй! Яй!

— Ар-р!

Продолжая кричать во всё горло, Хачикудзи укусила меня.

— Ар-ар-ар!

— Больно же! Ты чего!

Это я тут чего.

— Ш-ш! Аш-ш!

После трёх укусов ко мне наконец вернулась трезвость ума, но Хачикудзи ещё какое-то время со вставшими в стиле суперсайяна дыбом волосами угрожающе шипела, словно дикая кошка.

Ну, ничего удивительного.

— С-спокойно-спокойно. Я не враг.

— Ш-ш! Ш-ш!

— Эй, успокойся, подыши медленно.

— Аш-ш... Фу-ух, фу-ух...

— ...

Дышит словно Сверхкиборг¹.

Да и Хачикудзи со своего появления ещё ни словом на человеческом языке не обмолвилась.

— Это же я, я. Хороший парень... проводил тебя, когда ты буквально как заблудшая овечка бродила...

— М-м... а-а...

Хачикудзи наконец признала меня, её вздыбившиеся волосы снова мало-помалу улеглись.

— Мраки-сан?

— Не называй других людей такими горькими именами. Меня зовут Арараги.

— Прости. Оговорилась.

Похоже, в этот раз она впервые действительно оговорилась... но сейчас вся ответственность её оговорки полностью лежит на мне.

Не сдержал эмоций.

Попёр напролом.

Вчера всё так обострилось.

— Надо же. Арараги-сан, ты в летней одежде, — сказала Хачикудзи.

Как ни в чём не бывало.

Обдурила, похоже.

— Хм. Мышцы у тебя хилые, так что короткие рукава тебе совсем не идут, Арараги-сан.

— Если так, то что же мне делать летом?

Безрукавки не особо популярны у парней. Если такое наденет парень, даже как-то совсем не миленько.

— Наверное, футболка с длинными рукавами не пойдёт тебе даже больше, чем с короткими. Хотя высокий воротник на тебе смотрится хорошо, Арараги-сан. Может, тебе весь год его носить?

— Я ж не болельщик².

Кстати, в Наоэцу болельщиков нет.

Потому что самих клубов не так много.

— Рукава стали короче, а волосы длиннее. Арараги-сан, ты выглядишь внешне мягко настолько же, насколько зверзок внутри, так что, наверное, скоро совсем на девушку станешь похож?

— Что поделаешь. Летом, конечно, душно будет. И не говори про зверских, пожалуйста.

— Твоё имя уже достаточно девичье.

— Не увлекайся. У самой-то причёска, как у монстра из Ультрамана.

— Имя, Арараги-сан.

— Ну ладно.

— А у тебя причёска, как у африйца.

— Нет-нет! Может я и не слышал про твоих выдуманных африйцев, но всё-таки это африканец! А волосы у меня прямые!

— Если и так, Арааги-сан, ты такой неприметный, что тебя бы не нарисовали стоящим рядом с другими персонажами в галге на общем фоне. Так что всё, что я скажу, выиграет. Если скажу афро, значит, афро, если дреды, значит, дреды.

— Правда?! Хачикудзи, сейчас же скажи, что я мачо, у которого плечи шириной с его рост!

— Арааги-сан, если будешь сам говорить такое, то очевидно, что это не так... однако образ идеального Арааги-сана — мачо, у которого плечи шириной с его рост.

— Э? Ты что это, глаза закатила?

— Ой, Арааги-сан, у тебя что-то кровь от лица отлила.

— Это потому что кое-кого зверского покусали.

— Если наложить жгут на шею, кровь остановится.

— Помру же!

Как так?

Почему я наслаждаюсь беседами с Хачикудзи куда больше, чем со своей любовью Сендзёгахарой и лучшим другом Камбару?

Я удовлетворяюсь младшекласницей...

— Не волнуйся. Это быстро заживёт.

— А, Арааги-сан ведь вампир-сан.

— Псевдо.

На весенних каникулах на меня напал вампир.

Ханэкава была одержима кошкой, Сендзёгахара повстречала краба, Хачикудзи заблуждала в улитке, Сэнгоку обвила змея, а на меня напал вампир.

Я отращиваю волосы, чтобы скрыть тогдашнюю рану.

И спас меня не охотник на вампиров, не христианский инквизитор, не вампир, убивающий своих сородичей, нет, меня вытащил из этого безвыходного положения проходящий мимо мужик в фривольной гавайской рубаше, Ошино Мэмэ. Ну а это, так сказать, побочное действие.

Множественно усиленная регенерация.

— Регенерация?.. Раз так, то можно попробовать.

— Попробовать?

— Да. Если распилить тебя на две равные половинки, вырастет ли два Арараги-сана?

— Любопытные мысли у младшеклашки!

Я ж не дождевой червь!

Как гладко всё!

— Шутка. Я никогда не сделаю такого с многоуважаемым Арараги-саном.

— Ясно... Хорошо. Мы же друзья.

— Ага. Мне не хватит сил разорвать тебя на кусочки, но будет странно, если всё так закончится.

— ...

Не такая она и отходчивая.

Ещё дуется.

— Погляди, Арараги-сан. Я записала «Арараги Коёми» красным карандашом в блокнотике.

— Ч-чегой?! Это же приводит к скорой смерти!

— Это ещё не всё. Сейчас я подойду к тебе со спины, Арараги-сан, и проведу указательным пальцем сверху вниз по позвоночнику.

— Ч-чушь какая! И мне потом просить, чтоб ты провела снизу вверх обратно?!

— И это только начало. Когда меня сердят я и не такой становлюсь. Ты испробуешь истинного ужаса, Арараги-сан.

— Ох...

Я с улыбкой продолжил:

— Это так в твоём стиле, Хачикудзи.

— А?

— Сказала, что знаешь истинный ужас. Если ты правда написала моё имя красным карандашом... я прибегу к насилию!

Из-за приметы, будто если написать имя красным, то того человека ждёт скорая смерть, старшеклассник собирается применить силу к ребёнку.

И этот старшеклассник я.

— Если сейчас извинишься, то я прощу.

— Ох...

Чего и стоило ожидать от моего вечного противника.

Хачикудзи бесстрашно улыбнулась.

— Это в голландском стиле, Арараги-сан.

— Голландском? Я должен извиниться перед жителями Нидерландов?! Что же я им сделал?!

— Если сейчас не извинишься, то пойдёшь на корм безумному танцу вихревых ветряных мельниц³.

— Что это за ультратехника?!

— Если не хочешь повторить судьбу Дон Кихота, то побыстрее извинись.

— Но Дон Кихот из Испании!

— И как теперь, Арараги-сан? Хочешь зваться доном?

Неожиданное развитие событий.

Однако доном зваться не хочу.

— Не извиняешься... Арараги-сан поступил плохо, или Арараги-сан поступил плохо, или Арараги-сан поступил плохо, или я сказала плохое, что же выбрать.

— Три из четырёх, что я поступил плохо... Ух... ладно-ладно, понял. Извинюсь перед голландцами.

— Ладно сто раз.

— Как такое выговорить!

— С определённой долей риска.

— Ловко!

Можно и не извиняться?

— Я не такая великодушная, как голландцы. И ты глубоко ошибаешься, что получишь прощение таким извинением.

— Как ты высоко судишь о голландцах...

— Если хочешь прощения, что ж, можем договориться целым годом бисквитных булочек на пару.

— Ну, если прощение...

— По три в день.

— Я ж разорюсь!

Выйдет больше ста тысяч йен.

Отвратительный шантаж.

— Ну, поблаговаришь, хотя бы?

— Нет-нет, no thanks.

— ...

Она думает, что no thanks значит «не надо благодарности»?..

Нифига себе.

— Ты сейчас в школу, Арараги-сан? Вечно весь в делах. Ты ведь рассказывал, что прогуливал?

— Да. Первые два года я был худшим учеником в классе. Ну, сейчас планка моих целей несколько поднялась, так что я больше не растрачиваюсь попусту.

— Планка целей поднялась? Странное выражение. Как это?

— Раньше целью было школу окончить...

М-м, стоит ли говорить?

Ну, по крайней мере, она-то точно никому не разболтает. Вообще, наверное, лучше уже заканчивать рассказывать всем, кому ни попадя.

— А теперь у меня цель сдать экзамены.

— Экзамены? А, по английскому в пятом классе.

— Как-то уже поздновато сдавать этот экзамен начальной школы!

Я объяснил всё Хачикудзи так же, как и Ханэкаве с Камбару. Хачикудзи показала себя хорошим слушателем и в нужных местах приговаривала: «Вот как?», «Понятно», «Серьёзно?», «Так и думала», «Не знала». Ну, в итоге я значит, уже в третий раз рассказываю это.

Но о своих планах всё-таки ещё никак не могу внятно рассказать... как стать искусным говорителем?

Цели просто необходимы для результатов.

— Столько всякого у тебя случилось, пока мы не виделись, Арараги-сан. Как говорится, оставишь мужчину на три дня и уже не узнаешь его.

— Ха-ха... ну...

— Быстро, если так подумать, — тяжело проговорила Хачикудзи. Тяжело, но словно с ностальгией. — Три года уж прошло...

— Не было столько!

Две недели!

Говоришь словно в финальном эпизоде!

— Точно. Ну, мне кажется, если за две недели ты перешёл к такому решению, то за те же две недели всё может и рухнуть, так что я бы сейчас так этому не доверяла. За три дня изменился, за три дня и вернёшься. Оставишь на шесть дней и уже всё как прежде.

— Не говори так.

Ну, вообще верно.

Я так и не просмотрел ни одной страницы тех справочников, которые позавчера выбрала Ханэкава.

— О, да ты доволен только тем, что купил справочники. Бывает, бывает. Я тоже часто покупала видео игры и даже потом не играла в них.

— Это порядок для младшеклассницы?..

К тому же, я не смотрю трудоёмкие справочники, не потому что моё решение шаткое... случайно наткнулся на Сэнгоку в книжном, где покупал справочники, потом встретился со странностью, ночевал в развалинах вечерней школы, а затем досыпал, вернувшись домой, когда пришёл в школу, готовился к культурному фестивалю, а после пошёл на свидание с Сендзёгахарой.

Где мне взять время, чтобы смотреть справочники?

— В свидания играешь.

— У-у...

Это да.

Хачикудзи заговорила с неподдельным удивлением.

— Занятость это просто отговорка человека, который не может распределять своё время, Арааги-сан. Если ты действительно серьёзен, то можно читать справочники во время перемен в школе. Учиться в классе и дома это предубеждение, эта навязчивая идея связала тебя.

— О... дельно говоришь.

Угу.

Это она верно.

— Хачикудзи, до этого я по ошибке думал, что ты по натуре не очень умная, но, наверное, ты прилежно занималась? Ты говорила, что оценки у тебя плохие, но всё-таки это просто скромно уделила мне внимание...

— Кто знает... я ведь не занималась, так что не знаю.

— ...

Легендарная дура.

Хотя, возможно, она невероятный гений.

И где же истина?.. Ладно, проверим.

— Хачикудзи, сыграем в слова. Я начну. Так начало, значит начнём с конца, «я»... яблоко!

— Омлет!

— Труба!

— Афины!

— Ох! Впервые вижу, чтоб кто-то проигрывал в слова из-за «ы»⁴!

Очень не очень.

Или просто легко увлекается.

Раз уж сразу не сказала «отходы», то можно вздохнуть спокойней. Либо ей нравится потрещать, либо по возвращению домой этот талант полчаса перед сном занимался болтологией так же, как и уроками.

Тем не менее я не могу исключить ничего из своих предположений. Изначальная цель не достигнута совершенно.

Что ж, повторим.

Ещё одна попытка.

— Хачикудзи, а сейчас загадка.

— Конечно, я приму вызов. Я не покажу врагу спину. Ты, Арараги-сан, не враг, но пощады не жди. Ты познаешь весь ужас моей мощи.

— Две головы, три глаза. Рта четыре, зубов сотня. Семь рук, пять ног. Мелкое животное, проглотить слона может, кто это?

— Это твой друг, Арараги-сан?..

— Дельфины же! Таких друзей у меня нет! Ты так спокойна, что у твоего друга такой друг?!

С кем я вообще дружу!

— Теперь моя очередь, — сказала она. — Голова обезьяны, тело енота, руки и ноги тигра, хвост змеиный, поёт дроздом, кто это?

— Дельфин?

— Химера⁵.

— ...

Да.

Уделала меня.

Всё-таки эта младшеклассница гений?..

Черт, дна в ней не разглядеть.

— Однако младшекласснице знать про химеру.

— Я много чего учила.

— Правда?

— Вообще, Борараги-сан...

— Не называй людей словно рыбу, которая в течение жизни переселяется из пресной воды в солёную. Меня зовут Арараги.

— Прости. Оговорилась.

— Нет, это нарочно.

— Огоровилась.

— Нарочно же?!

— О господин лось.

— Сохатый?!

Хорошо уже усвоили эти привычные фразы.

Ни разу не сбились.

— Вообще, Арараги-сан, всё ли хорошо? Экзамены это дело серьёзное.

— Да знаю.

— Вот как? Я не знаю.

— Чего!

Не надо было этого делать.

— К тому же, очень волнительно. Может, это излишняя забота, но сможешь ли ты написать заявление на экзамен, Арараги-сан?

— В каком это месте это волнительно?! Невероятная женская забота!

— Если сможешь заявление написать и проследишь за собой в назначенный день, то даже ты сдашь экзамен, Арараги-сан.

— Да нет! Мне не надо просто на экзамен прийти, мне нужно сдать его!

— Готовишься к экзамену, значит?.. Ну, я выскажу неявную горькую истину, но всё будет у тебя в порядке, Арараги-сан. Ты справишься, если попробуешь.

— Ох. Ты так думаешь?

— Конечно. Ты сдал экзамены, когда только решил их сдавать, Арараги-сан.

— Что это ты так?

— Это ещё не всё. Наверное, не будет преувеличением даже сказать, что уже окончил университет, не то что сдал экзамен.

— Ой-ёй, преувеличение это уже просто решение сдавать экзамены, Хачикудзи.

— Нет, я уже отчётливо вижу, как ты получаешь диплом, Арараги-сан. О да, и тебя все с почётом величают бакалавром.

— Ну-ну, не отказался бы. Осуждать такое я не в состоянии.

— И даже по-иностранному зовут.

— Как это по-иностранному?

— Бакалолит.

— Молчи! И столько притворялась!

Дождался-таки!

А я всё думал, почему без шуточки обошлось!

— Бака и лоли, бакалолит... Очень подходящее тебе слово, Арараги-сан.

— Ничего это не подходящее мне слово! Бака может ещё и ладно, но лоли! Я живу здоровой жизнью!

— Если так посмотреть, то окончание «лит» чем-то напоминает «meet⁶».

— Прекрати! Прекрати использовать слово бакалавр, которое меня только ждёт!

— Не стоит хмелеть от хороших слов, Арараги-сан. Те, кто говорят, как правило, ничего не делают, — сказала серьёзно Хачикудзи.

Сама-то не занималась...

— Ух, не надо на меня изливать тут. Ты такой нахальный ребёнок, наказать тебя надо.

— У тебя такая нахальная грудь, что наказать тебя надо? Однажды ты, Арараги-сан, уже сделал своё грязное дело.

— Не надо!

— Удивительно, как можно вывернуть, если заменить ребёнка на грудь.

— Всё можно вывернуть непристойно, если заменить главное слово на грудь!

Какие речи.

Чувствую, здесь мы болтаем просто по импульсу.

— Но сейчас ты права. Нужно подготовить себя к худшему.

— Ага. Подготовь себя и к петле.

— Эй! Ну, вообще, всё будет хорошо, если я доверюсь своим прекрасным наставницам. Они мне халтурить не позволят. Я буду учиться каждый день, как бы это мне не противило. Ха-ха, седьмое и первое место в рейтинге, так что, если честно, равных им нет.

— Как ты пластично мыслишь.

— ...

Пластично это не «практично».

— Однако когда две знаменитости и тот, кто болтается в самом конце списка, дело обычное...

— Не занимал я самое низкое место! И сейчас у меня рейтинг нормальный! Слушай, что я рассказываю!

— Слушать твои бахвальства. Твой рассказ интересен только хвастаньем твоими несчастьями. Обдумай это получше.

— И почему это я должен мучить себя!

— Тогда я, недостойная слуга, Хачикудзи Маёй, представлю. Цикл хвастанья своим несчастьем Арараги-сана. «Утку подали с луком! Но я ненавижу лук!»

— Какое мне несчастье сварганила! А лук я люблю, он питательный! Поддерживает горло, когда простываешь!

— Что-то на первый взгляд кажется хорошим, но если хорошо подумать, то на самом деле это окажется несчастьем.

— Эй, что за дела! Сейчас какие-то трудности пошли, не добавляй тут всяких странных проблем на полпути!

— Цикл хвастанья своим несчастьем Арараги-сана, часть вторая.

— Уже часть вторая?! Первая часть стала бестселлером по всей Америке?!

— «Ночью я проголодался и решил поесть рамена. Хотя он и быстрого приготовления, но как же сложно его сделать!»

— П-проклятье! Хочу возразить, но пару раз и правда такое было! Годный сиквел такая редкость!

— Вечно непогожий день Арараги Коёми⁷.

— Мне уже осточертели все эти фразы!

— Однако первое и седьмое место в рейтинге? — Хачикудзи тут же вернулась к прежней теме. — Ханэкава-сан... с ней я виделась, у неё ещё коса такая.

— Ага... ты же и Сендзёгахару и Ханэкаву знаешь.

— А Сендзёгахара-сан твоя девушка, Арараги-сан.

— Вот.

— Хм-м.

Хачикудзи нахмурилась и скрестила руки на груди.

Такой задумчивый вид ей не очень идёт.

— Что такое? Что-то не так?

— Ну, из них двоих разве любой не выбрал бы Ханэкаву-сан? Удивляюсь, почему ты, Арараги-сан, начал встречаться с Сендзёгахарой-сан, а не с Ханэкавой-сан.

— Почему...

Если и задать такой вопрос.

— Они, конечно, обе красивые, но сами как небо и земля. Как я увидела, Ханэкава-сан добрая девушка, а Сендзёгахара-сан... сгусток зла.

— Думаю, даже Сендзёгахара не хотела бы услышать такое.

Ну, Сендзёгахара осыпала Хачикудзи довольно нелицеприятными словами, так что оно понятно. Если сравнить, то Ханэкава покажется добрее для Хачикудзи.

Добрая — строгая.

Выбор очевиден.

Для ребёнка, наверное, кажется странным.

— Но на Ханэкаву я так не смотрю, она моя спасительница. Подробно я не могу рассказать. От Ханэкавы я не могу такого просить. К тому же, я принял Сендзёгахару.

Гм.

Всё-таки застенялся.

Замутил конец фразы.

Хачикудзи не стала издеваться и наседать, просто кивнула.

— Ироничные слова.

— Чего тут ироничного?

— Не понимаешь? Перефразирую, параличные слова.

— Чтоб я ещё больше не понял?!

— Ты, Арараги-сан, из тех, кто нацелен на Линц в «Чуде радужного города». Любить представительниц женского пола не для простых людей.

— Метафору нужно пояснить, не думаешь?!

Сложно.

Ну-у, довольно давно компания Сарсом разработала аркадную игру в виде вопросов под названием «Quiz nanai dreams -nijirochou no kiseki-», по прохождению игры появлялись примерно семь девушек-персонажей, в течение полугода развиваешь отношения и в счастливой концовке с любимой повергаешь воскресшего Сатану, но есть такой приспешник Сатаны, Линц, который мешает главному герою, вообще, по сути это девушка, но из-за превратностей игры концовку с Линц нельзя выбить. И не сосчитать, сколько тысяч йен исчезли из домов ради счастливых концовок с этими девушками. Ну, из-за запросов игроков, в ограниченной версии можно выбить и Линц. Конец объяснения!

— Отличная осведомлённость, Арараги-сан.

— Да нет, это я так... короче, к таким сравнениям пояснения нужно сразу давать! Лучше уж быстро! Наверное, я первый человек в двадцать первом веке, столько проговоривший о «Чуде радужного города»!

— Однако если прямо углубиться, то, возможно, ведь и ремейк сделают.

— Слишком прямо!

— Ну, если ты говоришь, что Сендзёгахара-сан лучше, значит, это так. Говорят, любовь спела.

— Слепа, нет?!

— Кстати, Арараги-сан.

Хачикудзи вдруг перескочила на новую тему. Не продолжает? Что с Хачикудзи?

— Ты рассказывал, что вампир-сан сделала тебя вампиром, то есть полувампиром, получеловеком. Э-эм, ты, вроде бы, говорил Шинобу Ошино-сан.

— М-м? А.

Рассказывал?

Тогда, в День матери, что ли?

— Такая на вид лет восемь, с золотыми волосами, в шлеме с очками... да?

— Угу. В чём дело?

— Лично мы до этого не встречались, потому не уверена, но вчера я видела эту Шинобу-сан.

— Э?

Шинобу?

Хачикудзи её видела?

— А рядом с ней не было такого бомжеватого мужика? В такой отвратной психоделической гавайской рубашке, и на вид легкомысленный...

— Хм? Не очень понимаю, но зачем спрашивать, видела ли я тебя, Арараги-сан, рядом с той девочкой?

— Нет же! Ты подумала, что бомжеватый мужик это я?! Да я в жизни гавайскую рубаху не надену!

— Нехорошо говорить о других людях плохо, Арараги-сан.

— Справедливо!

Справедливость ранит.

Всегда.

— Ну, всё равно, та девочка была одна. Рядом я никого не видела.

— Хм-м... а во сколько это было?

— Пять вечера.

— Пять...

Я тогда сидел весь в подготовке к культурному фестивалю.

Перед тем, как встретить Сэнгоку у школьных ворот.

— А где?

— Шла вдоль магистрали, рядом с магазином пончиков.

— Вот где... ты так далеко заходишь, Хачикудзи. Широкая у тебя территория... Магазин пончиков, значит.

Тот магазин пончиков, который Мистер Донатс.

Более-менее реальный компонент.

Но Шинобу, одна...

Это вообще возможно?

Да нет, однако городок у нас провинциальный... тут даже каштановые волосы в диковинку, чего уж говорить о блондинках. Это может быть только Шинобу. Кроме того, она в лётном шлеме с очками... Но как Шинобу смогла выйти из той вечерней школы? Я почему-то был убеждён, что уходить оттуда она не может... Но Ошино же никогда такого не говорил. И Ошино позволил Шинобу разгуливать в одиночку?..

— Да. Думаю, так, — проговорила Хачикудзи. — Если эта девочка правда вампир, то мне не друг, так что приблизиться к ней я не могла, и лучше было рассказать, поэтому я поджидала тебя сегодня здесь, Арааги-сан.

— Да?

Так это не случайная встреча. Точно, Хачикудзи же, когда я её увидел, оглядывалась по сторонам.

Меня ждала, значит?

— Почему тогда сразу не сказала?

— Извини. Но на меня вдруг накинулся какой-то лоликонщик, и я всё забыла от шока.

— Лолликонщик? Это и в нашем-то городе? Как добропорядочный гражданин я не могу допустить такого.

— Кто знает. В маленьком человеке пробудится большое сердце. Девиз моего класса на этот месяц: «Будь добр к лолликонщикам».

— Это в школе?! И всё нормально?!

Ну, в общем-то, мои действия заслуживают такого обвинения.

— Мда уж. Прости за все эти дела. Ты мне помогла. Сегодня же схожу к Ошино и узнаю, что да как.

— Всегда рада помочь тебе, Арааги-сан. Кстати, ты не опаздываешь? — спросила Хачикудзи.

Я поглядел на часы на правой руке. Заговорились больно. За весельем время летит незаметно...

И когда в следующий раз встречу Хачикудзи?

Э-эх.

— Хачикудзи, у тебя мобильного нет?

Дурацкий вопрос младшекласснице.

В наших краях у младшеклассников телефонов нет.

— М-м. Если честно, я не очень разбираюсь в технике.

— Вот как?

— Ага. Я и телевизор после две тысячи десятого не смотрела.

— Значит, не видела цифрового тв...

Не очень разбираться это ещё ладно.

Камбару с Ошино вообще полные ламеры.

— Что за lseg⁸?

— Бред какой-то...

Эх.

Ну, ничего не поделаешь.

Такая она.

Как-нибудь невзначай снова встретимся, наверное, для наших отношений с Хачикудзи Маёй это самое то. Не стоит слишком жадничать. Такая случайность встреч и делает их ценными. К тому же, Хачикудзи, как и сейчас, может без проблем встретить меня.

Я сел на велосипед.

— Давай, Хичикудзи.

— Ага. Уверена, мы ещё увидимся.

Проводив взглядом свою подругу-пятиклашку, я покатил к школе. Скоро уже звонок, так что я налёг на педали.

Хачикудзи Маёй.

Девочка, заблудшая в улитке.

Более чем бодра, однако положение её весьма опасное. В некотором смысле у неё, наверное, худшая позиция из всех моих знакомых, которые вовлечены в странности.

И потому я не могу.

Не стоит даже думать, что я могу что-то сделать.

Только сам человек может спасти себя.

Нельзя это понимать неправильно.

Нельзя.

— ...

Три месяца, как я связался со странностями, три месяца, как узнал о них.

Уж не три года ли?

Нет, но очень изменился.

И ещё...

Один ли я изменился?

Я проехал школьные ворота ещё до звонка. Точно, у меня в сумке же спортивные трусы и школьный купальник, которые мне передела Сэнгоку, чтоб я Камбару вернул. Сегодня собирался прийти пораньше и заглянуть к второгодкам.... М-м, не успеваю. Ну и ладно. Это же просто, чтоб внимание не привлекать, во всяком случае можно и в обед или после школы позвать. Раздумывая об этом, я остановил велосипед на велостоянке.

Вошёл в здание, вбежал по лестнице.

Завибрировал мобильник.

Ой, не отключил перед уроком... Вот растяпа. Вибрация тут же закончилась, смска, что ли? В такую рань? Сестры, наверное... Сендзёгахара с Камбару сами не пользуются смс... Я вынул сотовый из кармана и глянул на дисплей. Я не поверил глазам, когда увидел имя отправителя, но после прочтения содержания все сомнения развеялись. За всю историю электронных сообщений Японии начать смс с «Прошу прощения за краткость» и закончить «Искренне ваша» может только один человек.

И я, прочитав уместившееся между «Прошу прощения за краткость» и «Искренне ваша» — перечитал и второй раз, остановился на лестнице и с колебанием развернулся.

Пошёл против потока школьников.

Обратно к велостоянке.

— Ох.

И встретил здесь Сендзёгахару Хитаги. Уже скоро прозвенит звонок, однако она не опаздывает, как это обычно бывает со мной, Сендзёгахара всегда приходит в это время, рассчитав всё до последней минуты.

Из-за вчерашнего я немного замялся от смущения, но Сендзёгахара, чего и стоило ожидать, заговорила идеально ровным и безэмоциональным голосом:

— Что такое? Куда ты, Арараги-кун?

— Да я сейчас.

— Зачем?

— Помочь одному человеку.

— Ох как.

Напустила на себя высокомерный вид.

Чего ещё ждать от Сендзёгахары Хитаги.

Я уже знаю.

Хорошо, если это понимание.

— Хорошо. Счастливого пути, Арараги-кун. Это, конечно, недопустимо, но из особого сострадания я откликнусь за тебя на перекличке.

— Думаю, откликаться на уроке в школе, где от силы человек сорок, смысла не много... А, похоже, больше не злишься.

— Я хорошо повторяю твой тон, Арараги-кун, можешь не волноваться. Чтоб ты знал, сейю, которая меня озвучивает, настоящий профессионал.

— Сейю?! Мы что, в аниме, что ли?!

— «Я никому не позволю устраивать такое с Камбару! Даже тебе!», ну как, похоже?

— Не похоже! Я понадеялся, но не похоже совсем! И специально подобрала такие смущающие слова для повтора! Дурной выбор у тебя!

— Камбару расплатится от радости, когда услышит.

— Не заставляй кохая плакать из-за таких пустяков! Теперь Камбару только твой кохай, что ли?!

— «Хитаги-сан... как ты красива. Просто мой идеал. Я обожаю тебя», так похоже?

— Не похоже, да я ещё даже не говорил такого!

— «Ещё», значит, собираешься сказать?

— !... ...Да!

Что же это я.

Такие дурацкие выходки у нас большую часть времени, но тем не менее абсолютно спокойные слова Сендзёгахары всколыхнули меня, и к велостоянке я пошёл куда более быстрым шагом.

Примечания

1. Отсылка к персонажу Warsman из манги Кинникуман.
2. Традиционные болельщики в Японии носят черные пиджаки с высоким воротником и длинными рукавами, наподобие зимней мужской школьной формы.
3. Штука связанная с патинко, японским игровым автоматом, представляющим собой вертикальный пинбол.
4. В японском нет слов, начинающихся с «*ん*», как в русском с «*ы*», и тот, кто назовёт слово заканчивающееся на «*ん*», автоматически проигрывает.
5. Описание химеры из «Повести о доме Тайра».
6. Молодые люди 16-34 лет, которые в силу различных факторов экономического, социального и политического характера, не работают и не учатся.
7. Отсылка к названию книги «*Kyōjingu wa eien ni butsumetsu desu*».
8. Японская служба наземного цифрового радиовещания для мобильных устройств.

Парк «浪白» — читается это как «Рохаку», или как «Намисиро», или вообще как-то по-другому я так до сих пор и не знаю. Не знаю до сих пор, потому что не узнал тогда, но этот парк всё-таки можно назвать памятным местом.

В тот День матери.

Я с трудом доехал на своём любимом, тогда ещё целёхоньком горном велике до этого парка, в котором не оказалось ничего, кроме качелей, тут же наткнулся на Сендзёгахару и встретил потерявшуюся Хачикудзи Маёй.

И я помню.

Помню, что в тот день случайно встретил, помимо тех двоих, ещё и Ханэкаву Цубасу. Она тогда ещё сказала, что живёт неподалёку.

Потому местонахождение отправителя смс подразумевается само собой. Проще говоря, умная Ханэкава указала на этот парк как на единственное место, которое мне знакомо и которое недалеко от её дома. Данное расположение искусно до восхищения.

Так вот...

Смс отправила Ханэкава Цубаса.

Уже давно прозвучал даже не первый звонок. Несмотря на свои слова, дорогу я помню не особо, бывал там лишь однажды, потому потребовалось приличное время, чтобы наконец добраться до парка, но уже через неполный час я оказался перед Ханэкавой, которая сидела на скамейке слегка сгорбившись.

Ханэкава сегодня совсем другая.

Слишком резкая смена имиджа.

Её тело скрывает длиннополый бесформенный жакет. Брюки тоже довольно широкие. Розового цвета. Ярковато для уличной одежды. Извечные школьные ботинки с простыми носками сменили сандалии на босу ногу.

Очки на месте, но волосы сегодня распущены. Хотя «распущены» — не совсем подходящее выражение, невозможно, чтобы староста старост, староста, избранная самими богами, а не одноклассниками, могла ходить с косой с самого рождения. Тем более таким утром лучше сказать, что коса ещё не заплетена. Впервые вижу Ханэкаву незаплетённой... Это неудивительно, но распущенные волосы Ханэкавы кажутся довольно длинными. Даже, наверное, длиннее, чем у Сендзёгахары.

Голову сверху закрывала фуражка.

Впервые вижу на Ханэкаве нечто подобное.

— А, Арараги-кун...

Она наконец заметила меня. До этого Ханэкава сидела повесив голову, потому и не увидела, что я стою прямо перед ней.

Какое-то напряжённое у неё лицо.

Как мне кажется.

— Можно ли в парк на велосипеде? Если тут есть стоянка, остановись там.

Первые слова при встрече.

Чего и стоило ожидать от Ханэкавы.

— Думаю, не время для этого, вообще, какое дело до велосипеда, когда мы тут школу пропускаем.

— Это разное. Сейчас же припаркуйся как положено.

— ...

Строго осадил.

Неужели не найдётся слов благодарности для того, кто примчался к ней как верный пёс?

Однако жаловаться бесполезно.

Ханэкаве уж точно.

Я слез с велосипеда и пошёл до велостоянки, стоявшей отдельно от площадки. Те ржавые велосипеды, которые я видел четырнадцатого мая, до сих пор здесь стоят. Рядом теперь примостился и мой велосипед. Ну, в парке как обычно ни души (что в будни, что в выходные), так что думаю, замок ставить не обязательно...

Вернулся на площадку.

Ханэкава сидит на скамейке.

Жакет хоть и достаточно закрывает её, но эти широкие штаны, судя по расцветке и ткани, всё-таки от пижамы... Значит, и под жакетом пижама... похоже, наскоро сунула ноги в сандалии. Неужто она так выскочила из дома как есть, накинув только жакет?..

— Извини, Арараги-кун, — извинилась Ханэкава, когда я вернулся.

И снова без благодарности.

— Что школу прогуливаешь.

— А, да ничего. Это нормально прозвучало? Это я без сарказма.

— Но не волнуйся, я всё рассчитала. Сегодня такое расписание, Арараги-кун, что проблем не будет, даже если ты пропустишь весь день.

— ...

Расчёт, значит.

Рассчитывала это до того, как попросить помощи...

Всё-таки слишком она на учёбе заиклена. Выходит если б сегодняшнее расписание вызвало мне какие-то проблемы из-за пропуска, то Ханэкава и смс это не отправила бы?

Больно думает о последствиях.

— А как будет с подготовкой к фестивалю, если староста и её зам отсутствуют? Это тоже как-то обдумала?

— После того, как написала тебе, я позвонила в учительскую, так что всё будет в порядке... Я передала Хосина-сэнсэй всё, что нужно сделать за сегодня.

— ...

Сообразительности не занимать.

Сообразительно заняла время, пока ждала меня.

— Руководство я передала Сендзёгахаре-сан.

— Э? Ты с этим не ошиблась?

Такой злымне делать что-то вместе с людьми, делать что-то для людей? Жутковатое сочетание выйдет с подготовкой к фестивалю. Не побоюсь сказать, что даже опасное.

— Сендзёгахаре-сан вчера не было. Это компенсация.

— Ого...

Даже высокомерная Сендзёгахара пасует перед Ханэкавой... Ну, Сендзёгахара до сих пор в классе на позиции принцессы, так что если попросить и упросить, то с данной ей ролью она справится...

— Хорошо у тебя всё поставлено. Даже не представляю на что ты способна, если увлечёшься такими расчётами.

— Всё не так. Эти расчёты просто... Была довольно рискованная ставка на то, что ты не отключил телефон. В это время ты наверняка уже зашёл в школу, так что звонить я не стала...

— М-м? Разве не легче было бомжа¹ скинуть, чтобы узнать включён у меня телефон или нет?

— Тогда бы ты послушно перезвонил, Арараги-кун.

— Понятно. Насквозь меня видишь.

Звонить более не подобает, чем отправила смс... довольно тонкие понятия. Даже для Ханэкавы, похоже, это был выбор последней минуты. Я тоже боялся, что времени нет, и на смс ответил, пока на светофоре стоял по пути к парку.

Если так подумать, то если б не разговор с Хачикудзи, в школу я пришёл бы раньше и отключил бы телефон.

Ну да ладно.

Заметив, что она в пижаме, я как знакомый с Ханэкавой заволновался... Увидеть девушку в пижаме это что-то удивительное, у меня такое впервые (сёстры не в счёт).

Но, к сожалению, на ней жакет. Одним лишь штанам не хватает финального штриха... точнее, точки. Для короткого взгляда это слишком сильно.

Неужто нельзя как-то убрать этот безвкусный жакет?

Как в «Ветре и Солнце²».

— Эй, Ханэкава.

— Что?

— Нет — Ханэкава-сама.

— «-сама»?

— Позвольте принять ваш жакет.

— ...

Ох.

Лицо у неё стало невесёлым.

Я принял вид официанта изысканного ресторана, встречающего гостя, но это явно не подходило площадке под открытым небом.

— Арараги-кун.

— Да?

— Я разозлюсь.

— Прости...

Мощное чистое сияние серьёзности.

Захотелось пасть ниц.

— Ладно, закончим с шутками, что у тебя стряслось, Ханэкава? В смске ничего конкретного... головная боль всё-таки?

— Да, головная боль... — медленно заговорила Ханэкава. — Только её уже нет...

— Эм? Нет?

— Голова болеть перестала...

Ханэкава словно бы подбирала слова.

Даже не подбирала, ей словно нужно было создать новые, чтобы выразить то, что хочет сказать.

Вообще, если честно, предсказание оказалось удачным.

Для меня.

— Эм, Арараги-кун. То, что было на Золотой неделе. Я... вспомнила.

— Вот как?

Головная боль.

Значение головной боли.

— Нет, не так. Вспомнила, что я забыла... Что-то тогда происходило, но как я ни стараюсь вспомнить, всё будто в тумане.

— А, ну это да. Было бы странно, если б ты всё вспомнила.

Скорее даже, вспомнить забытое странно. Ханэкава не должна вспоминать те девять дней кошмара...

Но тем не менее.

— До этого... я неясно понимала, что ты и Ошино-сан спасли меня, но... Но было что-то странное. Как вы меня спасли и от чего я совершенно не помню... словно всё происходило под каким-то гипнозом.

— Гипнозом?..

Тут совершенно другое.

Хотя мысль, конечно, верная.

— Хорошо я себя ещё не чувствую, но хорошо, что могу вспомнить. Наконец как должно отблагодарю тебя и Ошино-сана.

— Но всё-таки мы не спасали. Ошино же говорит...

— Люди сами спасают себя, да?

— Да.

Всё так.

Я не сделал ничего.

Вообще, в деле кошки лучше всех сработала Шинобу, так что если Ханэкаве и стоит кого-то благодарить, то не меня и не Ошино Мэмэ, а златовласую девочку, Ошино Шинобу.

— Кошка, — сказала Ханэкава. — Кошка, вот.

— ...

— Я вспомнила: *тогда была кошка. И ты был рядом, Арараги-кун с этой кошкой.* Да... вот что вспомнила.

— Тогда ещё была *ты*.

— М?

— Неважно, но Ханэкава, ты же позвала меня не потому что *просто вспомнила*?

Даже если у меня и решились проблемы с посещаемостью, Ханэкава никогда бы не заставила меня пропускать школу только из-за этого.

Она не просто вспомнила, есть *что-то ещё* — то, за чем должны следовать воспоминания.

— Да, — подтвердила Ханэкава.

Всё-таки решительность поведения от упадка духа не зависит. Нельзя и сравнить с позавчерашним разговором с Сэнгоку.

— Странность?

Странность.

Странность, которая имеет соответствующую причину.

— Да... потому...

Ханэкава посмотрела на меня.

— Я подумала, что ты отведёшь меня к Ошино-сану... Ошино-сан ведь ещё живёт в тех развалинах школы? Вот это я помню, а как пройти не знаю...

— ...

Не не знаешь.

Не помнишь.

На месте руин стоит барьер против карт... старые карты, конечно, могут помочь, но в срочной ситуации это займёт слишком много времени. Куда быстрее будет отправить мне сигнал SOS.

— Можно тебя попросить, отвести меня?

— Это без проблем...

Причины отказывать нет.

В такое раннее утро мы, скорее всего, застанем Ошино спящим, но сейчас не тот случай, чтобы посчитать это причиной отказаться. То ли у него давление пониженное, то ли ещё что, но он не из тех, кто легко просыпается... ничего не поделаешь.

— Без проблем, только сперва можно два-три вопроса?

— Э... можно, каких?

— Каждый раз, когда что-то случается со странностями, мы полагаемся на Ошино. Так что если мы можем что-то сами, то лучше попытаться справиться самим. Из-за того, что мы в конце концов всё спихиваем на него, источник проблемы не уходит.

— Ох... и правда.

Ханэкава выглядела согласной.

— Хорошо. Тогда что ты хочешь спросить?

— Насчёт головной боли. Ты говорила, что она недавно началась, но точно когда?

— Когда...

— Если ты помнишь, конечно.

— Около месяца назад, наверное. М-м, но сначала не так сильно, а вот последние два дня... И оба раза перед тобой, Арааги-кун, тогда в книжном магазине и у школьных ворот... на самом деле особенно сильно.

— Сказала бы тогда.

— Прости. Не хотела тебя волновать.

— Ну ладно. Тогда... С конца Золотой недели не было эпизодов с кошкой?

— Эпизодов с кошкой?

— Чёрная кошка не мелькала перед тобой?

— ...

Ханэкава закрыла глаза и порылась в воспоминаниях.

Если честно, не знаю, сможет ли она вспомнить, если попытается... ну, Сендзёгахара же назвала «мастером» словно бы из другого мира...

Общепринятыми нормами не объять.

Именно поэтому она попала в странность.

— Двадцать седьмого мая вечером по радио я слышала, как зачитывали письмо от некой «Большой любительницы больших панд», думаешь, это оно?

— Нет, вряд ли...

Жесть.

Помнить такое.

— Кстати, содержание письма было такое: «В аниме и манге это всё кажется таким лёгким и беззаботным, но работать горничной на самом деле просто ужасно. Ни разу никакого не моэ. Времени свободного вообще нет. Это всё правда. Я недавно ходила на вечеринку и там всё слышала».

— Можно было так не вдаваться!

— Тебе, кстати, не кажется это письмо интересным, Арааги-кун? Мне немного непонятно.

— Эм, тут говорилось о том, что у горничных нет свободного времени, но услышала она это на вечеринке, в том и шутка. Почему я вообще должен объяснять второсортную шутку какой-то незнакомой мне «Большой любительницы больших панд»?!

— А-а. Так она встретила горничную, «когда ходила на вечеринку». Понятно, интересно, если ты так понял, я всё-таки впервые это слышу, так что трудно понять.

— И вообще, большая панда это не кошка.

— Да. Тут ты прав.

— Ещё что-нибудь?

— М? Ещё? Ну, в ту же программу ещё попала «Ели-заели». «Недавно мы играли в дайфуго с тремя друзьями. Вскоре после того, как раздали карты, один сказал: „В моей средней школе четвёрка — сильнейшая карта“». Думаю, если это в рубрике радиослушателей оказалось, то история правдивая, но где же она интересная?

— Нет, тут другое, ты услышала в этом письме совсем другой смысл и стало сложно понять шутку! Кстати, в этом письме дайфуго либо был восьмиконным, либо не столичным, тут нужно было услышать с пониманием, что местных правил очень много, а шутка в том, что этот друг фабрикует удобные для себя правил уже после раздачи карт!

— А-а, понятно. Чего и стоило ожидать от тебя, Арараги-кун.

— Что-то не рад я такому восхищению... А, ещё псевдоним «Ели-заели» это своеобразный каламбур из омонимов «ель» и «есть»...

— А, но Арараги-кун, в этой программе не только такие сложные письма были. Были и обычные интересные письма. Совсем недавно в той же рубрике говорила «Иду, чистя яблоко»-сан. «Пару дней назад ходила с двумя друзьями в видеопрокат. Я хотела взять один DVD-диск с сериалом, который показывали по телевизору около трёх лет назад, но в сериале тринадцать частей, а восьмую часть уже взял кто-то другой, так что я могла взять только до седьмой. Я слышала последняя часть сериала очень интересная, так что вышло очень обидно. Не оказалось только восьмой части, с девятой до тринадцатой удалось собрать. „Прямо вытянули восьмёрку в семёрочке! — сказал друг. — Тот, кто одолжил восьмую часть, сейчас, наверное, хохочет до упаду“». Вот ведь, ахаха, даже не думала, что взявший восьмую часть как в семёрочку сыграл.

— История, конечно, интересная, но хватит уже про радио!

Вернёмся к теме.

Короче.

Если, пошарив в воспоминаниях насчёт кошки, ей вспомнилось лишь это, то всё-таки, должно быть, нынешнее дело связано с прошлым.

Должно быть.

— Тогда, Ханэкава, следующий вопрос.

— Хорошо.

— Твоя фуражка, — сказал я. — Не снимешь её?

— Это...

Ханэкава изменилась в лице.

— Это не вопрос, Арараги-кун.

— Да.

— Да?

— Ханэкава-сама, позвольте принять вашу шляпу.

— Арараги-кун.

— Да?

— Я разозлюсь.

— Злись, — ответил я, не уступая угрозе Ханэкавы. — Можешь злиться сколько хочешь. Если хочешь, можешь даже ненавидеть. Вернуть долг тебе мне важнее, чем наша дружба.

— Вернуть долг... — тихим голосом проговорила Ханэкава.

Почувствовала неловкость в моих словах?

— О чём ты говоришь?

— О весенних каникулах.

— Это... но такое всё-таки... вообще, Арараги-кун, ты сам себя спас, разве нет?

— Нет. Ошино может так говорить, но я думаю, что спасла меня ты. Ты моя спасительница, — сказал я.

Высказал, что чувствовал.

Да.

Это мне тут нужно благодарить.

— Сомневаюсь, что этот долг можно отплатить. Но мне хочется сделать что-нибудь для тебя. Если я что-то могу для тебя сделать, то приложу все усилия. И если из-за этого ты будешь злиться на меня или ненавидеть, то я вытерплю.

— Вытерпишь...

Ханэкава тихо засмеялась.

А может и заплакала.

Не знаю.

— Не говори так нагло.

— Что?

— Даже для тебя это нагло, Арараги-кун.

— Так хулиганы, говорят, что ли?

Не речь отличницы.

Со вздохом Ханэкава проговорила:

— Только не смеяться.

А затем сняла фуражку.

— ...

Кошачьи ушки.

У Ханэкаве на голове росли миленькие кошачьи ушки.

Я молча закусил нижнюю губу.

До крови.

...не смеяться...

Просто становишься серьёзным и не смеёшься вообще... в заключении того, что замечаешь человека, говорящего такие благопристойности, и шутка в лучших традициях манги получается, отчего хочется разразиться диким хохотом, но я клятвенно пообещал ничего такого не делать...

Но эти кошачьи ушки действительно очень хорошо смотрелись вместе с убранный чёлкой Ханэкавы. Мне так же думалось и на золотой неделе, но она словно рождена для кошачьих ушек...

Тем не менее.

В кошмаре Золотой недели *кошачьи ушки принадлежали уже не совсем самой Ханэкаве*, потому сила её была разрушительная. Точно, *сейчас-то* цвет ушек был чёрным, как и её волосы...

Потому не смеяться.

Всерьёз разозлится.

Я, конечно, сказал, что она может меня ненавидеть, но всё-таки мне бы не хотелось, чтобы это реально случилось. Весьма удручающе, когда тебя ненавидит такой светлый человек, даже если не спасительница.

— В-всё уже? — смущённо проговорила Ханэкава.

Довольно редкостное выражение лица: она покраснела.

Ещё и кошачьи ушки!

— О-ох... эм, спасибо.

— За что ты благодаришь? — проворчала Ханэкава, вернув фуражку на место.

Нахлобучила по самые глаза, чтобы я даже не пытался подсмотреть. Всё прямо так же, как когда Камбару показывала свою левую руку и когда Сэнгоку показывала своё тело... Но кошачьи ушки Ханэкавы это совершенно иное.

Хочется поблагодарить.

Сказать спасибо.

— Но... да, теперь понятно. Похоже, *продолжение* Золотой недели. Значит, ничего не кончилось...

Головная боль это боль от прорастания ушек.

Легко теперь всё понимается.

Прямо как зубы мудрости.

— Продолжение Золотой недели... то, что я забыла?

— Лучше и не помнить.

— Да, наверное, ты прав... но отвратительно себя чувствую без связных воспоминаний. Такое чувство потерянности.

Это не чувство потерянности.

Думаю, чувство утраты.

— Ну, как бы это сказать, я немного успокоился. Тем не менее надо попытаться что-то сделать. Ты не помнишь, но для меня это уже не впервой. Если повторим, то всё закончится спокойно. И в этот раз проведём тщательней, со всем вниманием...

— Вот... как.

Ханэкава выказала откровенное облегчение.

Ну, любой бы впал в панику, если б поутру вместе с возвращением воспоминаний на голове вдруг выросли кошачьи ушки... Ничего странного, что она выскочила из дома в пижаме.

В такое время...

Ханэкава не может отсидеться дома.

— Лады. Раз упорядочили историю, можем двинуться к Ошино... Неужели ты, Ханэкава, ничего не скажешь насчёт того, что нельзя нарушать правила и ездить на багажнике велосипеда?

— Не хочу говорить.

Ханэкава поднялась со скамьи.

— Не обращаю внимания. Засчитается за то, что сегодня заставила тебя прогулять школу.

Странновато засчитается, не считаешь? Это ж оба раза из-за тебя.

А она внезапно хитрая...

Или скорее гениальная шутка Ханэкавы.

Наверно, так смущение скрывает.

— Может, обопрёшься на меня? Выглядишь усталой.

— Всё хорошо. Я ведь говорила? Боль прошла... устала я только умственно. А так я бодрая даже больше обычного.

— Ясно.

Ну, кошка же.

Так же, как и с обезьяной Камбару.

Сперва мы пошли к велостоянке, я снял замок и сел на велосипед, следом на багажник села Ханэкава.

Её руки крепко обьяли мой торс.

Она прижалась ко мне.

— ...

Дела...

Мягкие!..

И большие!..

Два прикосновения на спине беспощадно ворвались и вторглись прямо в моё сердце... Если б было признание, если б это была не моя спасительница Ханэкава Цубаса, и если б у меня не было девушки, тем более даже если б этой девушкой была не Сендзёгахара Хитаги, то я бы прямо тут же бы потерял разум.

Скрытая большая грудь Ханэкавы Цубасы.

Да, в очень простом наряде, установленном школьными правилами, трудно заметить такое шикарное тело... Хотя я на Золотой неделе уже более чем изведal о нём. Недавно Сендзёгахара точно так же сидела на багажнике моего велосипеда, но всё-таки эта девушка осознавала положение, потому сидела, соблюдая идеальный баланс, и практически меня не касалась...

В то время мы не встречались.

И Ханэкава Цубаса со всей этикой и моралью для соблюдения правил дорожного движения или скорее для безопасности дорожного движения в прямом смысле этого слова доверила мне своё тело.

Да и тогда с Сендзёгахарой я был в пиджаке с высоким воротником. Сейчас я в летней короткорукавой рубашке. На практике различие просто огромно. Но неужели только поэтому такие мягкие?.. Если дело в летней одежде, то позавчера, когда Сэнгоку прижалась сзади, я тоже был в летней одежде... хотя в случае Сэнгоку неровности тела изначально ровнее.

А, я понял. Точно, у меня под рубашкой ничего нет, а у неё под жакетом пижама... скорее всего, Ханэкава-сан без лифчика.

Уох...

Бывает же в жизни такое...

— Арараги-кун.

— М-м?

— Когда доедем, скажу тебе кое-что.

— ...

Ужасно.

Видит насквозь...

Какой я тонкий.

— Н-ну. Короче, поехали. Держись крепче, чтоб не упасть...

Ой!

Зачем я рою себе могилу этим плутовством?!

Чёрт, тут так просто не получится!

Ханэкава спокойно отнеслась ко мне, затаившемуся словно медведка.

Слишком спокойно.

Ничего не сказала.

— Т-тогда вперёд.

В итоге с этими робкими словами я начал крутить педали. Под весом двух людей педали крутить тяжело. Ну, в нынешнем случае, можно пойти по проложенному сценарию и указать Ханэкаве, что «что-то вдруг тяжело стало», чтобы как-нибудь задеть девушку, но я решил не делать этого.

К тому же, не такая и тяжёлая.

До развалин вечерней школы, в которой живут Ошино с Шинобу, времени немного — если я поднажму, даже вдвоём часа не займёт... На каждой неровности дороги моя спина окуналась в райские кущи, но я катил, стараясь не обращать на это внимания. Я специально не въезжал в неровности на асфальте, я же джентльмен. Нехорошо выбирать неровности, но всё-таки не объезжать те, которые случайно попадают на пути, это же ещё безопасно для джентльмена?..

— Кошмар, Арараги-кун.

Ханэкава через какое-то время — должно быть, поездка вдвоём на велосипеде у неё с шести лет не случалась, так что ей потребовалось немного пообвыкнуться — проговорила:

— Столько разных людей, разных трудностей.

— Разных людей?

— Сендзёгахара-сан, Маёй-тян, Камбару-сан, вчерашняя среднеклассница, Сэнгоку-тян... Аха-ха. Одни девушки.

— Не надо тут.

— И все связаны со странностями. Вспомнила, — сказала Ханэкава.

Скорее осознала, чем вспомнила.

— Чувствую какую-то незавершённость... Да. Сендзёгахара-сан неспроста так быстро излечилась...

— ...

— Сначала на весенних каникулах на тебя напал вампир... с этого всё и началось.

— Странности сами по себе существуют рядом с нами, совсем не значит, что они вдруг где-то появляются.

Так и говорит специалист Ошино Мэмэ.

— Арараги-кун... Ты знаешь?

— Знаю что?

— Одну особенность вампиров: своим очарованием они пленяют людей.

— Пленяют?

Я и слово-то такого не знаю... это когда выпив крови делают своим слугой? Как Шинобу со мной сделала?

— Нет.

Ханэкава покачала головой.

Я это спиной почувствовал.

— Эта известная особенность похожа, но немного другая... без питья крови. Это, вроде бы, не гипноз... пленяют противоположный пол, когда взглянут в глаза. Расы вампиров и людей разные, так что я не очень знаю, как в этом случае правильней назвать противоположный пол и вот.

— Хм-м. И вот что?

— Просто. Немного подумала, — Ханэкава понизила голос. — В последнее время ведь ты, Арараги-кун, так популярен у девушек.

— ...

Очарование.

Особенность вампиров.

Ясно, хоть я уже не вампир, но это ещё вполне может быть. Когда-то я сказал Хачикудзи, что я не главгерой галгэ... Но на практической базе это не исключено.

Как я и думал, взгляд Ханэкавы на вещи совершенно иной.

Но в данном случае это не очень приятно.

Если это правда, то это совершенно меняет смысл моих отношений с Сендзёгахарой...

И весёлых бесед с Хачикудзи.

И игр с Камбару.

И с Сэнгоку...

— Прости, — сказала Ханэкава. — Я сейчас плохое сказала.

— Ничуть, это не так. Я бы даже согласился. Понятно. В прошлом году у меня и ни одного друга серьёзного не было, тогда и книга контактов в телефоне пустая была...

Вспоминать всё это сейчас уже немного бессмысленно.

— Очарование, значит. Ясно. Всё-то ты знаешь.

— Я не знаю всего, — сказала Ханэкава. — Я не знаю всего... я ничего не знаю.

— ?..

Что?

Обычная фраза изменилась?

Но прежде чем я успел спросить, Ханэкава заговорила:

— Когда мы встретились на весенних каникулах, ты уже был вампиром, Арараги-кун.

— Ага. Во всём том водовороте я был настоящим, истинным вампиром. Ха-ха, тогда и ты тоже должна попасть под очарование... Ой!

Ханэкава сильно сжала меня.

Это что, сабаори³?!

— Нет, Арараги-кун. Сабаори применяют спереди, чтобы противника на колени поставить и органы раздавить.

— Сколько ты всего знаешь... Стоп, органы раздавить?

Ханэкава сейчас чистая Сендзёгахара!

Жестокая!

Вообще, если Ханэкава заметит, что у этой техники нет такой мощи из-за двух больших подушек у моей спины, что мне вообще нужно будет делать?!

Или это я не о том думаю.

Отдельно от контекста прозвучит опрометчиво.

Сейчас Ханэкава эмоционально встревожена: воспоминания вернулись не полностью, и, чтобы возместить это чувство утраты и потерянности, она наверняка станет думать о тех вещах, о которых ей думать не стоит.

Тут и семи пядей во лбу быть не надо.

Недавно я восхищался расчётами Ханэкавы: даже в такой ситуации она озаботилась о моей посещаемости и о подготовке к культурному фестивалю, однако если она хотела, чтобы я просто показал дорогу до развалин, в которых живёт Ошино, то достаточно было просто по смс и спросить. Ответил бы смской и не пропускал бы школу, и в этот далёкий парк не ехал бы.

Но она позвала.

Это не по глупости.

А из-за волнения.

Ханэкава не могла не заметить, что я пойму это, так что она определённо всё знала. В общем, Ханэкава боялась стоять против странности в одиночку.

Я благодарен.

Всё-таки я и в этот раз ничем не помогу — лишь положусь на Ошино Мэмэ и Ошино Шинобу в надежде, что они расправятся со странностью-кошкой. Для Ханэкавы я ничего сделать не в состоянии. Что бы я ни говорил, с самого начала не могу ничего.

Тем не менее могу быть рядом.

«Я благодарен тебе просто за то, что ты был рядом в нужное время», — сказал отец Сендзёгахары.

И если так говорить, то для меня рядом в действительно нужное время была Ханэкава Цубаса.

Поэтому я решил.

Что если и не могу ничего в нужное для Ханэкавы время, то я должен быть рядом...

«Я не изменялась».

Так вчера Ханэкава сказала.

Однако я думаю, всё-таки изменилась: на самом деле как по мне Ханэкава очень изменилась.

Изменилась после встречи со странностью.

План на будущее, которые я слышал в книжном от неё, яркий тому пример.

Два года постранствовать по миру.

Отправиться в путешествие.

Для Ханэкавы прошлого года наверняка было бы немисливо выбрать такой путь, больше похожий на мечту, — должно быть, у неё всё было чётко решено в соответствии со стандартами отличницы.

Я не говорю, правильно это или неправильно, но всё-таки Ханэкава Цубаса изменилась.

Случилось это после Золотой недели или после весенних каникул — я не знаю.

Однако.

Без особых разговоров мы добрались до руин вечерней школы, брошенной пару лет назад, — нынешней обители Ошино и Шинобу. Развалины окружены изношенной сеткой-забором. Эти двое незаконно заняли здание, обставленное знаками «Не входить» и тому подобное. Я вдруг понял, что за три месяца уже который раз захожу в эти развалины. И осознал, насколько привык сюда приходить. Странности уже перестали быть чем-то из ряда вон для меня...

— Ох ты ж. Уж не Арааги-кун ли это? — вдруг спереди раздался голос. — Ещё и Староста-тян... да? Причёску поменяла, я и не узнал, но эти очки, хм, точно Староста-тян. Ха-ха, давно не видел Старосту-тян, а тебя, Арааги-кун, позавчера наблюдал.

Ошино Мэмэ.

Мужик средних лет в психоделической гавайской рубашке торчал по ту сторону дырявого сеточного забора. Всё в том же грязноватом виде, однако я давно уже не видал, чтобы он вот так выходил из здания. Обычно он не выходя сидит в развалинах, словно необычный вид хикикомори, неужели что-то случилось?

— М-м... Что такое, Ошино? Ты всегда, когда я прихожу, говоришь, словно провидец, «я ждал тебя» или «я уже заждался», в этот раз ничего такого не скажешь?

— Да? Разве говорил? — почему-то Ошино ответил рассеянно.

— Староста-тян, — обратился он к Ханэкаве, стоявшей за велосипедом, сменив тему. — И правда давненько не виделись, Староста-тян. Что случилось? Сейчас будний день. С Арааги-куном-то всё ясно, но мне сложновато представить, что ты саботируешь школу. Ха-ха, у нас прямо праздник.

— О, это... Всё не так.

— М-м? Фуражка хорошо сидит... Фуражка.

Ошино мгновенно вцепился взглядом в головной убор Ханэкавы.

Мастерство специалиста.

— Да...

— Хм-м, вот оно что, Арараги-кун?

Он снова вернулся ко мне.

На лице беззаботность.

Обычный Ошино.

— Ты серьёзно не можешь и трёх шагов сделать, чтобы в неприятности не вляпаться, своеобразный талант. Что-то важное? Ха-ха, сперва проходите. Да, Арараги-кун, на самом деле я сейчас на редкость занят. У меня не так много времени, дел по горло.

— Вот как?

Занят?

Дел по горло?

Времени не много?

Ни одна из этих фраз не подходит к Ошино.

— Работаеть?

— Ну, можно и так сказать. Но ладно. С тобой-то всё ясно, но если у Старосты-тян серьёзное дело, то я готов подправить свой график.

— Знаешь, это грубо...

— Арараги-кун, ты и сам не желаешь со мной любезничать. У меня прямо зудит, пока тебе гадость не скажу.

Ошино холодно отмахнулся от меня.

Похоже, на мужчин, по крайней мере, вампирское очарование не действует... А, пленяет же противоположный пол, значит, только на противоположный и действует.

— Чем болтать тут попусту, быстрее проходите. Вон дырка в заборе. Поговорим как обычно на четвёртом этаже.

— Ага... понятно.

Мы поспешили исполнить сказанное.

В любом случае благодаря Ошино мне удалось избежать нравоучений от Ханэкавы по поводу парковки велосипеда. Это действительно удача, но у Ханэкавы память обладает прямо-таки

чудесными свойствами, так что нравоучения просто немного отсрочились, рано радоваться. И, думаю, вернётся ещё с процентами, так что даже взгрустнуть можно.

Мы прошли сетку и, продравшись сквозь буйно растущую траву — уже подоспело лето — вошли в здание. Внутренний хаос, похоже, остался в памяти Ханэкавы, потому она ничего не сказала. Звучит как шутка, но Ханэкава с серьёзным уважением глядит на Ошино, потому слишком снисходительна к его антисоциальному поведению.

Да.

Даже выбор постраниковать по миру, совсем не свойственный Ханэкаве Цубасе, наверняка произошёл благодаря немалому влиянию бродяги Ошино Мэмэ. В конце концов Ханэкава сама решила, так что это дело такое...

В общем, так думается мне.

— Вредокошка, — проговорил Ошино, поднимаясь по лестнице.

Кошка.

Млекопитающие отряда хищных семейства кошачьих.

Особенности: гибкое тело, острые зубы, когти и язык в грубых наростах — говорят «мудрый ястреб прячет когти до поры до времени», но даже этот ястреб проиграет этим существам в прятании когтей. Подушечки лап приятны на ощупь для человека. Но служат они для бесшумной ходьбы при охоте, такой вот практичный орган.

— Или сереброкошка. Среброкошка, вот. Ещё называют кошачья пляска, но из-за путаницы названий той же странности, не используется. Вредокошка всё-таки чаще. Вредокошка, вредит как кошка. Бесхвостая кошка — не оставляет следов. Странность. В Японии кошки появилась в период Нара⁴. Их широко используют как материал для сямисэна⁵, но сейчас да, кошки, как и собаки, домашние животные. Мышам не дают житья. Полицейских котов или кошек-поводырей нет. Если говорить о странностях, то стоит упомянуть три известные легенды о кошках... Ха-ха, нет-нет, с Арааги-куном-то всё ясно, а Старосте-тян, наверное, и не нужно всё это рассказывать, да?

— Эй, Ошино, хватит прибавлять «с Арааги-куном-то всё ясно», когда говоришь про Ханэкаву, это тебе не фразеологизм никакой. Поднапрягает.

— Ох ты ж, я специально и не говорил, правда сама лезет на уста.

— Будь осторожней в темных переулках, сволочь.

— Волноваться не о чём, я веду ночной образ жизни. Ха-ха, как и кошки.

За разговором поднялись на четвёртый этаж.

Ханэкава всё это время шагала молча. На самом деле ей действительно не нужны объяснения странности — на Золотой неделе Ханэкава уже слышала всё то же самое от Ошино.

Но неужели *эти воспоминания* вернулись? Наверное, Ошино сейчас разыграл всё, чтобы узнать это точно. Словно ни о чём не думая, думает обо всём, в этом Ошино Мэмэ.

Мы вошли в класс.

Сначала Ошино, потом я, следом Ханэкава...

Ошино развернулся и закрыл дверь.

Сейчас день, так что из окон (хотя эти проёмы с разбитыми стёклами с натяжкой можно назвать окнами) льётся солнечный свет, и в классе довольно светло.

Хм... Шинобу нет.

В последнее время она только на четвёртом этаже и обитала... Ах да, из-за Ханэкавы совсем забыл спросить у Ошино про то, что вчера Хачикудзи рассказывала про Шинобу... И если Хачикудзи не обозналась...

Тогда.

Я развернулся и практически одновременно с этим Ошино внезапным выпадом легонько хлопнул Ханэкаву по фуражке.

Легонько хлопнул.

Вот только Ханэкава в момент опала.

Сначала рухнула на колени, после упала лицом вниз.

Словно ниточки обрезали.

— Х-Ханэкава?!

— Без паники, Арараги-кун. Ты такой бодрый, у тебя праздник какой? Насмотрелся на кошачьи ушки и пижаму Старосты-тян?

— Не добавляй конкретики после этой своей фразочки! Можно понять неправильно!

— Всё тут правильно. Тебе даже стоит поблагодарить Старосту-тян за то, что она так тесно прижималась к тебе, когда ехала на багажнике велосипеда, — сказал Ошино.

Потом опустил взгляд на лежащую Ханэкаву.

— Думаю, с допросом ты уже покончил, Арараги-кун, всё уже знаешь? Похоже, опыт с Цундере-тян, Потеряшкой-тян, Юри-тян и Стесняшкой-тян не прошёл для тебя даром. Позавчерашний случай Стесняшки-тян стал особенно хорошим пинком для тебя, Арараги-кун.

Сэнгоку стала Стесняшкой-тян?

Не думаю, что она стесняшка...

Ну да ладно, не настолько, чтобы возражать.

Продолжим.

— Но с Ханэкавой... Что ты сделал?

— Раз уж ты всё знаешь, Арараги-кун, мне ничего и не осталось. Немного сократил процесс.

— Сократил?

Что это такое.

Как это вообще можно?

— Просто дело. Я же сказал, времени нет. К тому же, в данном случае... Думаю, ты, Арараги-кун, тоже достаточно знаешь, но чем слушать Старосту-тян, как-то быстрее послушать её *саму*.

— Саму?..

— Сам подумай, сколько Староста-тян *не помнит из того, что должно было вернуться вместе с другими воспоминаниями*, так что тянуть из неё что-то бесполезно. Конечно, понимаю, что внезапный удар удивил тебя, Арараги-кун, но этот ход не бессмысленный и не с бухты-барахты. Имей терпение.

«Да эта девушка довольно осторожна, так что проблемно шарить у неё в трещине сознания»,
— прибавил Ошино.

Ну, Ханэкава-то, наверное.

Значит, Ошино уже какое-то время наблюдает за этой «трещиной» с позиции Ханэкавы?..

— Но ты же сказал «саму»...

— Объяснения излишни. Дай всему произойти самому, Арараги-кун. Наш противник умён, как сама Староста-тян, тут как ни гляди не подготовишься — на Золотой неделе даже я потерпел позорное поражение. В ту же реку дважды не войдёт. Ох, что я тут рассказываю, гляди, уже пошло, Арараги-кун. Выходит похотливая кошка.

Я посмотрел.

Цвет длинных, обычно заплетённых в косу волос лежащей на полу Ханэкавы начал изменяться.

Изменяться.

Или терять цвет?

Из иссиня-чёрного в серебристо-белый.

Словно жизненная энергия покидает её.

— ...

Нет слов.

Когда шёл к Ошино, я, конечно, готовился и в некоторой степени ожидал *такого*, но тем не менее волнения я не смог скрыть от настолько внезапной встречи.

Действительно тонкий.

Тонок и слаб.

Хоть и поклялся, что буду рядом с Ханэкавой в нужное время...

Вдруг...

Она вскочила.

От этого порыва фуражка слетела с её головы.

Слетела и открыла.

Белые волосы до самой макушки.

Белые кошачьи ушки, торчащие из маленькой головки.

— Няхахаха...

А затем она...

Прищурилась, как кошка, и засмеялась, как кошка.

— Удивлен-ня ещё раз встретиться, человек — всё так же жаждешь грудей моей хозяйки, ничему не учишься, ужасно-ужасно. Хочешь, чтобы я тебя разорвал, да, ня?

— ...

Легко объяснив короткими словами своё место и положение...

Чёрная Ханэкава вернулась.

Примечания

1. Бесплатная смс с просьбой перезвонить.

2. Название басни Эзопа.

3. Техника сумо.

4. 710-794 гг.

5. Трёхструнный щипковый инструмент, покрывается кошачьей кожей.

Сейчас пройдёт, хоть и с виду нарочитое, но любезное и понятное объяснение Чёрной Ханэкавы, однако следует уяснить, что занимает оно временной промежуток в полтора месяца с первого дня Золотой недели, двадцать девятого апреля, до сегодняшнего утра. То было время, когда я ещё только начинал отращивать волосы, чтобы скрыть следы укуса на шее.

Двадцать девятого апреля.

Утром.

Выходные я недолюбиваю и потому в этот национальный праздник выехал из дома и катил по городу на своём тогда ещё целёхоньком, не разломанном Камбару горном велосипеде. В отличие от нынешнего Дня матери я ехал куда-то в определённое место, правда уже совершенно забыл в какое. Ну, если не запомнил, значит, неважно.

Да.

События, случившиеся по дороге, — даже слишком важны.

Для меня.

Настолько, что всё остальное уже неважно.

Случайно встретился с Ханэкавой.

Начало наших чувств с Ханэкавой это весенние каникулы, тогда, я не устану это повторять, она спасла мне жизнь.

И физически, и духовно.

Тогда у меня было неуязвимое тело, так что я благодарен за второе, в любом случае Ханэкава моя спасительница.

Спасла жизнь и душу.

Была рядом в нужное время.

Думаю.

Правда думаю.

Так же, как думаю, что хорошо, что я стоял на площадке, когда Сендзёгахара поскользнулась на лестнице, так же и думаю, что хорошо, что тогда рядом оказалась Ханэкава Цубаса, а не кто-то другой.

Иначе я бы ни за что не спасся.

Не вышел бы из ада.

По завершению весенних каникул мы с Ханэкавой попали в один класс. Ханэкава впихнула мне место замстаросты. Тогда я ещё не думал о помощи с учёбой и отказывался от такой излишней заботы. Полная своего недопонимания, она просто принудила меня, выставив самым ужасным человеком.

Однако я принял.

Потому что это была Ханэкава.

С тех пор прошёл месяц.

Ханэкава и я, как староста, как замстаросты, как староста и замстаросты часто общались по поводу школьных событий и классных собраний — я наконец влился во все эти дела, к своему удивлению. Потому, конечно же.

Я заметил Ханэкаву в школьной форме в выходной и окликнул её.

По-простому.

Однако тут же замялся.

На пол-лица бредущей Ханэкавы Цубасы красовалась большая белая марлевая повязка.

Рана.

Откуда?

Однако лицо это не та часть тела, которую скроешь. К тому же, марля закрывает именно *левую часть лица*, что-то это уже говорит.

Или я слишком много думаю?

Неужели эти кровавые весенние каникулы приучили меня к таким диким ассоциациям? Большинство людей правши, так что если один человек ударит другого по лицу, то удар придётся именно на левую сторону, так же? Но не думаю, что рана нанесена умело. Весьма маловероятно, что третьеклассница старшей школы Ханэкава вчера после занятий где-то упала на тренировке...

Пока я раздумывал.

Ханэкава тоже заметила меня.

— А.

Она окликнула меня и подошла.

Как обычно дружелюбна.

— Яху-у, Арараги-кун.

— Яху-у...

— М-м. А.

У Ханэкавы на лице отобразилась неудача.

На самом деле сейчас эта история кажется совершенно невероятной, с обычным человеком такое будет неизбежно, но такую тактичность Ханэкавы я бы назвал большим провалом.

Нет, наверное, назвал бы успехом.

Даже большим успехом.

Всё-таки тогда Ханэкава не хотела, отчаянно не хотела думать о повязке на лице, потому...

Как обычно окликнула меня, как обычно, не беспокоясь о повязке, это большой успех «мастерства» Ханэкавы.

Но если в целом, то, конечно, провал.

Я попытался как-то сделать вид, что ничего нет, — притвориться будто не заметил провала Ханэкавы, соответственно и с ответом затупил. Месяц назад я постоянно глупил при разговоре с Ханэкавой. Ханэкава всегда соответствовала.

Но.

В этот раз это было невозможно.

— Ты добрый, Арараги-кун, — проговорила Ханэкава. — Добрый, хороший человек.

Да.

Ещё тогда мне так сказали.

Ханэкава сказала.

— Пройдёмся, немного, — пригласила меня она.

Причины отказаться не было.

Или скорее, не за чем отказываться. Ханэкава никогда так меня не приглашала — наверное, тогда ей хотелось компании.

Только не быть одной.

Так что она не пригласила именно меня, любой бы подошёл ей.

Тогда я просто оказался рядом.

Не сказал бы, что в данной ситуации я подходящий собеседник — будь Ханэкава хоть на чуточку поспокойнее, она бы не выбрала меня. В отличие от Хачикудзи Маёй, с которой мы встретимся позже, я не такой умелый слушатель. Легко вовлекаюсь, эмоции овладевают, я не могу смолчать и перебиваю или прерываю собеседника.

Однако Ханэкава так хорошо рассказывает, что полностью компенсирует это. Потому даже в такой сложной ситуации всё не настолько проблемно, и можно чего-то уловить. Я шёл, толкая велик, и слушал Ханэкаву Цубасу.

Во-первых.

У Ханэкавы Цубасы нет отца.

Конечно, биологически отец у неё есть, но социально она родилась у матери-одиночки. Местонахождение отца до сих пор неизвестно. Выяснять она не намерена, но, боюсь, даже если начнёт искать, то это не выйдет из сферы домыслов, слишком много уже времени утекло.

Цубаса.

Так её называли.

Это слово несёт смысл «помогать», «спасать». Защитит, словно птица закроет крыльями свои яйца или птенцов...

«Помога».

«Рачительная».

Ни одно из этих слов я не знал.

Однако тот, кто должен быть спасён, это не сам человек, которого зовут Цубаса. И мать с такой надеждой дала ей это имя.

Дала ей задание.

В то время фамилия была другая.

Той фамилии я не слышал.

Или она не рассказала.

Ханэкава попыталась сказать, но я остановил. Она сразу догадалась, кивнула и продолжила говорить.

Вскоре после рождения дочери мать Ханэкавы вышла замуж.

Впервые.

В любом случае нужны были деньги. В одиночку очень сложно растить дочь. Рассказ событий практически двадцатилетней давности, общественный строй тогда ещё был далёк от совершенства. Даже я понимаю, насколько ужасно жить матери-одиночке без чьей-то поддержки.

Мать.

Отец.

Однако после свадьбы её мать вскоре покончила с собой.

Брак, рассчитанный на деньги, мгновенно рухнул. Она изначально была эмоционально тонким человеком. И теперь прочувствовала всю боль жизни вместе с чужим человеком — Ханэкава от матери-одиночки перешла к отцу-одиночке.

Неродному.

Однако всё же отцу.

Фамилия этого отца тоже не Ханэкава.

Той фамилии я не знаю.

Не успела мать покончить с собой, как неродной отец решил жениться во второй раз. Тогда Ханэкава была ещё не в том возрасте, чтобы чувствовать что-то по этому поводу — во всяком случае семья так же состояла из трёх людей. И теперь она оказалась в положении, где оба родителя неродные.

Даже не представляю, какие у неё были эмоции.

Это тяжёлая утрата.

Я, наверное, должен посочувствовать Ханэкаве.

Однако только всё это не соответствует типичным случаям, и по этим несчастьям нельзя судить Ханэкаву — её родная мать покончила с собой, но это не значит, что и Ханэкава тоже попала в эти сети несчастий. Скорее, то, что отец смог взять новую жену, можно посчитать за большую удачу.

Столько всего произошло...

И это не только лишь несчастья.

Потому, даже когда потом отец заработался до смерти, и она опять осталась одна с матерью, а через год вновь обрела нового отца, фамилия которого уже наконец «Ханэкава», это не должно что-то менять.

Сочувствовать не стоит.

В этом всё печально только два момента: умерли её первая мама и первый папа, а не другие люди.

Но какая насыщенная жизнь.

Когда всё это закончилось, Ханэкаве и трёх лет не исполнилось — возраст, когда ещё ничего не понимаешь. Только и можно, что плыть по течению.

Неправильно думать.

Что такие добродетельные люди, как Ханэкава, благословлены.

Что боги любят их.

Хорошие люди счастливы, а плохие несчастны — раньше я так думал, однако всё совсем по-другому.

В выходные с трудом проводишь время с семьёй, выходишь из дома, чувствуешь проблемы, всё это совершенно на другом уровне, чем у меня...

Сложные семейные отношения.

История комичная и невероятная. Если бы я услышал не от Ханэкавы, то не поверил бы и рассмеялся в голос. Но рассказала мне Ханэкава, так что можно быть уверенным, что это не какая-то низкопробная шутка, потому я потерял дар речи. В итоге после нескольких чередований всё дошло до того, что нынешние родители Ханэкавы никак с ней не связаны.

Дочь матери-одиночки.

Ребёнок бывшего, бывшего, бывшего брака.

— Прости.

Ханэкава окончила рассказ и извинилась.

— Не надо было мне этого говорить.

Естественно, я тогда ответил.

Сказал: «Вовсе нет», вроде бы?

Нет, не то.

Спросил: «Почему? Что?»

Словно бы заставил признаться в преступлении. Сочувствие плохо, для серьёзной Ханэкавы это равносильно оскорблению.

— Всё-таки это злость, — проговорила Ханэкава. — Рассказ ведь поставил тебя в трудное положение? С тобой это никак не связано, Арараги-кун, и поэтому ты ощущаешь вину за то, что не можешь по-настоящему посочувствовать, а сочувствуешь лишь немного? Когда я извинилась... тебе ведь стало неприятно?

В яблочко.

Ханэкава сказала то, что не надо было говорить.

— Я просто использовала тебя, чтобы развеять грусть.

— ...

— Я постараюсь развеять у тебя это неприятное чувство, Арараги-кун, и не буду больше ныть.

Впервые вижу Ханэкаву такой робкой.

Наверное, роль сыграла и повязка на лице.

Для меня Ханэкава Цубаса всегда была прямой, сильной, серьёзной, стойкой, умной, справедливой — идеальной.

Однако.

Идеальных людей не бывает.

— Это я понял, — сказал я. — Но они же тебе не сами всё рассказали? До двадцати лет сохранять в секрете...

— Они открытые люди и рассказали мне перед тем, как я пошла в начальную школу.

Ханэкава говорила, не сбавляя шаг.

— Я действительно как помеха.

— ...

— Но есть приличия. Их супруги умерли, и они не могли бросить ребёнка, и новый брак тоже не позволяет этого. Можно было отдать, конечно, в детдом, но, похоже, они не были уверены, что выдержат порицания своего эго за то, что отдали ещё неразумного ребёнка.

— ...

Если и так, но...

Это бывает и в семьях, связанных родством. Нет, редко в семье бывает всё гладко — в любой семье есть разлад и искажение.

— Поэтому я постаралась стать хорошим ребёнком, — сказала Ханэкава. — С начальной школы я старалась быть серьёзной старостой, старалась стать аккуратней. Я ведь не такая паинька. Аха-ха.

Это в какой-то степени напоминает эпизод Сендзёгахары Хитаги, о котором мы узнаем позже. Сендзёгахара Хитаги в средней школе и в старшей...

Похожи не только причёсками.

Неужто всё так?

Однако разница тоже очевидна.

Родители ответственны за поступки детей, но дети не ответственны за поступки родителей...

— Хорошим, просто обычным ребёнком, — продолжила Ханэкава на моё молчание. — Не стоит смотреть на это узко, будто сложные семейные обстоятельства влекут за собой травму. Я так не думаю. Потому я решила, что в некоторой степени не меняюсь.

Я не менялась.

Чтобы попытаться что-то сделать.

— Стала обычной старшекласницей. Я.

— Да не сказал бы...

Обычные старшекласницы не берут первое место в стране на предварительных экзаменах.

До такой доскональности не придерживаются принципам.

Я намеревался так подшутить, чтобы смягчить атмосферу.

— Вот как? — проговорила, однако, с досадой Ханэкава. — Всё-таки, значит, просочилось... Если не обычный ребёнок попытается вести себя обычно, то выйдет что-то не так. Перестаралась.

— Это же не плохо, — сказал я. — Так же лучше.

— Не очень. Это не так легко объяснить. *Так я родилась, так меня вырастили, потому я стала хорошим ребёнком, потому стала послушной.*

Старалась, движимая несчастьем.

Старалась, движимая бедами.

Такое можно понять...

— М-м. Но на самом ли деле у меня так...

— Ну, даже...

На самом деле — так.

Как ни странно.

По-другому никак.

Но всё-таки это не что-то плохое.

— Арараги-кун, а ты чем занимался?

Вдруг.

Ханэкава сменила тему.

Выражение лица тоже вдруг переменялось — вновь её обычная дружелюбная улыбка.

Всё как всегда, но это наоборот жутко.

Тут же продолжила разговор.

— Золотая неделя это хорошо, но ты не подготавливаешься?

— Золотая неделя это хорошо, но почему я должен подготавливаться...

— Ахаха, — Ханэкава весело рассмеялась. — А у меня вот выходные день прогулок.

— ...

— Не хочу быть дома. Как подумаю, целый день с матерью и отцом вместе в одном доме... В дрожь бросает.

— Вы... не ладите?

— Скорее, проблемы из-за прошлого, — сказала Ханэкава. — Отношения у нас прохладные. Между мной и родителями, и между папой и мамой тоже. Мы семья, но даже не разговариваем...

— И отец, и мать?

— Да. Даже не знаю, не из-за меня ли, но уже какое-то время они оба остыли друг к другу. Думаю, они могли бы развестись, но всё те же приличия — приличия для них важны. Пока я не повзрослею, вот. Ахаха, а ведь совершенно чужой ребёнок.

Не смейся.

Не надо смеяться, когда такое говоришь.

Не похоже на Ханэкаву.

Но на что похожа Ханэкава?

Обычная Ханэкава это порядочная Ханэкава Цубаса — неужто эта Ханэкава уже не та порядочная Ханэкава Цубаса?

Но тогда я понял.

Всё осознал.

Почему я встретил Ханэкаву на весенних каникулах.

Если выходные это день прогулок, то и весенние с летними каникулами тоже, про Золотую неделю не стоит и упоминать — тогда я, конечно же, встретился там с Ханэкавой случайно, но у этой случайности есть своя причина.

— Поэтому выходные день прогулок.

— Думаю, ты слишком беспоко-ишься, — безобидно выразился я.

Хватило только на это.

Ненавижу свою слабость.

Семьи без любви это тоже не такая редкость.

А вот такой ребёнок, как Ханэкава, это действительно редкость, однако Ханэкава ненавидит смотреть на мир в розовом свете.

Чувствую, более-менее понимаю, почему Ханэкава ненавидит, когда к ней относятся как к знаменитости. И почему упорствует в том. Что она «обычная девушка, только чуть серьёзней». Кроме того, только теперь начинаю понимать или даже прочувствовал...

— ...

Однако.

Внезапно заметил.

Кто мог бы представить, что у отличницы, старосты старост Ханэкавы Цубасы такая сложная ситуация в семье. Немного трудновато, чтобы всё уложилось у меня в голове, но благодаря логичному объяснению Ханэкавы, я всё понял правильно. Убедился, что основа серьёзного до абсурдности характера Ханэкавы, возможно, лежит здесь (сама Ханэкава так думать не желает)... Однако.

Однако так-то.

Это не объясняет, почему половину её лица скрывает повязка.

Нисколько.

Мы разве не об этом изначально заговорили?

— Да...

Ханэкава состроила расстроенную мину.

Это действительно провал.

— Я тогда сказала, что, по правде говоря, просто отвлекаюсь тобой, Арараги-кун.

— Нет, в этом ничего такого...

— Пообещаешь, что никому не скажешь?

Лучше не говорить.

Со мной ты встретилась случайно, и говорить не нужно, если хочешь, на самом деле лучше только отвлекаться с моей помощью.

Однако старающейся быть в хороших отношениях со всеми, старающейся быть со всеми правильной, старающейся со всеми быть честной — Ханэкаве Цубасе необходимо объяснить мне о повязке у неё на лице.

Хоть и не должна рассказывать.

Хоть я и не достоин услышать.

— Обе... щаю.

— Этим утром отец ударил меня, — коротко сказала она и улыбнулась.

Застенчивая улыбка, словно она стесняется.

Обычная.

В итоге я как всегда всё осознал несколько позже, но, похоже, для Ханэкавы Цубасы это стало *последней соломинкой*. Не то, что ударил отец, — то, что рассказала это мне.

То, что мне стало известно.

Это ли не стресс.

— Ударил... это же...

Но тогда я не осознал.

Просто удивился.

Нет, лучше сказать, испугался.

Я не думал, что отец ударит свою дочь. Нет, я даже представить себе такого не мог. Думал, такое только в фильмах или сериалах бывает. В таком деле родство и семейные обстоятельства не должны играть какой-то роли.

Я посмотрел Ханэкаве в лицо.

Левая половина закрыта.

Тесные отношения — это же не раны ставить...

— Так нельзя!..

Страдает от разлада и искажения в семье.

Сама беда не в этом.

Всё довольно сложно — так же, как не стоит разделять людей по рождению и воспитанию, не нужно сочувствовать этим людям или наоборот завидовать. Даже если обстоятельства легко понятны и легко заметны, никакое это не несчастье, скорее всего.

Нельзя бить.

Ханэкава объяснила причину.

Почему её ударили.

Я как третья сторона не особо-то убедителен — всё-таки понимаю, что не стоит соваться в чужой монастырь. Убедителен я или нет, с моими эмоциями это не связано.

В общем, как и в школе бывало.

Ханэкава всегда старается быть правильной и из-за этого часто конфликтует с кем-то — только на этот раз её противником оказался отец.

И он ответил кулаком.

— Семья без любви, да?

— Наверное, даже слишком... или всё-таки мне стоило попробовать пойти на компромисс. С трудом выдержать баланс. Если так, то я плохо поступила. Вот, всё-таки подумай, Араагикун. Если тебе сорок лет, стал бы ты слушать, что тебе говорит незнакомая семнадцатилетка? Если злишься и раздражён, это ведь нормально?

— Однако!

Незнакомая семнадцатилетка?

Это что.

Почему именно так?

Может, и не связаны родством, но тем не менее, раз с трёх лет живёте в одном доме, разве это уже не семья?

— С насилием не поделаешь?.. Как ты можешь говорить такое? Это ты не должна прощать...

— М-можно ведь. Один раз.

Я моментально вскипел.

Не знаю, почему — боюсь, я зол на то, что моя спасительница Ханэкава так страдает. Однако моя ярость настигла только Ханэкаву. Ханэкава попыталась прийти к какому-то компромиссу, просто сухие резонные аргументы.

Аргумент ранит человека.

Всегда.

«Один раз можно», что?

Нельзя такое говорить.

Противниками и друзья, и учителя бывали, это плохо, и прямо говоря, не стоит так делать, но таков стиль Ханэкавы Цубасы. Поэтому, прямо говоря, это плохо и не стоит так делать с родителем, если в результате выходит, что тебя бьют — только в этом Ханэкава всё равно остаётся Ханэкавой Цубасой.

Тем не менее.

Я должен был сказать.

Один раз можно ведь...

Эти слова отрицание своей жизни.

Отрицание самой себя.

— Ты пообещал, Арараги-кун. И никому не скажешь.

Ни в школе.

Ни в полиции.

Нет, самой Ханэкаве...

Я не поднимал снова эту тему.

— Н-но такое обещание...

— Пожалуйста, Арараги-кун, — сказала Ханэкава.

Наверное, подумала, что для обещания этого недостаточно, и склонила голову.

— Пожалуйста, не говори никому. Если будешь молчать, я сделаю, что угодно.

— ...

— Прошу.

— Ага, хорошо...

Только и смог выдавить я, прижатый к стенке.

Просить за такую нелепость — выпрашивает такую нелепость, я не мог не уступить.

Потому что отказала.

Отказала, и я не могу посодействовать.

Человек сам себя спасает...

— Но сходи в больницу. Ты сама себе наложила повязку? Признаю, довольно умело, но выглядит не особо.

— Хм... Хорошо. Всё равно на Золотой неделе нечего делать, можно и доктору показаться. Я ещё ни разу страховым полисом не пользовалась.

— Если что-нибудь случится, звони мне. Что бы я ни делал, где бы я ни был, я помогу тебе.

— Аха-ха, как мило, — улыбнулась Ханэкава своей обычной улыбкой. — Что что-нибудь?

— Ну, вообще...

— Да, хорошо, Арараги-кун.

А затем добавила:

— Если что-нибудь случится, я сразу же позвоню. Смс тоже можно? — сказала она.

Сказала, но...

В итоге за Золотую неделю мне на телефон ни разу не пришло уведомление об смс от Ханэкавы.

Быть рядом в нужное время... Однако.

Я тогда совершенно не нужен был Ханэкаве, моей спасительнице — просто хотела побыть с кем-то, кто бы помог забыться, кто бы позлился — хоть и не нужен был, но я бесцеремонно был рядом.

Нужно было кошке.

Кошка.

Странность с соответствующей причиной.

А после мы говорили о делах класса, но этого больше не касались и тему не возрождали. Говорили в основном о культурном фестивале. За этим делом мы увидели мёртвого кота, которого переехала машина. Ошейника нет, значит, бродячий. Белый кот без хвоста. То ли изначально порода бесхвостая, то ли оторвали от жизни на улице — непонятно. Белый кот — мех с некоторого ракурса даже серебристый, однако всё тело залито его собственной кровью, так что цвет уже неважен. Состояние жуткое — сколько ещё раз тело переезжали машины? Ханэкава без колебаний вышла с тротуара на проезжую часть и подобрала тело кота.

— Поможешь? — спросила Ханэкава, и я не смог отказать.

Мы похоронили кота у холма неподалёку — так, двадцать девятого апреля, начался первый день нашего с Ханэкавой девятидневного кошмара, пролог завершился.

Не знаю, насколько помнит Ханэкава тот день и тот наш разговор — Ханэкава остаётся собой, так что, если и помнит про похороны кота, то есть высокая вероятность, что детали стёрлись, когда она потеряла память. Боюсь, подтвердить уже не получится — сообразительная Ханэкава тут же обо всём догадается.

В любом случае.

Вступление окончено, дальше начинается история.

Назавтра у меня особых дел не было, но от безделья я почему-то пошёл в развалины частной вечерней школы, в которой живёт Ошино, посмотреть, как там Шинобу (тогда ей ещё не дали имя Ошино Шинобу), немного поболтать с Ошино.

За этим я и рассказал о том, как вчера мы похоронили кота.

Не просто так.

Какое плохое предчувствие.

Близкое к признакам ада весенних каникул.

— Арараги-кун, это же... — с прищуром уточнил Ошино. — Да неужели *это серебристый кот...*

В итоге беседа не подвела.

Белые волосы, белые кошачьи ушки, обращение в Чёрную Ханэкаву (наименование Ошино Мэмэ), всё это странность, которая несла зверства каждую ночь в городе — пока мы не смогли схватить вредокота седьмого мая, в последний день Золотой недели.

Девять дней.

Был риск дойти и до десяти.

Наверное.

Скоростное решение — но в этом случае всё было на грани.

С содействием Шинобу (в награду она получила от Ошино имя Ошино Шинобу) мы успешно запечатали вредокота, завладевшего Ханэкавой...

Проблема разрешилась.

Быстро все прошло.

Быстро решили настолько сложную проблему, однако всё-таки, если проблема решена, это ещё не значит, что она исчезла.

Состояние транса.

Поэтому у Ханэкавы нет воспоминаний о Чёрной Ханэкаве.

И она не знает, что Чёрная Ханэкава первым делом напала именно на её нынешних родителей...

Неужто эти воспоминания тоже вернулись?

Меня это беспокоит.

— Нет проблем с воспоминаниями.

Тогда.

Мы (наученные прошлым опытом) ловко связали Чёрную Ханэкаву, показывавшуюся нам месяц назад в течение Золотой недели, выслушали её рассказ (хотя, как обычно, речь сводилась к бессмысленным для меня няканьям), оставили связанную Чёрную Ханэкаву в том классе («она» всячески поносила нас, но мы не обращали внимания) и сразу же перешли в третий класс на четвёртом этаже, отдалённом от того, где сидит Чёрная Ханэкава — Ошино зажал губами незажжённую сигарету и начал.

Друг напротив друга.

На этот раз очередь Ошино говорить.

— Думаю, рокового тут ничего нет — в любом случае воспоминания Чёрной Ханэкавы несовместимы со Старостой-тян. Однако память Старосты-тян внушительна. И думаю, сейчас она никуда не исчезла. Теперь у нас другие обстоятельства — Староста-тян осознаёт всё *полностью*.

— Это плохо?

— Осознание это не так уж плохо. Проблема в «Старосте-тян», Арараги-кун. Как ты знаешь, Арараги-кун, Староста-тян даже слишком проницательна. Скорость мысли в сотни раз выше, чем у обычных людей. Объединившись с этим, она легко может организовать память.

— Организовать память?

— В прошлый раз память Чёрной Ханэкавы и память Старосты-тян полностью исключали друг друга — ни одной подсказки. После того, как мы смогли всецело запечатать странность, все воспоминания о странности тоже неизбежно исчезнут. Если результат ушёл, то и причина искоренена. Поэтому даже если воспоминания бессвязные, то сама она не заметит этой бессвязности. Однако на этот раз стоит проблема, так сказать, заполнения пробелов. Чувствую, где-то выпадают важные части — с такой непревзойдённой точностью конец невозможен, но сюда вошёл какой-то нюанс, хорошая интуиция помогла, понимаешь?

— Вроде теста по японскому?

С японским у меня плохо.

Вот только Ханэкава хороша во всех предметах.

— Как же так... Небольшое утешение только, если память прошлого раза не вернётся. Только печаль для Ханэкавы.

Прошлый раз счастливая случайность.

Сейчас малая милость большой беды.

— Да нет, как по мне, наверное, это хорошо для Старосты-тян — человек однажды втянутый в странность в следующий раз легче попадает в неё. Ты сам испытал это, Арараги-кун — Старосте-тян тоже важно знать о странностях.

«Нужно осознание», — добавил Ошино.

Наверное, так оно и есть.

Если не знаешь, то и не сможешь правильно отреагировать. Хотя если и знаешь, то не всегда контролируешь, однако если знаешь, то можешь избежать.

Так соблюдается баланс.

— Но Ошино, — сказал я.

Я думал о том, что позади, о том, что Чёрная Ханэкава сейчас через два класса от нас лежит связанная.

— Почему «она» снова вышла? Разве «её» не крепко запечатали на Золотой неделе? Как «она» опять появилась?

— Я ничего такого не говорил, — Ошино покачал головой. — Вредокот немного иного рода по сравнению с теми странностями, которые ты уже знаешь, Арараги-кун. Да, если так сказать, оно, наверное, близко к обезьяне Юри-тян...

— А... оба звери, да.

— Угу. Но я же говорил раньше? Вредокот, если подобрать реальное соответствие, это *раздвоение личности*, так что Чёрная Ханэкава это подсознание Старосты-тян. Странности и где-нибудь, и рядом, однако вредокот же *внутри Старосты-тян*. Он лишь отправная точка, лишь побочное — проблема в стрессе Старосты-тян.

Стресс.

По словам учёных это *реакция организма в попытке решить какую-то проблему*.

— В прошлый раз, когда я с ней встретился, Чёрная Ханэкава, можно сказать, устранила большую часть стресса насилем, потому её легко было запечатать. Однако всего лишь запечатать. Это не значит, что она исчезла. Не исчезли ни странность, ни стрессор. Если стресс накопится, то снова всё вздуется, как мыльный пузырь.

— Стресс...

— Проблема в том, какой сейчас стрессор.

Стрессор, то есть причина стресса.

Естественно, для Ханэкавы это семья.

Думаю, да.

— Нет, я тоже сначала так подумал, но Арараги-кун, нет ли чего другого? До семнадцати лет контролировать себя и наконец выпустить стресс. И тут он, хоть и полностью исчез, но где-то за месяц вновь поднялся до того же уровня.

— А, ну...

— С тех пор родители на Старосту-тян руку не поднимали?

— Ну, нет, вроде бы.

Сперва ударили.

Отец и мать — родители.

Сейчас они всё-таки вернулись к своей обычной жизни после всего — семья без любви, даже не разговаривают, просто люди, которые живут вместе — наверняка это большой стресс для Ханэкавы.

Но месяц это действительно мало.

Скорее, её снова ударили.

— Ладно, *колокольчик на шею повешен*, так что можно было почувствовать. Что привело к раннему проявлению вредокота. Стоило быть осторожней. Но, если честно, я очень сомневался, что оно станет действовать. Это моя неосмотрительность. Я даже в самом худшем варианте думал, что Староста-тян продержится до двадцати лет. Из услышанного я понял, что родители решили разводиться, когда Староста-тян станет совершеннолетней, и естественно Староста-тян собирается уйти из дома, потому ничего не сказал ни тебе, ни Старосте-тян.

— Двадцать лет... обратно Камбару.

— Стандартный критерий, уже «взрослый», — Ошино криво ухмыльнулся. — За это время Староста-тян тоже должна была набраться достаточно сил, чтобы её не поглощали странности... вот.

— Вот как... Так, Ошино, что за колокольчик?

— Головная боль. На Золотой неделе у Старосты-тян тоже же болела голова? Посчитаем это, и всё станет на свои места. Арааги-кун, ты, по крайней мере, должен знать. Когда там начались головные боли у Старосты-тян?

— Где-то за месяц.

— Хм-м... Сначала не так сильно... да? Что же делать, времени у нас почти нет, чтобы найти стрессора. Есть вероятность, что задействовано множество факторов, а похотливая кошка есть похотливая кошка, и как обычно не знаю, что и сказать...

— Даже ты не знаешь?

Самого бы легче послушать.

— Не знаю. Намёков много, но определённого нет, разговор деликатный, так что соответствующего предположения не подтянешь, пф, всё-таки кошачьи мозги. Но, чувствую, где-то она специально лукавит — нельзя проявлять неосторожность только потому что это Староста-тян.

— Потому что с ней не хочется враждовать?

— Нет, не поэтому.

Чёрная Ханэкава.

Другая Ханэкава Цубаса, созданная сердцем Ханэкавы.

Скорее дополняющая личность, чем противоположная.

У 翼, Цубасы, помимо значения «спасать», есть ещё смысл «дополнять друг друга» — определённо фантастические перья.

— Но Ошино, разве такое большое значение в определении причины? Семья это или что-то ещё — какая разница. Конечно, устранить стрессора это лучший способ, но это не значит, что мы с тобой сможем это...

Как и в прошлый раз.

Проблему семьи Ханэкавы мы не в состоянии решить.

Даже и не представляю, как разрешить такую ситуацию. Как ни крути не ворвёшься же в личные проблемы чужого человека.

Какое высокомерие.

— Странность того типа, которая ранит других, в отличие от случаев Сендзёгахары и Сэнгоку... хоть похожа, но отличается и от случая Камбару. Всё-таки думаю, остаётся только, как и в прошлый раз, избавиться только от симптомов...

— Да. Именно так и есть, угу.

Что-то как-то уклончиво.

На Ошино не похоже.

Неужто есть что-то ещё по вредокоту? Нет, Ошино сегодня и до разговора вёл себя странно. С утра под лучами солнца делает что-то вне здания — уже как-то подозрительно...

— Что такое, Ошино, ты темнишь? Снова начнёшь придирается к чему-то? Да знаю я, что не могу здесь рассчитывать на тебя, как в случае Сэнгоку...

Довольно долгое знакомство. Я хорошо понимаю, что Ханэкава не всего лишь жертва, как Сэнгоку, — хорошо понимаю, что Ханэкава сама опирается на странность. Ошино Мэмэ ненавидит таких людей.

Только и делают, что полагаются...

Если не нужно, относятся как к помехе.

Недостаточно уважения.

— Но сейчас ответственность лежит на тебе, разве нет? От Ханэкавы ты получил ровно сто тысяч. И всё равно прошлый раз продолжился, так что, думаю, тебе как специалисту нужно

выплатить неустойку. Одной гарантией тут не отделаешься. Если б ты мне рассказал про этот колокольчик Ханэкавы...

— Ну, такое сказать...

Ошино неожиданно не отрицает.

Что-то невероятное.

— Но знаешь, Арараги-кун, Старосте-тян всё-таки идут кошачьи ушки. Ха-ха, вспомнилась «Нэко нэко фантазия»¹. Читал? А, ещё у Нэкобэ Нэко-сэнсэя...

— У Нэкобэ Нэко-сэнсэя «Осторожно! Золотая рыбка!»². Не путай тут меня кошками... Ошино, ты случаем увильнуть не пытаешься?

— О чём ты, у меня нет никаких оснований как-то увильвать. Кстати насчёт ушек, помню они ещё у Норимаки Аралэ³ были. Да, эта манга уже давно поднялась. Свалили в кучу кошачьи ушки, лоли, роботов, очки, младшую сестрёнку, фиолетовые волосы и дурацкую речь, ага?

— Я такого не замечал, ну, всё так... Я бы, конечно, расхвалил тебя за внимательность, но Ошино, это как-то связано с делом Ханэкавы?

— Хм, хм, м-м.

Пытается увильнуть...

По-любому...

— Эй, Ошино, слушай...

— Купипо⁴.

— Это так отходят от темы взрослые, отведавшие радости и печали мира?!

— М-м. Ну, взрослые вообще такие.

— Не хочу взрослеть!

Ну, купипопами меня не провести.

Однако для чего пытаться увильнуть?

Не понимаю.

Я бессильно продолжал думать о том, чего не понимаю, и невольно, можно сказать, силком, продолжал беседу.

— Ладно, Ошино, приведи скорее Шинобу. Монстрокота, кроме как с Шинобу, не разрешить же? Конечно, Шинобу так легко не пойдёт на это, но если сказать, что в обмен на мою кровь...

— М-м. Наверное. Но плохое любит накапливаться — беда не приходит одна...

— ...

Как всё мутно.

Знай меру и поспеши уже.

Ханэкава же...

В прошлый раз я был не нужен, но сейчас Ханэкава сама меня попросила — я должен быть рядом.

Быть рядом в нужное время.

— А?..

Тогда.

Я снова вспомнил — да, я же недавно пытался спросить Ошино. Про то, что рассказала Хачикудзи о Шинобу этим утром, про то, из-за чего у меня сейчас плохое предчувствие.

Вообще никакого хорошего предчувствия!

— Ошино... есть тут у меня один вопрос.

— Вот как совпадение. У меня к тебе тоже есть вопрос, Арараги-кун.

— Что с Шинобу?

— Да, вот.

Ошино ответил с чистой улыбкой, словно наслаждался тем, что расскажет кому-то, — словно преступник признающийся в содеянном.

— Шинобу-тян ушла на поиски себя.

Примечания

1. Neko neko fantasia, сёдзё-манга за авторством Эми Такады про кошек, которые могут превращаться в людей.
2. Сёдзё-манга и аниме-сериал.
3. Геноид, главная героиня манги и аниме «Доктор Сламп» за авторством Ториямы Акиры.

4. Фраза Норимаки «Гаттян» Гадзиллы из манги «Драгон Болл».

Мгновенно опустилась ночь.

Я на велосипеде уже объездил город — заглянул во все знакомые места, но не удовлетворившись этим, второй раз проехал по тому же курсу, буквально объездил всё, однако результата так и не достиг — и тут я наконец понял, как устал.

Ничего не ел, ничего не пил.

Без остановки продолжал крутить педали — девять часов кряду.

Если честно, я удивлён.

Тело моё не должно уставать — Шинобу пила мою кровь всего пару дней назад, но вся полезность этого ушла на восстановления рук и ног...

Вампир-псевдочеловек.

Человек-псевдовампир.

Уже и не знаю, как верней.

Ошино Шинобу.

Вампир, который сбежал из дома, есть в этом что-то забавное. Без копейки в кармане вдруг исчезла в чём была — это уже на грани побега. Что ж это за вампир такой.

Плохое любит накапливаться.

Беда не приходит одна.

Истинно так.

Ошино заметил, что Шинобу нет, этим утром, а потом повспоминал и понял, что не видел Шинобу со вчерашнего дня.

По показанию Хачикудзи вчера вечером она видела золотоволосую девочку у шоссе рядом с Мистер Донатс — в общем, в это время Ошино Шинобу уже сбежала.

Её детские ножки не могли унести её так далеко.

Всего один день — то, что Шинобу легендарный вампир, ничего не значит, сейчас она обычный ребёнок и в плане физической силы даже слабее меня. Обычный ребёнок... нет, если я не рядом, то она даже слабее обычного ребёнка. Оставшиеся силы в основном ограничены.

Устанет и захочет есть.

Ой, что.

Да, зачем она шла в Мистер Донатс без гроша в кармане? Выходит, она проголодалась.

Где-то в городе совсем одна.

— ...

Я гнал на велосипеде, как вдруг наткнулся на Хачикудзи Маёй, идущую по вечерней дороге. За сегодня уже вторая встреча. Я хотел бы ухватить удачу второй раз за один день встретиться с Хачикудзи, с которой все встречи только случайны, но сейчас не время. Вообще, если первый раз да, но вторую встречу нельзя наверняка назвать случайной — я слепо мотался по городу, так что когда-нибудь да должны были встретиться.

— Прараги-сан.

— И наконец дошла до банальной опечатки...

— Прости. Оговорилась.

После обмена приветствиями я попросил Хачикудзи подробно рассказать мне о том, как она вчера встретила Шинобу.

— Ну, если так, — проговорила Хачикудзи. — Она почему-то выглядела одиноко.

— Одиноко...

— Да, — сказала Хачикудзи с серьёзным лицом. — Словно потерявшийся ребёнок.

Потерявшийся ребёнок.

В этом у Хачикудзи, так сказать, отдельная убедительность.

Девочка, долгое время продолжавшая блуждать.

— Хорошо, — кивнула Хачикудзи. — Я тоже поищу эту девочку.

— Правда?

— Ага. Арараги-сан, в поисках потерянной девочки нужны помощники и особое внимание. Не стоит всё делать в одиночку, убивший дракона сам становится горой.

— Горой?! Крупновато!

— И ты, Арараги-сан, не будь минутичным и не сдавайся.

— Минутичный это уже слишком для ошибки!

— Оспаривается вопрос о единоовладении поисками потерявшегося ребёнка, но не надо терять спокойствия.

— Истинно так!

— Если замечу, то подойти я не смогу, но могу позвонить с телефонного автомата, дай мне номер своего мобильного, Арараги-сан.

— Ты пользуешься телефонными автоматами?

— Конечно. Я про в технике.

— Этим утром ты сказала обратное...

— А что я сказала. Я ведь талант, который может смотреть телевизор даже спустя двадцать лет?

— Какая тут сила в просмотре цифрового тв...

— Вансег это собака такая?

— Дура!

Шутки в сторону.

Как ни крути, но телефонными автоматами пользоваться можно. Они до сих пор в хорошем состоянии, спасибо нашей провинциальности. У нас в городе даже ходят грустные рассказы о банкротстве крупного супермаркета с обширной парковкой и пачинко.

Мы с Хачикудзи разделились.

Раз смог встретить Хачикудзи, то и Шинобу тоже должен найти, это добавило мне немного уверенности.

За предложение помощи я благодарен, но нельзя строить завышенных ожиданий по поводу неизменной (на вид) Хачикудзи. В поисках ребёнка и его укрытии есть места, которые может понять лишь ребёнок, потому можно на неё понадеяться, однако поле деятельности Хачикудзи, хоть и шире, чем у обычных детей, но всё же имеет свои границы. Она ограничена в движении, как ребёнок.

Однако помощь нужна.

Как и сказала Хачикудзи.

Поэтому.

Я позвонил Сэнгоку на домашний, когда уже подходило четыре. Сэнгоку ходит в мою среднюю школу, так что если никуда по пути не свернула, то должна уже вернуться домой — она точно никакие клубы не посещает...

Если честно, не сказал бы, что вероятность высокая, однако, к счастью, она оказалась дома.

— Братик Коёми.

Голос Сэнгоку стал оживлённым.

При телефонных звонках без личной встречи, похоже, напряжение Сэнгоку исчезает. Думаю, ей лучше поскорее купить мобильник.

— Братик Коёми, ты так быстро позвонил Надэко?.. Очень рада.

— А... мы же только вчера, прости. Э-эм...

Ух, как бы объяснить...

Тут не как с Хачикудзи, Сэнгоку нужно объяснять всё с самого начала...

— М? Что такое, братик Коёми?

— А, нет... ну...

— Успокойся. Что-то случилось?

Сэнгоку заволновалась моей нерешительности.

— Кто сказал, что что-то случилось...

— В-всё равно успокойся. Успокойся, братик Коёми. Д-да, сейчас Надэко расскажет кое-что интересное.

— ...

Она сказала что-то невероятное.

Рассказать что-то интересное это не попытаться рассказать что-то интересное, это уже большая уверенность в себе...

— Так вот, в манге и аниме это всё кажется таким лёгким и беззаботным, но работать горничной на самом деле просто ужасно.

— Так это ты «Большая любительница больших панд»!

Неудивительно, что понять было трудно!

Ты никогда на вечеринки не ходила!

В письме было не про тебя...

— У-успокоился, братик Коёми?

— Ох... такой-то оборот успокоит.

Это не значит, что сначала я не был спокоен.

Но если уж выбирать выражения, то ладно.

— И всё-таки? Ты что-то хотел сказать Надэко?

— Да... Сэнгоку, я хочу тебя попросить.

— Попросить... о чём?

— Поищи Шинобу, — в конце концов прямо выдал я. — Шинобу ты видела, тебя это не касается, но ты можешь помочь, если честно, даже спасти меня.

— Поискать... Она пропала? Ну... эм, Шинобу-тян?

— Да.

— Может... просто вышла?

— Она не вернулась на ночь.

— В-вот как...

На другом конце провода...

Я чувствовал признаки колебания.

Точно, Сэнгоку же говорила, что Шинобу неотрывно на неё глядела, — наверняка Сэнгоку инстинктивно боится Шинобу.

К такому выводу я пришёл.

Даже в косвенной форме Сэнгоку уже не должна касаться странностей, вот о чём мне нужно было подумать. И теперь я сам втягиваю её в это...

— Прости, Сэнгоку. Я сам. Я...

— Н-нет. Братик Коёми, это не то.

— Не то?..

— Просто подумала, что если сразу отвечу, то прозвучит нехорошо... Дай мне помочь, пожалуйста.

— Ладно... но правда всё нормально?

— Угу, — необычно с силой сказала Сэнгоку.

Это, наверное, потому что по телефону.

Думаю, лично так не смогла бы.

— Если Надэко как-то может отблагодарить братика Коёми, это хорошо. Братик Коёми, ты *помог Надэко* и теперь ищешь Шинобу?

— М?.. Ну, да.

— Тогда Надэко не может не помочь.

Чего это она?

Не может не помочь...

— Не думаю, что так пойдёт, но... Но не могу гарантировать твою полную безопасность. Хотя она и потеряла практически всю силу, она ещё вампир...

— Хорошо, — сказала Сэнгоку. — Всё в порядке. Я сделаю.

Сэнгоку, хоть и застенчивая, но всё же сильная.

Меня несколько смущало просить такое, но Сэнгоку в конце концов отправилась на поиски Шинобу.

Я тогда хотел почувствовать облегчение. Всё-таки очень благодарен помощи людей, которые знали Шинобу лично. Но тем не менее до облегчения ещё не доставало.

Сэнгоку не ездит на велосипеде.

Скорее, его у неё нет.

Поэтому несколько дней назад она не пользовалась велосипедом, чтобы добраться до развалин храма. Да и на обладающей такой же мобильностью Хачикудзи полагаться не стоит — она тоже ходит пешком.

Мобильность?..

Мобильность, значит.

Чувствую неловкость от непрерывных просьб к ней, но её помощь в этом деле будет полезна. Начнём с того, что сейчас лично Шинобу видело лишь шестеро человек, включая меня — двое из них это Ханэкава Цубаса, ныне связанная Чёрная Ханэкава, и Ошино Мэмэ, приглядывающий за ней.

Остаётся четверо, если вычесть меня и Сэнгоку, двое.

Я не могу не позвать этих двоих.

Для начала та, с кем легко договориться, — Камбару Суруга.

Я выбрал её имя в списке контактов. Уроки уже закончились, так что мобильный должен быть включён, хотя, Камбару приобрела мобильник пару дней назад, потому сомнительно, что она в точности придерживается школьных правил...

— Камбару Суруга.

Как обычно, полностью назвалась.

Похоже, напрасно боялся.

— Камбару Суруга. Финальный удар — рывок с ускорением.

— ...

В её стиле.

Это не быстроходом или шукучи.

Ну, в отношении этого лгать не будет.

— Камбару Суруга. Профессия — секс-рабыня Арараги-сэмпая.

— Какая ложь!

— М-м. Этот голос и ответ, Арараги-сэмпай.

— И ты сказала такое, не зная, что это я?!

— Вам не понравилось секс-рабыня? Ну, конечно, я сперва придумала себе другой более подходящий мне титул, но это вышло немного слишком, потому ссамовольничала.

— Мне страшно подумать, что это был за титул!

И вообще.

Начни уже пользоваться списком контактов в телефоне.

— Камбару, ты сейчас в школе?

— Нет, уже ушла.

— Да? Вот как? А подготовка к фестивалю?

— На сегодня у меня нет дел.

— Ясно. Значит, вы по очереди работаете... Хорошо организованный у вас класс. Даже завидно.

Понятно.

Была бы в школе, мобильник бы выключила.

— Эм, Камбару, значит, ты сейчас дома?

— Тоже нет. Что такое, Арараги-сэмпай, вы и во второй раз не угадали, как для вас необычно. Неужели вас сразила хворь? Арараги-сэмпай, я сейчас в игровом уголке в супермаркете, играю в «Ведьмы-модницы Лав и Бэрри»¹.

— Как я мог такое ожидать?!

Никогда не оправдываешь ожиданий!

Думай хоть немного головой!

— Я не особо знаю, но вообще, эта игра интересна для старшеклассницы?..

— Что вы говорите. Для этой восхитительной игры неважен возраст. Только сегодня я потратила около трёх тысяч йен. За мной стоит огромная очередь детей, но я не намерена отходить.

— Ты так соришь деньгами! Сейчас же останови игру и пропусти детей!

— М-м. Я уважаю вас, Арараги-сэмпай, но скажу то же самое, что и продавщице, которую я недавно отогнала.

— Отогнала?!

— Когда всерьёз злишься, только всерьёз огрызаешься.

— Нет! Когда всерьёз злишься, всерьёз извиняйся!

— Однако вашему приказу, Арараги-сэмпай я противиться не могу. Тогда перейду в соседнего Короля жуков²...

— Ты просто игру сменила!

— Вы утратили тягу к играм, Арараги-сэмпай. Люди взрослеют более играя, чем узнавая, на том и строится история. Кстати об играх, недавно я играла с тремя друзьями в дайфуку...

— Так это ты «Ели-заели»!

Эта кохай уже действительно...

Слишком милая.

В сто раз милее милоты.

— Так что, Арараги-сэмпай, зачем вы мне позвонили?

— А...

Я не могу начать с ней серьёзный разговор без всяких глупостей. Весь предыдущий диалог был необходимой прелюдией, я это ясно понимал.

— Камбару, я хочу попросить тебя о помощи.

— «Попросить», какие странности вы говорите. Я вся ваша, Арараги-сэмпай. Вам нужно только указать, что мне сделать для вас.

— ...

Круто...

По-взрослому круто...

И тем не менее играет в детские игры...

Мне вдруг подумалось, но эта жесткость её характера... не влияние ли Сендзёгахары?

— Я хочу, чтобы ты поискала Шинобу. Девочка сбежала из дома.

— Сбежала из дома?

— Короче, пропала.

— Ясно. Поняла. Услышанного уже достаточно. Значит, мне раздеться?

— Если хочешь раздеться, в следующий раз останемся наедине и пораздеваемся как душе угодно! Если так нравится, то разденем друг друга и полюбujemyся! Ха-ха, когда я разденусь, вот красота-то будет! Так что, Камбару, попридержи свои желания и просто поищи Шинобу! Я полагаюсь на тебя больше всего! Мне нужны твои быстрые ноги, которые обгоняют велосипед!

— Какие странные вещи вы говорите. Мои икры, ягодицы, обратные стороны коленей, голени, лодыжки и бедра — всё это принадлежит вам, Арараги-сэмпай.

— Никакой жесткостью и не пахнет!

— Что? Ступни? Ваши маньячные наклонности бросят в дрожь самих богов, Арараги-сэмпай...

— Молчи-и!

Какая же ты извращенка!

Воздействие Сендзёгахары в момент спало!

— Вы меня переоцениваете. Всё-таки моя извращённость лишь непристойность в отзвуке слов «только для женщин».

— Просто ты в Японии!

— Что вы сказали? Вы только что признали меня секс-рабыней?

— Нет, не говорил я ни про каких рабынь!

— Вот как, Арараги-сэмпай, вот каковы ваши маньячные дела.

— Ты намерена и дальше углубляться в маньячную тему?.. Мы же ещё старшеклассники...

— Можно заменить на подозрительные дела. Прошлой ночью вы, Арараги-сэмпай, с Сендзёгахарой-сэмпай дошли до подозрительных дел.

— ...

Откуда она знает.

Хотя в данном случае ни откуда, ни что...

— Да. Сендзёгахара-сэмпай рассказала. Как творила подозрительные дела под звёздным небом с вами, Арараги-сэмпай.

— Поцелуй это уже подозрительные дела?!

Ну, может, я и слишком далеко иду, но почему-то не хочется так думать, неужто я ещё не вырос...

— И Сендзёгахара говорила про это...

Какая открытая...

Мы встречаемся, так что ничего особенно постыдного в этом нет, но... хотелось бы побольше деликатности в этом вопросе.

— Сегодня в школе рассказала?

— Нет, вчера ночью. Ну как рассказала... внезапно позвонила посреди ночи и часов пять хвасталась.

— Жуткий сэмпай!

Даже если позвонила сразу, как вернулась с обсерватории, она же почти всю ночь не спала. На утренней линейке сонной совсем не выглядела... У неё железная маска на лице, что ли? Должны же быть какие-то границы в контроле эмоций.

Однако «хвасталась»... Всё-таки она хвасталась. Не замечал в Сендзёгахаре Хитаги такую её сторону совсем, но Сендзёгахара и Камбару давние знакомые, даже можно сказать, подруги.

Говорила, значит...

Немного неожиданно.

— Примите мои поздравления.

— А... спасибо.

— Но я не хочу, чтобы вы думали, будто победили.

— Это объявление войны?!

— Любовь легко украсть... Отсюда!

— Даже отсюда?!

Разговор слишком далеко ушёл.

Тем не менее её мобильность может возместить потраченное время...

Радикальная выгода.

Так что может делать, что хочет.

— Ну да ладно. Выходит, нужно найти ту милашку с золотыми волосами. Вас поняла. Раз вы сами меня попросили, Арараги-сэмпай, я примусь за это со всей серьёзностью. Хохохо, в мире столько всего, но я готова бежать изо всех сил только ради вас, Арараги-сэмпай, ради Сендзёгахары-сэмпай и ради распродажи яой-романов.

— Когда ты говоришь без страха недоразумений, речь твоя совсем не радует!..

Даже напрягает.

Хотел бы последний пункт её перечисления отделить.

— Но Арараги-сэмпай, большинство романов жанра яой сводят меня с ума, но среди них есть слабые работы... Ради таких я стараться не смогу.

— Я не слушаю!

К тому же.

Стараться не стараешься, только всё равно покупаешь.

— Да, Камбару, перед тем, как уйти из клуба, ты, наверное, и на баскетбольные матчи бежала со всех ног.

— Нет, это было не совсем так. Я сразу выпрыгивала из пола спортзала.

— Ты танк, что ли, какой?!

— К тому же, глядите, если в узком пространстве двигаться слишком быстро, это ведь породит послеобразы. Баскетбол игра на пять человек, так что теневое клонирование — фол.

— Не тревожь без особых причин уровень реальности этого мира! Странностей и так хватает, ещё бы люди своим движением послеобразы создавали!

— Ну, сперва засчитают пробежку с мячом, а не умножение игроков.

— Разве, когда игрок на площадке раздваивается, судья не должен выдать фол первому?!

— Можно клонироваться только до девяти одному. Если создашь ещё одного клона, то можно уже самотренировкой заняться.

— Нельзя-нельзя-нельзя! Как такое возможно-то! Не путай меня своими теориями!

— Однако, Арараги-сэмпай, если желаете другую тему, то сегодня я впервые за долгое время сняла утяжелители и бежала изо всех сил.

— Что ж такое, я сейчас хочу только, чтобы ты прекратила это!

Не знаю, насколько это шутка.

Чрезвычайно опасная кохай.

Она как ракета.

— Нет смысла прекращать, Арараги-сэмпай. Я получила от вас приказ и счастлива как никогда. Клянусь, буду бежать, пока не паду без сил.

— Ты уверена? Ты, конечно, быстрая, но, вроде бы, говорила, что плоха на длинных дистанциях?

— М? А, можно не волноваться, это лишь установка на первом уровне ещё непрокачанного персонажа.

— Какая ещё установка!

— Если так волнуетесь, то я готова вернуться к базовым настройкам.

— У нас тут нет игровых опций!

Ну...

Слабость в понимании Камбару и слабость в моём понимании это две большие разницы, так что переживать тут не стоит.

— Хохохо. Однако я, получив ваш приказ, уже не чувствую, что мне подходит имя, которая я носила прежде. Я эволюционировала и должна получить новое имя. Да, я больше не Камбару Суруга, я — Камбару Омега!

— Я влюблён!

— Кстати, приморской парк эволюционирует в морской.

— К такой грации даже не приблизиться!

— А знак «падение камней» в «падение огней».

— Слишком сильно!

Интересно, а если я эволюционирую, как это будет.

Хочется даже подумать об этом.

— Ладно, Камбару, если найдёшь Шинобу... Эм, как-то не уверен, что с твоей левой рукой будет всё в порядке... Да, левая рука всё-таки опасна, Камбару, если найдёшь Шинобу, не приближайся и сразу свяжись со мной.

— М-м? А обнять нельзя?

— Нельзя!

Нельзя в двух смыслах.

Ни одно из двух хорошим не кончится.

— Секундочку. Не стоит меня недооценивать, Арараги-сэмпай. Я не пожалею жизни за шанс обнять маленькую девочку.

— Пожалей лучше... Вообще, что такого-то в объятиях с маленькой девочкой?

— Разве это не счастье, если маленькая девочка милашка?!

— Бесишь!

Бесишь своего сэмпая!

И знать не хочу такого счастья!

— Ладно, забудем о твоих принципах и наклонностях... Реально противостоять Шинобу сейчас могу только я — Ошино по некоторым причинам занят. Такие дела.

— Понятно.

— Я попросил Сэнгоку тоже помочь, так что, если встретитесь, расскажите друг другу, что видели... А да, Камбару, Сэнгоку передала мне спортивные трусы с купальником.

— О, ясно. Нестираные?

— Да нет, стиранные.

— Ужасно! — вскричала она.

Она уже... того совсем.

— Дурость... какой же в них теперь смысл, стиранных... даже вам непозволительно такое варварство, Арааги-сэмпай.

— Камбару, ты чего это начала-то?.. Только не говори, что ты не стирала трусы с купальником перед тем, как отдать их среднекляшке?..

— Жестоко... почему творится такая жестокость... дали надежду и тут же её разбили на мелкие кусочки... будь у меня цианистый калий, сразу самоубилась бы...

— Предположение о цианистом калии делает это всё каким-то глупым...

Прямо до самоубийства?

Вот ты какая?

— Мне крайне жаль за всё услышанное от вас, Арааги-сэмпай, выхода нет, вам придётся искупить свою вину.

— ...

Да зачем.

Однако если Камбару падёт духом, то это плохо...

Мне правда нужна её помощь...

— Хорошо ли?

— Да-да... что за вопросы?

— Любим лишь раз, Арааги-сэмпай.

— Что за внезапная романтика?!

Уже бессмыслица какая-то.

— Ладно, искуплю. Что мне сделать?

— Хорошо. Вы, Арараги-сэмпай, должны надеть школьный купальник и спортивные трусы, спать в них ночью, а когда они пропитаются вашим потом, верните их мне без стирки.

— Если так сделаю, мы с тобой станем равными извращенцами! Нет, наверное, я даже больше!..

— Если мы пройдемся вместе, то звучит ещё интересней.

— Прости, Камбару! Я ещё не готов к двойному самоубийству с тобой!

— Если не готовы, то подготовлю вас ядом.

— Это же убийство!

— Ну, позже подумаю об этом.

— Нет, ты сейчас думай!

— Ладно, вы попросили Сэнгоку-тян о помощи? Я чувствовала, что есть кто-то ещё.

— Да. Может, она и не склонна поболтать, но расскажет всё быстро. Посодействуй с ней, Камбару.

— Конечно. Я всё поняла, даже слёзы на глазах. Я не буду собой, если не посодействую. Всё отлично, Арараги-сэмпай.

С этим Камбару повесила трубку.

Он сказала, что сейчас в супермаркете, но нигде поблизости ничего такого нет... Меня реально волнует, не пробилась ли Камбару своим рывком с ускорением к жиле супермаркетов в нашем провинциальном городе, ну да ладно, если перестать о всяких нереальных глупостях, то Камбару внушает надежду.

И теперь последняя.

Последняя, кто знает Шинобу в лицо.

Я позвонил Сендзёгахаре Хитаги.

Долго шли гудки — пришлось ждать секунд двадцать. И только я заволновался, что начнётся переадресация, как наконец она подняла трубку.

— Я не пойду.

— ...

Первым же делом отказалась.

Она там эспер какой-то, что ли.

Ещё и отказывается...

— Ты долго не отвечала, что-то случилось?

— Да? Ничего. Очень не хотелось отвечать, потому я не смотрела, кто звонит, и просто держала телефон в кармане, но он надоедал, так что решила сбросить и увидела, что это ты, Арараги-кун, тогда решила выключить телефон, чтобы он перестал звучать, но по ошибке нажала на кнопку вызова, поэтому отвечаю неохотно. Кстати, у тебя какое-то дело?

— Какие у меня у могут быть дела к тебе!

Жестокая.

Не даёт слабинку даже по телефону.

— Короче, Сендзёгахара, послушай.

— Не хочу. Это ты сначала послушай. Пару дней назад ходила с двумя друзьями в видеопрокат.

— Так это ты «Иду, чистя яблоко»? Да у тебя несколько лет друзей вообще не было, и ты придумываешь случай будто «общаешься с друзьями», это письмо должно быть интересным, а выглядит жалко!

Сколько ж людей слушает эту передачу!

Всё, что ли?!

Я один в пролёте?!

Блин, вся мода прошла мимо меня!

— Эм, Сендзёгахара, можешь послушать меня?

— Если падёшь ниц, придётся.

— Не буду я!

— Так что?

— Шинобу пропала.

— Шинобу? Та девочка с золотыми волосами?

— Да.

— Хм-м.

Не тронуло?

Ровная, холодная.

Ну, они знакомы, но ни разу не говорили друг с другом и нигде не пересекались — и это касается не только Сендзёгахары, и Камбару, и Сэнгоку тоже. Хорошо знаем Шинобу только я с Ошино, может, и Ханэкава ещё.

— Выходит, ты, Арараги-кун, прогуливал школу, чтобы найти эту девочку?

— Да. И потому мне нужна твоя помощь, ты знаешь, как Шинобу выглядит...

— Но, — Сендзёгахара оборвала меня, — утром ты сказал «помочь одному человеку», раньше ты никогда не называл её «человеком».

— ...

— Ханэкава-сан не пришла в школу, — ровно продолжила Сендзёгахара.

Ни грамма эмоций. Её безэмоциональность просачивается даже через трубку телефона. Это действительно она звонила Камбару и всю ночь ей хвасталась?..

— Ладно, это другое, можешь не отвечать. Твоё молчание уже будет достаточным ответом.

— Если и так, то отвечу. Да, всё как ты и сказала. Ханэкава...

— Помнится, Ошино-сан говорил что-то вроде, что эта девочка хорошо поработала в деле Ханэкавы-сан. Значит, вот как? Тебе нужна девочка для Ханэкавы-сан, но она вдруг сбежала, так?

— Какая у тебя интуиция... да и память...

— В своей памяти я уверена. Помню год создания сёгуната Камакура.

— Ты же просто год запомнила...

— Камакура государства хорошего не построили.

— Ну и воспоминания!

— Арараги-кун, — проговорила Сендзёгахара, — ты одинаково беспокоишься и о Ханэкаве-сан, и об этой девочке — беспристрастен к обоим. Очевидно, стоило отдать предпочтение какой-то одной, но и ты правда ты, Арараги-кун.

— Э?..

О чём это она?

Предпочтение?

Ситуация же совсем не такая.

Здесь не как с Сэнгоку, тут я не должен выбирать, кого спасти.

— Не пойду, — Сендзёгахара повторила свои слова. — Я не пойду.

— Эй, Сендзёгахара...

— Я должна закончить подготовку к фестивалю.

— Это понятно, но сейчас...

— Ханэкава-сан поручила мне это.

Сильные слова.

В них вложена воля, они словно лезвие обнажённого меча.

— Бросить всё сейчас нельзя — у Ханэкавы-сан трудности, и я должна выполнить эти обязанности.

Да...

Это не просто подготовка к культурному фестивалю.

Ханэкава, даже попав под власть странности, дала Сендзёгахаре поручение. Нельзя просто вот так ей сказать, чтобы она оставила всё и шла искать Шинобу.

— Ханэкавы-сан нет, и, если честно, никто никого особо не слушается. Как управлять этими людьми? Мы составили какое-то дурацкое расписание, это безумие. И даже тебя нет, так что, по правде говоря, сейчас мы тратим время попусту.

— Ну, Ханэкава практически всё делала сама...

Сколько же она пахала ради класса. И сколько мы в классе не замечали этого? Не показывала окружающим своих трудностей. Нагрузка нешуточная — так свалиться от переработки недалеко, однако занятой она совсем не выглядела, ни намёка на жалобы от неё мы не слышали. Всё это просто ужасная работа. Ужасно, когда окружающие не замечают твоих стараний. Даже я, её помощник, самый близкий к ней не могу сказать, что ухватываю все трудности Ханэкавы.

Совсем нет.

Она и правда истинный мастер...

Но мне не хочется, чтобы ты говорила, что тратишь время попусту, когда говоришь со своим парнем по телефону, Хитаги-сан...

— Сегодня я задержусь допоздна, не похоже, что ты проводишь меня из школы. Вернусь спокойно домой и подожду. На самом деле закончить с расписанием всей этой работы на

граница чуда. Эй, Арараги-кун. Ты, Арараги-кун, можешь действовать по-своему обыкновению, а я буду действовать по-своему.

— Хорошо... тогда... — сказал я.

Честно признаю ситуацию.

— Доверяю школу тебе. Сделай хороший фестиваль.

— Да. Хотелось бы.

Извечный ровный тон.

Действительно ни грамма эмоций.

Тем не менее в этом определённо сама Сендзёгахара Хитаги.

— Давай, ещё свяжемся.

— Да, Арараги-кун. Ещё одно.

— Что такое?

— Цундере-сервис, — напоследок добавила Сендзёгахара. Своим ровным тоном. — Не пойми неправильно. Я о тебе не переживаю, но, если не вернёшься, я тебя не прощу.

А затем звонок резко оборвался.

Она сделала это специально, но как-то простить можно.

О, и правда... Правда не стала говорить. Каждый раз она... словно у неё не хватает слов... она не говорит.

Она слишком любит.

Ничего не попишешь.

Похоже, она серьёзно решила идти домой.

А затем дожидаться.

— Хорошо, доверюсь тебе.

Ладно.

Я позвал уже всех, кого мог.

В конце концов такие связи третьеклассника старшей школы, если взглянуть обще, наверное, это не больше чем помощь для утешения, возможно, ситуация никак не продвинется, но тем не менее...

Уверенности придало на порядок.

Кручу педали, кручу педали, кручу педали, ещё кручу педали, кручу педали и кручу педали — так и прошло три часа.

До того искал девять часов.

Семь вечера.

Не успел оглянуться, а уже вечер.

Не ел, не пил.

Не отдыхал...

Я в итоге выдохся.

— Да Шинобу... чем же она там думает?

Ушла из дома.

Сбежала.

Ищет себя.

Не можешь ты никуда идти...

Как и я.

— ...

Всё началось с весенних каникул.

С церемонии окончания второго класса.

Сейчас это уже довольно давняя история.

Я знаю о существовании странностей...

Стал странностью...

И с тех пор это всё не стихает.

Демон.

Кошка.

Краб.

Улитка.

Обезьяна.

Змея.

И снова... кошка.

Монстрокошка, вредокошка.

Чёрная Ханэкава — ещё одна Ханэкава Цубаса.

Монстрокошка в большинстве случаев становится человеком — убивший дракона сам становится драконом, бесчисленное количество легенд на эту тему.

Кошка превращается в человека.

И съедает его.

Однако вредокот наоборот — нет, просто понимание той же легенды под другим углом. *Не кошка становится человеком, а человек — кошкой.* Монстрокошка, обратившаяся человеком, неестественностью обнаружит свою истинную личину — неестественность вредокота объясняется раздвоением личности. Если принять лишь эту часть, то это как оборотень. Легенды касательно вредокота имеют множество форм — целомудренная жена вдруг превращается в блудницу и разгуливает ночью по городу; странствующий монах (или воин либо охотник) начинает действовать без раздумий — *у нас же история жены.*

Если судить лишь по концовке, то в преданиях кошка сразу не появляется. Но как самое общее, компонент, который снова и снова повторяется в историях, это белый кот без хвоста, но главная тема, ось это сам человек.

Две стороны человека.

Подсознательная Ханэкава — чёрная, злая Ханэкава Цубаса.

Или же скорее белая?

Погловило ли её...

Спросить бы мнение Камбару.

Если так подумать, то обезьяна Камбару наверняка должна быть чем-то схожа с вредокотом — только внешне, внутри же они различны совершенно. Главное отличие в том, что обезьяна, по крайней мере, просто исполняла желание Камбару Суруги по обоюдному контракту, вредокошка же полнейший и безоговорочный друг Ханэкавы Цубасы. На Золотой неделе я с

Ошино в итоге со всей злобой напали на самую Ханэкаву, но всё это ради неё же. Даже если и не желанный и не званный, но кошка — друг Ханэкавы.

Какой там друг — она сама и есть.

Обезьяна Камбару это иное.

Сейчас Камбару должна бежать уже.

Однако не связывается.

Никто не связывается.

Ни зацепки, ни даже намёка какого-то. Даже какого-то ключа к разгадке нет.

Как так?

Златоволосая девочка должна быть крайне заметна в нашем городе, однако даже не нашли, чтобы её кто-нибудь видел.

Может, она уже ушла из города?

Нет, она же маленькая... должна быть.

Если меня нет рядом, Шинобу ничего не может. Должно быть так.

Я посмотрел на небо.

Ночь.

Полная темнота.

Звезды — им, конечно, не сравниться с видом у обсерватории — тем не менее показались довольно крупные звезды. Что-то в последнее время уже привычка глядеть на ночное небо — сразу вспоминается Сендзёгахара.

«Всё».

Сказала она.

«Это всё, что я могу дать тебе, Арараги-кун».

Но нет, это неправда.

Ты дала мне воспоминания.

Не только о звёздном небе — с самой первой встречи на лестнице и до этого момента.

Воспоминания... Память.

Память Ханэкавы ещё не исчезла. Для меня лучше, если бы все эти воспоминания о странности исчезли бы, но Ошино сказал обратное.

Да и не особо это связано со словами Ошино.

Я сам всё-таки не хочу забывать.

Эти весенние каникулы.

Этот ад.

Всё же началось именно там...

— Шинобу, Ошино Шинобу...

Её нужно найти.

Обязательно.

Я должен нести эту ношу всю свою жизнь...

— Ладно... Хватит уже отдыхать.

Я снова нажал на педали. Отдохнул всего ничего, но по большей части восстановился — всё благодаря нереальности моего тела.

Раз уж появились звёзды, то время явно позднее.

Ещё немного, и среднекласснице Сэнгоку придётся возвращаться домой. Значит, мои и без того слабые силы будут ещё больше урезаны. Сейчас же и в полицию не обратишься с заявлением о потерявшемся ребёнке...

К тому же, уже ночь.

Вампиры, как всем известно, ночные странники. Вампиром Шинобу не назовёшь, но ночью она чувствует себя определённо свободнее — силы возрастают настолько, что и глубокая ночь становится глубже.

Опасность тоже возрастает.

Уже больше семи вечера... в последующие два часа всё решится.

Если не поспешить... Я поднялся и изо всех сил надавал на педали стоя, как вдруг скорость велосипеда резко снизилась, словно зажали тормоза, обе педали не сдвинуть с места.

Сперва я подумал, что велосипед сломался от такого безумного ускорения. То ли цепь порвалась, то ли колесо спустилось... Однако всё совсем не так.

Какой-то человек запрыгнул на багажник велосипеда.

Нет, человеком это, наверное, назвать нельзя.

Если прямо, то это кошка.

— ...

— Нян.

— ...

Ясно...

Так же, как и вампиры, кошки... ведут ночной образ жизни.

Белые волосы, кошачьи ушки, пижама...

Хорошо знакомая мне девушка.

Очки сняла — в темноте хорошо видит.

Вид жутковатый... Чуть больше, чем глаза, жутко выглядело выражение лица, невыносимое при изначальном телосложении девушки.

Плащ сняла — похоже, жарко стало. Притча про ветер и солнце оказалась верна...
Неожиданно пижама Ханэкавы открылась мне во всей красе, однако из-за нынешнего состояния Ханэкавы удовольствие от этого чувствовалось лишь вполсилы.

Итак.

Рядом сидела Чёрная Ханэкава.

— Ты почему здесь...

— Мрряу.

— Отвечай.

Не надо мне тут твоего фальшивого мурчания.

Чёрную Ханэкаву крепко связали в развалинах школы, и Ошино остался наблюдать за ней, но...

— Вот как, значит, человек. Мр-р-р.

— Не надо тут мурлыкать.

— Хм. Ну и ладно. Не пялся так, человек. Не зная, но я продолжал дёргаться и вот недавно освободился от верёвок, ня.

— Недавно?..

А, ясно.

Ночное животное.

На Золотой неделе самосознание возвращалось к Ханэкаве всегда именно днём — ночью сила этой странности намного возрастала. Понятно, если так, то обезьяна Камбару довольно близка.

— Няха-ха-ха-ха.

Чёрная Ханэкава звонко рассмеялась.

Наверное, без причины.

Беспричинных смех.

Мозги тоже кошачьи. Ошино говорил, что базис от Старосты-тян, но я так не думаю... не похоже, будто это какая-то глубинная сторона Ханэкавы Цубасы.

Хотя нет.

Эта Ханэкава Цубаса уже и есть глубь.

А после стала поверхностью.

— Но как ты мимо Ошино...

— Я кот, ня. Пройти бесшумно как две лапы об асфальт, нян.

— Ну это да...

Ошино... ты полнейшая бесполезность.

Странно как-то.

Ещё можно понять, почему он с самого начала темнил про исчезновение Шинобу (вышел наружу, чтобы искать её), но он позволил Чёрной Ханэкаве сбежать... немыслимо.

Сразу после того, как упустил Шинобу.

Он не из тех, кто два раз подряд делает такие глупые ошибки.

Это значит... Ошино специально, то есть, намеренно отпустил Чёрную Ханэкаву?.. Сперва связал так, чтобы она смогла выбраться с наступлением ночи (вредокошка сказала, что освободилась от верёвок, но без помощи не обошлось), а после притворился, будто не заметил, как она сбежала из здания...

Чёрная Ханэкава обнаружила меня лишь своим нюхом и слухом.

Кошка на охоте.

Но вопрос в том, почему Чёрная Ханэкава, освободившись, пришла ко мне, — тут какая-то скрытая причина. Если Ошино упустил кошку намеренно, то, естественно, он уже наверняка предвидел этот её манёвр...

Для чего?

Не понимаю, зачем.

Но он сказал, что времени нет, и силой призвал вредошку — чтобы услышать рассказ её самой. Так же не понимая, как и я, Ошино скрыл главное: на самом деле в бессвязных словах Чёрной Ханэкавы, наверное, не найти улики или зацепок, даже намёка никакого...

— Эй, кошка...

— Ня?

— ...

Я слез с велосипеда и, придерживая его одной рукой, встал напротив Чёрной Ханэкавы, сидящей на багажнике. Слова застряли в горле.

Нечего сказать.

Воу... без плаща всё так чётко вырисовывается. Назвать эту пижаму чисто девичьей было слишком смело, если подуспокоиться, то поймёшь, что пижама обычная, но даже зная это, всё выглядит весьма соблазнительно. Отменяю про полсилы удовольствия. При малейшем движении её грудь отдаётся восхитительными колыханиями. Туда-сюда. Не особо подходящее описание к человеческому телу. Уже как-то хочется забить на развитие истории и продвижение сюжета и всю ночь напролёт любоваться, как она прыгает на скакалке.

У Камбару манеры извращенки, а у Ханэкавы тело...

Ещё и кошачьи ушки.

Как подумаю, что эти волосы были чёрными, так вздрогну.

С точки зрения выживаемости вида внешняя сексапильность совершенно необходима, однако необходимо ли такое превышение?

— Что такое, ня?

— А-а, ну...

Ну, на Золотой неделе она буйствовала в одном нижнем белье... если сравнивать, то это уж лучше, наверное. Память вернулась к Ханэкаве, но эти воспоминания навсегда стёрты из её мозга.

— Эм, кошка, повтори за мной. Вашему пономарю нашего пономаря не перепономарить, не перевыпономарить: наш пономарь вашего пономаря перепономарит, перевыпономарит.

— Вяшему понямарю няшего понямаря ня перепонямарить, ня перевыпонямарить: няш понямарь вяшего понямаря перепонямарит, перевыпонямарит.

— МИ-ЛО-ТА!

Заменял скакалку на кошкомоз.

Сообразительность на грани гениальности.

Нет.

— Следом я хотел бы спросить тебя.

— Следом мог бы поздороваться, ня, — шутливо проговорила Чёрная Ханэкава. — Я подумал, что могу помочь человеку, и решил прийти.

— Помочь?..

— Не пойми неправильно, человек, я уже не намерен драться с тобой. Я же пораньше уже говорил, ня?

— Пораньше?..

А... утром?

Пораньше это полдня назад? Как всё у странностей со временем... Хотя в данном случае следует учесть, что кошачий интеллект не рассчитан на идею времени.

К тому же.

— Говорил?..

— А, няверное не сказал. Ну и ладно, нян. Сейчас же сказал. В общем, драться я сейчас не буду, напряжения особого нет.

— ...

Можно ли... поверить?

Если вспомнить прошлый раз, то верить никак нельзя... Однако если подумать проще, то как-то тупо искать тайный смысл в словах этой кошки.

Если не намерена, значит, и не намерена?

Да и вообще...

Если пришла помочь, то и правда пришла помочь.

— Но почему. Ты стресс Ханэкавы... вроде бы так? Ты вторая личность Ханэкавы и появляешься, чтобы снять стресс...

Это было начало кошмара.

Напала на родителей и на безвинных прохожих — эта кошка вышла из себя. Дикая дерзость. В плане увечий это не достигло ада весенних каникул, но в плане ужаса вредокошка превзошла даже вампира. Подросток, получивший большое потрясение, пробирается ночью в школу и избивает людей без разбору — занятный способ снятия стресса.

— Поэтому и не пойми неправильно, я благодарен тебе, ня. Всего за девять дней я убрал стресс хозяйки, накопившийся за год, ня...

А-а...

Можно и так посмотреть?

Да, с точки зрения вредокошки — ей нужно рассеять стресс Ханэкавы — возможно, это самый простой способ или *самый эффективный*.

Странности до конца рациональны.

— Ясно... для тебя удобнее найти Шинобу поскорее. Значит, наши интересы совпадают...

— Именно так, нян.

— Хорошо...

Я согласился.

Сомнения никуда не делись, но нечего время попусту растрчивать.

— Если так, то я приму руку помощи.

— Няхаха. Кто бы мог подумать, что ты попросишь руки у кошки, ня?!

— !..

Моя Ханэкава такие глупые шутечки бы не отпускала...

Но это глубинная личность Ханэкавы.

Довольно прискорбная.

— Ну, не руку, а скорее нюх и слух. Ты сразу же должна почуять запах и услышать голос. Можно преследовать легко.

— Хм-м. Понял.

— Тогда, пойдём, если заметишь что, то говори...

Я сел на велосипед.

На багажнике Чёрная Ханэкава.

Про отсутствие злых мыслей это, наверное, ложь. Или не наверное. Ещё свежо ощущение, как мы ехали вдвоём с Ханэкавой на велосипеде этим утром. Однако, как говорится, получил за это мгновенную карму.

— Гх!..

Я судорожно скатился с велосипеда. Велосипед с грохотом рухнул следом. Только один человек, нет, одно животное — Чёрная Ханэкава — ловко подпрыгнуло, сделало в воздухе сальто и без проблем приземлилось.

Чего стоило ожидать от кошки.

Но сейчас не до восхищений.

— М-м? Что такое, ня, человек?

— А, кх... а...

Вредокошка — трогокошка.

Отличительная особенность монстрокошки это, если по-модному, энеджерджидрейн. В этом плане она близка к дзю-рэй, суккубу или маньяку. Похотливая кошка. *Странность, истощающая людей, — у человека, коснувшегося этой странности, не остаётся ни сил, ни энергии.* Смертельных исходов ещё не было, но на Золотой неделе кое-кто отправился в больницу.

Двое.

Родители Ханэкавы.

Ну, через три дня их выписали.

И такая вот странность обхватила меня со всей своей дури с багажника... всего на мгновение, да и к тому же можно было в некоторой степени перетерпеть, сейчас же Чёрная Ханэкава одета в пижаму, в отличие от случая Золотой недели — энергетический вампиризм не пошёл в тот же момент, однако одежда довольно тонкая... жёстко бы получил. Так необходимая мне сейчас энергия улетела бы в одну секунду.

Энергетический вампиризм.

Однако на это лишь один ответ.

Без сожалений сваливаю!

— ...

Только я почувствовал серьёзное недопонимание... я ничего не опасюсь, однако у Сендзёгахары интуиция хорошая...

Лучше перебдеть, чем недобдеть

— А, понял. Человек, ты забился в экстазе от груди моей хозяйки, ня?!

— Я, может, и глуповат, но не так, как ты...

Она сама не понимает своих способностей?

Энергетический вампиризм вредокошки активируется при прямом контакте, так что от намерений самой кошки это не зависит...

— Ну, человек, раз ты так желаешь, то выполни мои условия, и я дам тебе пожать свою грудь, ня.

— Не разбазаривай целомудрие своей хозяйки, похотливая кошка.

— Один раз за одну рыбку.

— Дёшево!

Так дёшево за целомудрие Цубасы Ханэкавы!

Если реально такая цена, я заключаю контракт на шестьдесят лет с предоплатой!

— Что же так. Тогда одну мататаби.... Нет, один пакет кошачьей еды!

— Сколько предметов не меняй, все равно одна штука остаётся! Или ты дальше одного считать не умеешь?!

Хм-м.

Странное чувство.

Сейчас мило болтаю с противником, с которым совсем недавно, на Золотой неделе, дрался не на жизнь, а на смерть...

Видимо, странность всё-таки зависит от того, как её тронешь.

Соответствие... такое?

— Что-то не нравится мне, что ты обзываешь меня... Если так, человек, то поборемся, кто глупее, нян!

— Не хочу я такого!

— Поборемся в сёги!

— Если дурак с дураком сразится в сёги, то это невиданный идиотизм!

Сёги.

Правила-то все знают, но игра больно сложная, здесь у нас вероятней в бейсбол сыграть.

— М-м. Тогда как тебе такое, ня? Секундомером сыграем, выиграет тот, кто останявился на секунду раньше, ня!

— Просто-о!

Вообще.

Ум так не измерить.

Я поднял велосипед... как и ожидалось велосипед почти не пострадал, только корзинка немного погнулась.

— Тогда я припаркую где-нибудь велик, и мы пешком продолжим искать, вроде, неплохо... скорость упадёт, но поиски будут тщательней.

— Ня.

— В темноте блондинку легче найти, но я потеряю остальное... буду надеяться.

— Нядейся, нян.

Я пошёл, толкая велосипед. Где-то сзади Чёрная Ханэкава... нет, она уже обогнала меня и шла впереди, словно ведущий. Действительно глупая кошка... наверное, инстинкт такой, обгонять то, что впереди.

Истории о призраках неотделимы от кошек.

В этом плане монстрокошка, можно сказать, самая понятная странность — помимо вампиров это безусловно самая главная странность, которую я встречал. Ну, монстрокошка это конечно, но именно имя «вредокот» я не знал до Золотой недели.

Хм-м, но как это... идти рядом с Чёрной Ханэкавой, одетой в пижаму, как на это объективно посмотреть... Старшеклассник гуляет в компании юной девы с кошачьими ушками... как это вообще со стороны выглядит? Никто и не подумает, что кошачьи ушки настоящие, да и

пижама уже на порядок лучше, чем просто нижнее белье... когда вернёмся в развалины, наверное, лучше будет надеть на неё жакет с фуражкой.

Однако животных в принципе непосильная задача одеть, не только кошек... чудо, что она и пижаму-то с себя не стянула...

Ох, ну ладно.

Сейчас и без того есть о чем волноваться.

Уже ходят слухи, что я гуляю держась за руки со школьной звездой, Камбару Суругой, теперь же поползут рассказы о том, что я хожу с красавицей в некомики, разница невелика. Если и есть некоторые оправдания, когда я пересекаюсь с Сэнгоку или даже с Хачикудзи и Камбару, но такое уже слишком. Сейчас найти Шинобу — главный приоритет.

Честь Ханэкавы меня волнует, но пижама, по крайней мере, на более-менее приличном уровне, а отсутствие очков и другая причёска, более того, волосы с чёрного сменили цвет на белый, никто б и не подумал, что это Ханэкава, если бы не знал, что это она. Даже от краски цвет настолько не изменяется. И выражение лица совершенно другое... Даже я, когда увидел Чёрную Ханэкаву на Золотой неделе впервые, не узнал, кто это. Почти низменная часть, хотя нет, Ханэкава моя спасительница, и я смог разглядеть её саму.

Это тоже Ханэкава Цубаса.

Ещё одна Ханэкава.

Обратная сторона того же человека.

— Эй, человек, — позвала спереди Чёрная Ханэкава. — Что мне нужно делать-то, нян?

— ...

Кошачьи мозги...

Как на тебя рассчитывать-то...

Куда бы я ни пошёл, везде книжный магазин — самый большой книжный в нашем городе, в который я недавно ходил с Ханэкавой за справочниками. Он ещё открыт... Мне немного жаль, что я ничего не покупаю, а просто паркую велосипед, но ничего не поделаешь. Оставил велосипед здесь.

А затем отправился дальше.

Никаких следов Шинобу.

Вообще, я могу понять, что нюх кошки острее, чем у человека, но, если перевести в цифры, сколько это будет?... Наверняка меньше, чем у собак.

— Эй, человек.

— Чего, монстрокошка?

— После моей драки с тобой, случилось же много всего? *У нас.*

— Ты что, Ошино расспрашивала?

Он там беседы с ней вёл?

С ней, вот с ней?

Поболтал?

— А, краб, улитка, обезьяна и змея.

— Нуэ³, ня!

— Сходится только обезьяна и змея... куда краба с улиткой дела? Не выдумывай тут всякого.

Портит образ Ханэкавы.

Выказывай хоть часть её интеллекта.

— И я — демон.

— Хм. Ня, — проговорила Чёрна Ханэкава. — Человек, вы зовёте *няс* странностью... Что это знячит?

— Что значит...

Всё-таки ночное животное, ночью, наверное, история будет понятной... В прошлый раз было такое же, но в конце концов основа не изменилась.

В чём её вопрос?

Как-то неоднозначно.

— Если ты, человек, намерен привыкнуть к нам, то думаю, тебе нужно кусить меня. Странность это странность, а человек — человек, ня. Они не должны быть вместе, ня. Они несовместимы, ня.

— Не очень... понял. Что ты хочешь этим сказать?

— Не понимаешь потому что глупый, ня.

— От тебя это слышать куда хуже!

— Пф. Это буквально ранит как... ня? Хм, как что же, ня?

— Если ничего не придумала, то и не болтай! В мире нет ничего более жалкого, чем человек, который не умеет хорошо говорить, пытается высказаться!

Диалог застопорился.

Да и о чём она говорит-то?

— В общем, можно ли привыкнуть к странностям? Ну, такое я живо чувствую... каждое чувствуется опасным... невыносимо. Как у Ошино, ня?

Ошино Мэмэ.

Специалист, авторитет в чудовищных явлениях.

Если подумать, то это странно. Как он ступил на этот путь? Я же ничего не знаю о прошлом Ошино. Вроде бы, говорил, что учился в синтоистском университете... но я так и не понял, насколько у него там всё сложилось. Он вполне мог и солгать обо всём.

— Нет, я не это хочу сказать. Например, ты, человек, представляешь, почему этот вампир сбежал?

— Вообще нет...

— Да? То есть ты не понимаешь *няс*... значит, у этого парня в гавайке есть какая-то мысль на этот счёт. Потому что он понимает.

— Понимает...

— Понимает своё место, ня.

— ...

Если сунешься — обожжёшься.

Такое?

В моём случае я даже не руку сунул, а шею, так что управиться никак не в состоянии. Только как бы ни метали меня волны, ни за что не могу сказать, что привык к этому.

Тем более к Шинобу.

Легендарный вампир знатного происхождения.

— Ты от Ошино узнала обо мне и Шинобу? Хочешь сказать, понимаешь мою с ней связь?

— Такого не слышал, а может, и слышал, но уже забыл, ня. По крайней мере, разобрался, нян.

— Попонятней, эй.

— Большой частью понял, ох, «большой частью» это же можно сказать про грудь моей хозяйки, ня!

— ...

Не много ума в этой шутке...

Только вульгарность да пошлость.

— Странности понимают странности лучше других — *потому что мы одинаковые, ня.*

— Одинаковые...

Думаю, как странности они совершенно различны.

Как нелюди одинаковы, нет, не так.

— Как странности одинаковы.

— Сложно не говорю, я все равно сложно не скажу, ня. Зная, человек, само слово «странность» должно всё отражать, ня, — проговорила Чёрная Ханэкава. — Странности *странные, ня. Отличаются от людей,* поэтому мы можем привыкнуть. Тогда они уже перестают быть странными. В нас должны верить, нас должны бояться, пугаться, сторониться, почитать, уважать, ненавидеть, избегать, поэтому мы и существуем.

— ...

— Привыкнуть невозможно.

«Если сдружишься, заведёшь проблем», — добавила Чёрная Ханэкава.

Словно какое-то предупреждение. Однако так и есть... поскольку половина моего тела превращена в странность, граница здесь несколько размыта. Слишком думать об этом проблемно, но и не думать об этом совсем тоже.

О Шинобу.

Можно ли относиться к ней, как к обычному ребёнку?

Я и сам не замечаю.

Что не называю её «человеком».

Однако правильно ли это?

— Э... но погоди немного... и всё из-за этого, да?

— Ня?

— *Потому что я так признал Шинобу, поэтому Шинобу исчезла как странность?*

Вампир.

Однако лишь псевдовампир.

Вопрос идентификации.

Как ни странно Ошино сказал: «Ушла на поиски себя».

Сейчас Шинобу не может определиться?

Сама не знает, кто она.

— Может, да, а может, и нет. Так хорошо я не зняю — мы одинаковые, но и разные тоже, ня. Но, человек, лучше тебе помнить об этом... не думаешь?

— Ты же забыла, нет?

— А да, вспомнил. Человек, *мы* находимся здесь свободно, но когда уже думаешь, что мы здесь свободно, то становимся обычной реальностью.

Демон — обычная аномалия крови.

Кошка — обычное раздвоение личности.

Краб — обычная болезнь.

Улитка — обычный потерявшийся ребёнок.

Обезьяна — обычный псих-маньяк.

Змея — обычные колики.

Странности — обычная реальность.

— В конце концов в мире, где властвует наука, нет места странностям, и вот это ты хотела сказать?

— Нет. *Такая форма непозволительна*, мы есть всегда и везде, нян. Пока существуете вы, люди.

— Выходит, вы ходите вместе с людьми?

— Имення.

Именно.

Вредокошка.

— Одняко запаха никакого, ня.

— М-м? А, запах Шинобу... никаких следов?

— Запах особый, так что я его сразу узню... Эй, человек, а этот вампир действительно ушёл?

— Хм... думаю, это точно. По крайней мере, один раз её видели.

— Ясня. Притворилась, будто ушла, и прячется где-нибудь в развалинах, няверное?..

— Довольно хитро... я о таком не думал.

— Один раз вышла, но потом вернулась в то здание? Там всё пропитано запахом этого вампира, так что можно затеряться, ня.

— Ошино тогда бы заметил...

Затеряться?

Сейчас что-то пришло на ум... только что? Не знаю... Ой-ёй, мы ж с монстрокошкой поспорили. Реально поборолись, кто глупее.

У меня тут, похоже, кошачьи мозги.

Ну-у.

— А, ладно, тогда продолжим с того, что после того, как Шинобу заметили, она продолжила идти. С курса мы сбились, но Мистер донатс... нужно пойти за запахом Шинобу оттуда.

— Хм-м. Не хочу гоняться за запахом, запах ничего не скажет, если честно, ня.

— Вот как?

— По правде говоря, я, когда вышел из того здания, с самого начала следовал за запахом этого вампира, ня... так что, думаю, она уже ушла от этого Мистер донатс, ня.

— Чего? Раньше-то не могла сказать?

Тогда нужно сменить курс? Если использовать метод поиска по запаху, то бессмысленно ходить по местам, где уже был.

— Прости, забыл, ня.

— ...

Я остро чувствовал необходимость ходить по тому же курсу снова и снова.

— Но... запах на середине пути оборвался, ня.

— Оборвался.

— Дальше некуда идти... Так что, человек, у меня вопрос, ня. Нясколько этот вампир сейчас имеет силы вампира? Если она может появляться и исчезать, становиться тенью и тьмой, то я не смогу найти её, нян.

— Думаю, она практически не может использовать силы вампира. Сейчас она большей частью ограничена, если что-то и может, то только когда я рядом. В начале недели я давал ей свою кровь, так что кое-что она всё-таки может, но если меня нет рядом, она обычный...

Обычный ребёнок.

Не странность.

Реальность.

Но если такое понимание ошибочно?

— Хм-м. Тогда... — пробормотала Чёрная Ханэкава.

Похоже, безрезультатно раздумывает.

— Но если так подумать...

— Что такое? Не думай одна. У людей же как говорят? Одна голова хорошо, а две лучше...

— Оу. А у кого две головы, ня?

— ...

У кого?

Кто его знает.

— Да и нас здесь не двое.

— Ну, такое.

— *Один человек и одно животное*, ня, — сказала Чёрная Ханэкава.

Не двое, а один человек и одно животное.

И не потому что не умеет считать дальше одного.

— Ладно, человек. Я думаю, этого вампира обычным способом, няверное, не найдёшь, нян.

— Думаешь, вышла из города? Недавно ты говорила обратное, но чтобы она ушла так далеко от меня...

Не может не быть рядом.

Если она так делает, то уже не сможет существовать.

— Вампир — значит, пьёт кровь.

— А?

— Вампиры пьют кровь людей, одняко можно пить как еду, а можно пить, чтобы сделать товарищем, разный нюанс, ня.

— ...

Я это знаю.

Слышал на весенних каникулах, но откуда эта кошка знает? Мозги кошачьи... а, да, мозги и знания это разные вещи. У Ханэкавы и Чёрной Ханэкавы разный интеллект, но знания до некоторой степени общие.

— Поэтому я и говорю, что, няверное, может убежать...

— А? В смысле?

— Болван, нян.

Чёрная Ханэкава в шоке.

— Чего это болван?

— Тугодум, ня.

— Ну, до меня не сразу доходит, да...

— Горшочек не варит, ня.

— Всё у меня с горшком нормально.

— Этот вампир познякомился с тобой на весенних каникулах, а дальше без перерыва ты встретил няс, не сказал бы, что чувства это вызывало приятные, ня.

— Имеешь ввиду, что по отношению разных странностей, включая и тебя, её особенности спали? И поэтому больше не может там оставаться...

— Болван, ня, — повторила Чёрная Ханэкава.

Болван... какое дурацкое слово.

— Животные, когда готовятся умирать, уходят от людей. Вампир так же, ня?

— Типун тебе на язык.

— У странностей типунов ня бывает, ня. Одняко, если ты так и не найдёшь вампира, то как поступишь, ня?

— Как поступлю... это проблема. Ханэкаву не вернуть.

— Проблема, но только ли это? Если исключить мою хозяйку, разве для тебя не лучше, чтобы этого вампира не было?

— ?..

Что это она говорит?

Не очень понимаю.

— Ты пахнешь вампиром, значит она ещё жива, так, нян? Давал пить кровь, ты, вроде, так сказал? То есть если вампир исчезнет, то ты снова станешь обычным человеком, ня.

Демон — к обычному человеку.

Вернётся.

Если оставлю Шинобу.

— Я так не могу. Я не могу оставить её. Я...

Если Ханэкава моя спасительница.

То Шинобу моя жертва.

— Ей я не могу жаловаться. Этого достаточно.

— Разве ты не будешь жалеть о пропавшем бессмертии?

— Это другое, — сказал я. — Если она завтра умрёт, то и моя жизнь протянется только до завтра.

— Хм. Понятня.

«У вас связь, ня», — проговорила Чёрная Ханэкава.

Ну, так и есть, только она лишь с моей стороны. Думаю, Шинобу это раздражает.

А может, поэтому...

Поэтому Шинобу ушла.

— Только, кошка, твоё предположение не имеет оснований. И не стоит забывать про твою хозяйку. Прости, конечно, но нужно тебя запечатать обратно, я не хочу повторения Золотой недели.

— Ясно. Одняко, человек, разве это невозможно? Да и меня можно запечатать без вампира, ня.

— Можно?..

Как?..

Надеюсь, это быстро.

Максимум десять дней, будет хорошо, если всё уляжется как в прошлый раз в девять дней в наихудшем случае.

— Так же, как и на Золотой неделе, ня. Я воплощение стресса хозяйки, то есть если убрать источник стресса, то исчезну и я, ня.

— Хм-м...

В прошлый раз, когда вредокошка отправила родителей Ханэкавы в больницу, то на некоторое время сознание вернулось к Ханэкаве, выходит, достаточная часть её стресса была снята. В конце концов, если накопившийся стресс не рассеять, то Чёрная Ханэкава в скором времени снова вернётся...

Источник стресса, значит.

— Ошино, наверное, тоже так подумал... Но сейчас некогда определять источник стресса. На этот раз это, должно быть, уже не семья...

— Нужно определять, ня? Я же знаю, нян.

— А, точно.

Затупил.

Если она воплощение стресса Ханэкавы, то должна знать и форму стресса, и стрессора даже лучше самой Ханэкавы. Поэтому она сперва и напала на родителей Ханэкавы...

— Нет, кошка, проблемы на этом ещё не кончились. Даже если ты объяснишь мне стрессора, я не в состоянии его устранить. Это же прежде всего проблема самой Ханэкавы...

Другой человек не может решать чужие проблемы.

Я и с родителями Ханэкавы ничего не могу сделать.

И с любой другой проблемой.

— Да что может быть этим стрессором... Ну, наверное, то, что волнует. Наверное, будущее? Когда мы в книжном говорили о будущем, у Ханэкавы заболела голова, похоже, она внутри всё для себя решила...

— Это не будущее.

— Да?

— Да и думаю, этот стресс ты легко можешь рассеять сам.

— Легко?

— Легко, нян.

— Ханэкаву тревожат простые вещи? Нет, что тут лёгкого может быть... Но, кошка, что *ты* имеешь под этим ввиду?

Если смогу я, то сможет любой другой.

Однако может ли что-то такое волновать Ханэкаву? То, что могу я, Ханэкава должна мочь и сама...

Я вдруг посмотрел на наручные часы.

Время всё идёт.

Сендзёгахара уже наверняка вернулась домой, однако она, вроде бы, говорила, что ещё и дома продолжит работу. Если так подумать, то только Сендзёгахара из всего нашего класса и сможет подхватить дела Ханэкавы... Даже с ушками на голове Ханэкава не ошиблась в своём выборе...

В выборе.

Однако, выходит, что во мне, как в заместителе старосты класса, она ошиблась... и из-за этого нагрузка на неё только удвоилась. Ну и когда нагрузка стала десятикратной...

— Нет, человек. Моя хозяйка...

Чёрная Ханэкава чуть замялась.

— Она любит тебя, нян.

— Э?..

— Поэтому, когда ты с моей хозяйкой заведёшь отношения, думаю, я уйду обратно... ня? Что такое?

— Да нет...

Ноги непроизвольно замерли.

И мысли тоже.

Что это такое?

— Это шутка такая? Не сказать, что я не понимаю... но всё-таки какая-то злая шутка. Знаешь, бывает нужная ложь и лишняя...

— Не валяй дурака, человек. Зачем мне лгать?

— ...

Ну такое.

Если честно, сложилось впечатление, что враньё Ханэкава не любит (думаю, сама мысль о лжи ей неприятна), так что вредокошка не должна обладать умением врать. Ханэкава как-то говорила, что никогда не лжёт, но теперь и обратно работает.

Вредокошка никогда не лжёт.

Выходит...

— Н-но... кошка, если это не ложь, то ты просто не так поняла. Не может быть такого.

— Почему ты так думаешь, ня? Я не могу неправильно понять свою хозяйку, нян. Любого, кроме неё, ня.

— Ханэкава...

Добра ко всем без разбору.

Сочувствует такому бесполезному человеку.

Потому что я...

К тому же, весенние каникулы.

— Тебе известно только то, что касается стресса? Ну, знания у вас общие, но должно же быть то, что нельзя вытащить. Невозможно, чтобы Ханэкава...

Нет.

Но когда-то она обманула Сендзёгахару, получается. В то время Сендзёгахара представляла собой смесь самозащиты и опасности, значит, была какая-то причина для такого обмана?

— Так что вот, — проговорила Чёрная Ханэкава тоном словно показывала, как работать с компьютером глупенькому ребёнку. — *И вот в чём стресс* — хозяйка любит тебя, но ты встречаешься с другой, ня? И открыто это показываешь.

— ...

Уже месяц головная боль.

Так сказала.

Примерно месяц назад, да, был День матери.

День, когда я и Сендзёгахара начали встречаться, и Ханэкава узнала это в тот же день...

Староста — не могла не узнать.

Она знает всё.

— Но Ханэкава так себя вела... Поддерживала меня и Сендзёгахару, давала советы...

— *Именно поэтому* стресс так быстро накопился, ня. По-твоему, моя хозяйка может украсть чужую любовь? Справедливость, невинность, ценить согласие больше всего остального — для неё нормальня приносить себя в жертву другим, ня. Даже помыслить о чём-то таком не смела.

Любовь легко завоевать...

Однако.

Не все люди способны на это.

И такой человек давал мне советы и поддерживал? Тогда с Камбару, да и в книжном мы говорили скорее не о будущем, а о Сендзёгахаре — о выборе университета ради неё...

Не знал, что головная боль осталась...

И становилась всё серьёзней.

— ...

Паршиво.

Что же я натворил?..

Но я не мог заметить... Ханэкава такая... Если она со всей серьёзностью скрывает свои чувства, то тут даже Сендзёгахара их не уловит.

Но.

Это я толстокожий?

Тогда и будущее... естественно, под влиянием Ошино, но возможно, это путешествие от неразделённой любви Ханэкавы Цубасы — тогда Ханэкава и почувствовала головную боль, после разговора о будущем.

И ещё.

Когда она закрыла глаза, и её губы...

— И как давно?

— С весенних каникул. Раньше, чем я появился, так что тонкостей не зняю, но хозяйка жила в постоянном напряжении, и история с вампиром и человеком, похоже, имела достаточно силы, чтобы пошатнуть её позицию.

— Пошатнуть...

Вот что.

Я тогда раз за разом...

— Одняка сомневаюсь, что никаких признаков не было, нян. Это хозяйка исполнила практически идеально, но в любви она давала слабину, ня. Тебе не показалось странным? Серьёзная и упорная староста выбирает ня место заместителя тебя, ня. Если сказать проще, это выбор неправильный.

— А... нет же.

Ошибка в выборе.

Но на это была причина.

— Твёрдо поверила, что ты хулиган, и решила исправить? Не кажется, что причина какая-то нядуманная?

— Ну...

Тогда в начале апреля Ханэкава предложила меня и едва ли не силком назначила на место заместителя старосты, этот выбор вызвал немало возражений в классе. Это непосредственно меня касалось, потому я об этом не думал и проглотил слова Ханэкавы о том, что вырасту как человек, если займу ответственную должность. Однако использование грубой силы авторитета сама Ханэкава не любит больше всего...

— Тогда почему?

— Просто потому что хотела быть рядом с тобой хоть немного. Вместе готовить последний для вас культурный фестиваль как староста и замстаросты, ну, такое вот поведение продолжалось до прошлого месяца, ня. И тут любовь, которую хозяйка собирала по крупичам, оборвалась. Няхаха, нужно говорить, что тогда произошло, ня?

— ...

Тогда Ханэкава была довольна.

Думаю так.

Но это ложь.

«Никогда не лгу» — неправда.

Ты солгала, Ханэкава Цубаса!..

— Если честно, думаю, хозяйка была небрежна. Хозяйка не ожидала появления соперницы, ня. Если б она зняла, что *ты добр ко всем* так же, как к ней ня Золотой неделе, если бы она только подумала, что появится человек, которого ты спасёшь так же, как и её, то моя мудрая хозяйка сразу бы предприняла необходимые меры, нян. Та девушка, с которой ты сейчас встречаешься, она словно электрический разряд, да, ня?

— Определённо...

Сендзёгахара не колеблется.

Если решила, то тут же исполнит.

И как правило категоричными методами.

— Девушка, которая выросла в семье без любви. Шокирующая встреча на весенних каникулах, и её одноклассник оказывается необычным существом. Она почувствовала, что это судьба. Нячала потихоньку расти любовь. А затем ты спас ей жизнь, и любовь обрела уверенность. Такое. Няхахаха, будь это сёдзё-манга, то хозяйка была бы главной героиней, и тут её ловко или даже грубо лишили её счастья.

— Сендзёгахару не превзойти никакими упреждающими ударами, даже опоздание к старту не станет для неё помехой.

Возможно...

Сендзёгахара заметила эти признаки в Ханэкаве, и потому в этот День матери форсировала события с такой, можно даже сказать, поспешностью. Это несколько объясняет, почему Сендзёгахара держится в странном отдалении от Ханэкавы. Но.

Сендзёгахара от этого плохой не становится.

Кто успел, тот и съел.

— Ну, уже поздно обсуждать, как там, ня. Хозяйка выглядит так, словно ей некого терять, но вдруг её чистая любовь подстать сёдзё-манге вдруг стала запретной. Лишь запретная и тайная любовь... в конце концов её нячало гложить чувство вины, ня.

— Она же такая серьёзная.

Тут нельзя приравнять к истории о безумной любви, как в случае Сэнгоку. Она не человек, который может так легко принять что-то. Для себя она не человек, который способен на уступки и компромиссы.

— Она жалела, что сама не призналась раньше. И думать, что тут не действует принцип «кто успел, тот и съел», ничтожно, смешно и просто глупо, ня...

Но.

Даже так не бросила всё.

Давала советы и помогала.

Вот как?

Когда поддерживала и давала советы, она говорила про себя...

Естественно, лично мнение на тонкости отношений парней и девушек.

Если она сама влюблена, то понимала чувства Сендзёгахары как никто другой.

— Ну и с этой стороны ты ня Золотой неделе стал спусковым крючком стресса хозяйки, ня. Няверное, она не хотела, чтобы ты знял, ня.

— Тогда....

Быть рядом в нужное время, какой там.

Я тогда только мешался и был совершенно не нужен.

— Ты как дурак не замечал ни раздора, ни доброты моей хозяйки, и её стресс всё копился и копился, и так продолжалось месяц, ня.

— Нет, кошка, погоди. Разве это не странно? Конечно, я источник стресса...

Был не только спусковым крючком Золотой недели, но и пулей попавшей в Ханэкаву.

— Но ты же не появилась? Значит, я только часть, другого мощного стрессора...

— Нет. Только ты один, ня, — твёрдо заявила Чёрная Ханэкава. — По крайней мере, семья на Золотой неделе для хозяйки как-то решилась. Няверное, ты не зняешь.

— Но если так, то тем более странно. Ты воплощение стресса, накопленного из-за семьи, так? А тут всего несколько месяцев любви.

— Всего?

Глаза кошки таинственно сверкнули.

Даже не пыталась скрыть возмущения.

— По-твоему боль, накопленная в семье десятками лет, обязательно сильнее страданий любви за несколько месяцев, ня?

«Но, как ты понимаешь, я не могу назвать ту мою жизнь счастливой... Поэтому знакомство с тобой можно полностью простить и не возмущаться».

«Если ты заметил меня из-за моего несчастья, то думаю, это хорошо».

Так сказала Сендзёгахара.

Но...

Правда ли всё так?..

— Странно ты как-то выглядишь, человек... Разве ты всерьёз любишь ту, ня?

— Чт!..

— Та девушка, с которой ты сейчас встречаешься, разве она тебя не просто вынудила? Если так, то расстанься с ней и няни встречаться с моей хозяйкой, нян. Я исчезну. Тебе же любая подойдёт?

— ...

Слова просто ужасны — явная провокация, и, наверное, молчать не стоило. На самом деле не будь это Ханэкава Цубаса, то так и сделал бы.

Но это сказала Ханэкава.

Как на неё сердиться.

— Но я не могу, кошка.

— А-а? Почему, ня? Разве ты не считаешь мою хозяйку своей спасительницей? Разве таким образом ты не отдашь ей долг? Что важнее, благодарность или любовь?

— Если я сделаю это, то это припишется к благодарности. Ханэкава такого не допустит. Нет, не так. Это просто удобная отговорка. Если просто, то я не могу солгать из-за своих чувств с Сендзёгахаре. Если и совру, то Ханэкава тут же всё поймёт.

Я не умею врать и скрывать что-то.

Тонок и слаб.

Обманывать Ханэкаву я не хочу и не могу, конечно, если бы и мог, то ни за что не захотел бы, так что не могу.

— Это не то дело, с которым можно просто смириться. Тут ничего не сделать, разве нет? Я и Ханэкава встречаться...

— Вот ка-ак? Ня самом деле, когда я тебе рассказал о чувствах хозяйки, я стал истончаться, стресс немного спадает, нян. Вовсе не знячит, что хозяйка сейчас где-то на глубине, ня. *Как я был ня дне созняния*. Ты не можешь всё проделать без затей? Сначала, может, будет больно, а потом, няверное, и привыкнешь, нян.

— Привыкну, говоришь. Если б всё было так просто, то, думаешь, это бы волновало Ханэкаву настолько, что даже ты появилась? Она не из тех людей, которые ставят себя на первое место, расталкивая других. Не ставит себя выше других. Это Ханэкава, так что я чувствую благодарность. Если б это произошло до Дня матери, то я бы, наверное, ответил. Конечно, я не ненавижу Ханэкаву. Но теперь уже поздно. Я твёрд в своих чувствах к Сендзёгахаре. Ты спрашивала, что важнее, благодарность или любовь, но я не могу выбрать что-то одно. Это неразрешимо. Поэтому я не могу выбрать Ханэкаву.

Хачикудзи спросила: «Из них двоих разве любой не выбрал бы Ханэкаву-сан? Удивляюсь, почему ты, Арараги-сан, начал встречаться с Сендзёгахарой-сан, а не с Ханэкавой-сан».

Почему.

Если и спросишь...

— Я люблю Сендзёгахару и её характер.

Всё так.

Да.

Всю её люблю.

Нет того, что бы не нравилось.

— Впервые в жизни я серьёзно полюбил кого-то.

— Хм-м. Вот как, ня.

Легко отступила Чёрная Ханэкава.

Словно с самого начала знала мой ответ.

Наверняка — она же Ханэкава.

И всё видит насквозь.

Знает всё.

Нет, не всё.

Только то, что знает.

— И да, кошка, если и боль, накопленная десятками лет в семье, и сравнима со страданиями любви за несколько месяцев... Но тем не менее Ханэкава должна была сдерживать тебя. Должна во что бы то ни стало терпеть головную боль. Не только сейчас, на Золотой неделе тоже, полагаться на тебя — это слабость Ханэкавы.

Если и не тонкая, но слабая.

Даже если результат не тот, которого хотела.

Слабость полагаться на другого — это преступление.

— Всё, что ты мне сейчас говорила, это должна была сказать мне Ханэкава, а не ты. Она просто скинула тебе все трудности.

Во время змеи Сэнгоку.

Я так же поступил с Камбару.

Отложил горькое решение — положился на другого.

Это просто игнорирование сложностей.

— Вредокошка — странность. Но эта странность появилась из-за слабости Ханэкавы. Даже если не отдала, потому что хотела, но отдать тебе — это желание Ханэкавы. Конечно... у неё есть на то причины. К тому же, в этом деле тебе передана немалая часть ответственности, и не мне это говорить, но есть люди, которые живут при похожих обстоятельствах сами, не полагаясь на странности. Ханэкава просто оскорбляет этих людей, полагаясь *на такую, как ты*.

— Вот как ты говоришь, — усмехнулась, словно подтрунивая надо мной, Чёрная Ханэкава.

— Ну, ты-то можешь мне такое сказать, думаю, это нормально. Ты ведь добряк, который *спас умирающего вампира, принеся себя в жертву*, ня.

— ...

— Быть добрым ко всем это знячит, не выделять кого-то, моя хозяйка тоже была добра ко всем, я зняю. Хм. Ну тогда ничего не поделать, ня. Изменить чувства людей я не могу, ня, в прошлый раз хорошо няучился. Получил урок, нян.

— Вот и отлично.

Значит, остаётся только искать Шинобу.

Тут простого способа не найти.

— Но... всё-таки так же с Ханэкавой. Наверное, немного переборщил с упрёками...

— А? Что ты говоришь?

— Нет, я просто... я же, хоть и псевдо, но вампир, так? А особенность вампиров — очаровывать... Поэтому после весенних каникул я стал так популярен у девушек. Мне это Ханэкава говорила, так что ты должна знать.

— Если у нас одни зняния, это не знячит, что и память одна. Я зняю лишь то, что связано со стрессом.

— А, точно.

Но когда я встретил Ханэкаву, я был вампиром. Более того, до того, как вернулся в человека, когда был истинным вампиром — нынешний эффект очарования и рядом не стоял с тем. И Ханэкава, должно быть, полностью попала под этот эффект.

— Ханэкава серьёзный человек, и потому, если задумать об этом всём, то, думаю, она стопроцентная жертва...

— ...

— Что такое? Ты вдруг замолчала.

— Нет, это не так, — сказала Чёрная Ханэкава. — Конечно, очарование вампиров это правда, но среди вампиров его могут использовать далеко не все, ня. И ложные вампиры, которые раньше были людьми, не могут использовать очарование, ня.

— Э... Но...

— Вообще, очарование это не такая удобная способность, как показывается в манге, нян. Когда используешь эту способность, сознание жертвы подавляется, ня. Получается обычная марионетка.

— Марионетка. Не пленник?

— Ну смотри, человек, девушки вокруг тебя полностью повинуются твоим словам? Никогда не спорят, всё выполняют, как ты сказал?

— ...

Такого нет.

Совершенно.

Даже для самой послушной Сэнгоку пришлось приложить невероятные усилия, чтобы она передала мне спортивные трусы и купальник у школьных ворот.

Но она это говорит со знаниями Ханэкавы?

Всё-таки я от Ханэкавы...

...слышал.

Ах... вот оно что.

Соврала?

Никогда не врёт.

Если так, то и Сендзёгахара, конечно, и Ханэкава тоже.

Но не думаю, что это со зла, теперь это кажется если даже не криком отчаяния — Ханэкава Цубаса желала, чтобы это было так. Тогда её стресс сможет немного успокоиться, сможет что-то сделать.

Но ничего не могла сделать.

— Чувства людей не изменить, ня. Но я понял. И это не моя хозяйка, ня. Хм, я не умею врать, потому раскрыл всё, ня.

— Спихнула болезненную задачу... так и получилось.

Не хорошо.

Но сейчас я наоборот чувствую большое облегчение. Это всё не из-за силы странности, не из-за того, что вампир, а потому что я...

Арараги Коёми.

— Тогда я могу гордиться.

— А?

— Что Ханэкава полюбила меня...

Что это, если не честь.

Даже чувствую, что мою жизнь поддерживает лишь сей факт.

Но такое... что я могу сделать для Ханэкавы, чтобы отблагодарить её?..

— Ну, для начала, надо бы убрать тебя... проклятье, куда же Шинобу подевалась. И никто не звонит... Ох, стоп, я же не отпустил Сэнгоку...

Только как?

У неё же нет мобильного.

Чёрт, чтобы ей позвонить мне у нас куча телефонных автоматов, а чтобы мне позвонить ей ничего... И что делать? Она такая упрямая, если не найдёт, то сама ни за что не вернётся...

Камбару... может?

Ей на время остановить поиски Шинобу и пойти найти Сэнгоку... так? Ох, постоянно чуть что полагаюсь на неё... всё-таки мне с Камбару никак не поравняться. Эта кохай хороша во всём.

— Няй, человек, — позвала Чёрная Ханэкава, когда я уже достал мобильник.

Тон сейчас у неё какой-то другой.

— Ещё кое-что есть.

— Ещё?

— План убрать меня, не полагаясь на вампира, — самый быстрый, конечно, чтобы ты нячал встречаться с моей хозяйкой, но есть и второй быстрый метод.

— Сомневаюсь, что тебе придумалось что-то стоящее... Но послушаем. Какой метод?

— Отойди нямного, нян. До того фонаря.

— Сюда?

Я подчинился.

Многого от этого не ожидаю, но сейчас такая ситуация, каким бы ни был план, стоит попробовать. Но что будет, если я двинусь на несколько метров?

— А, ещё немного вперёд, ня. Здесь, прямо под тобой, нян.

— Подо мной?

Я, как обычно ничего не понимая, склонил голову набок и сделал ещё шаг вперёд.

Обхватили со спины.

Никакого звука шагов, ничего.

Движение кошки на охоте.

Обеими руками обхватила мой торс. Сабаори⁴, хотя нет, сабаори делается спереди, чтобы поставить на колени и ударить в живот...

А не для энергетического вампиризма.

Одним махом опустошён.

Одежда это уже неважно.

Две большие подушки тоже.

Всем телом ощущаю нарастающую слабость.

— К-кошка... ты...

Не хватает сил оглянуться. Я сейчас как и Хачикудзи этим утром, когда я делал с ней то же самое, не могу толком даже вскрикнуть.

И пальцем не пошевелить.

Однако оглядываться незачем — сзади меня обхватила Чёрная Ханэкава. Ей не нужно было сдвигать меня с места, просто когда я пошёл, то повернулся к ней спиной...

Отвлекла внимание.

Чтобы опустошить.

— Привыкать, говоришь? *Мы* и люди не совместимы, нян.

— Гх... у-у...

— Если буду любезничать со всякими людьми, мне не развеяться, похоже, этот вывод глупее твоего, ня, — с явным раздражением проговорила вредокошка.

Уже ничего не сделать. Даже если начнём сражаться, я не смогу победить вредокошку. Во мне осталось лишь побочное действие странности, я ничего не сделаю против полноценной странности. Более того, она сзади...

Дурак.

Полнейший дурачина.

— Н-но... что ты хочешь. Как сейчас такое высасывание меня стресс Ханэкавы...

— Поэтому ещё один план, ня. Второй самый быстрый, нян. Ну, для меня лучший, ня, — сказала Чёрная Ханэкава и провела языком по задней стороне шеи.

Провела языком, но ничего возбуждающего я не почувствовал — на языке кошек куча мелких крючков для срезки мяса. Шея разодрана, очевидно, брызнула кровь.

Отпив крови, монстрокошка засмеялась.

— *Если ты, источник стресса, сам стрессор, исчезнешь*, то я буду больше не нужен. Одного тебя опустошить достаточно. Я не могу изменить чувства человека, но я могу уничтожить человека.

— Э-это...

Энергетический вампиризм.

Если раньше смертельных исходов не было, это не значит, что она не может убить.
Лишившись всей энергии без остатка, человеку уже не выжить.

Но ты... Чёрная Ханэкава, делаешь такое, чтобы порадовать свою хозяйку.

— То, что я делаю, в памяти хозяйки ня остаётся, да? Она и не подумает, что сделала это сама, ня. Конечно, если тебя не станет, хозяйка загрустит, но ей будет лучше, чем сейчас, ня. Я чувствую, нян. Если высосу тебя, то сам нячинаю ослабевать.

— Р-разве на Золотой неделе ты не поняла, когда напала на родителей Ханэкавы... ничего не кончилось. Стресс это не так прос...

— Нет, моя ошибка тогда — я ня убил родителей хозяйки, ня. Плохо, что обратил внимание хозяйки, плохо, что не сделал их трупами, ня. Я няучился. Ня те же грабли не няступлю — убью няверняка.

— Убьешь...

Эти слова.

Такие слова из уст Ханэкавы... Но это другая сторона Ханэкавы, даже если говорит она.

Глубина и поверхность перевёрнуты.

И тогда.

Ханэкава, наверное, будет рада. Ханэкава не может желать такого — наверное, просто впечатление обычной иллюзии. А может, желаемый результат. Хотела, потому и скинула, может быть. Раз вредокошка недавно предложила начать встречаться с Ханэкавой даже солгав, то определённо это обратная сторона Ханэкавы.

И тогда.

— Ханэкава...

Тогда это хорошее средство.

Спасительница.

Если ради Ханэкавы, то что же делать.

Не можешь изменить чувства...

Лучше убить.

— Можешь радоваться — ты умрёшь в нежных объятиях моей хозяйки, ня. Вкуси няслаждения и иссыхай.

— ...

Тело уже практически ничего не чувствует, так что наслаждаться нечем — вообще только боль от того, что острые когти вонзились в мой живот, и ощущается — но тем не менее.

Если умереть ради Ханэкавы.

— ...

Нет, нельзя.

Нельзя.

У меня есть Сендзёгахара, так что ни за что не могу умереть от рук Ханэкавы. Если Ханэкава убьёт меня, даже если кто-то в её теле убьёт меня, то Сендзёгахара без колебаний убьёт Ханэкаву. Это не иллюзия и не внушение, она действительно сделает это. Я уже понял, Сендзёгахара не будет колебаться. Когда Ханэкава сделает это, то уже ничто её не спасёт. Сендзёгахара не даст ей время накопить стресс.

Поэтому нельзя.

Худшее средство.

— О-отпусти.

— А-а?

— Всё равно... отпусти.

Некогда объяснять. Вредокошка не знает Сендзёгахару — то есть знать-то знает, но знания Ханэкавы о Сендзёгахаре слабы. Без знаний моего уровня или хотя бы уровня Камбару не осознать всю опасность Сендзёгахары Хитаги... но пока можно всё детально объяснить, я трепыхаюсь словно лист бумаги на ветру.

— Молишь о пощаде, нян? Ну что ж, если сейчас будешь встречаться с моей хозяйкой, то отпущу, нян.

— Гх... я не могу...

— Няверное, ня, — проговорила Чёрная Ханэкава. И просто добавила: — Тогда ладно. Умри.

— ...

— Или может, попросишь о помощи кого-нибудь, ня? Может, того, кто до этого спас столько, кто-нибудь да спасёт, ня.

— Кто-нибудь...

Кто.

Хачикудзи? Сэнгоку? Камбару? Сендзёгахара?

— Спасти не могут.

— Не могут? Почему?

— Человек сам спасает себя...

— Разве это ты так думаешь? — спокойно спросила она. — Это просто слова, а не твои чувства. Обычное подражание не изменит ничего — вопрос в том, как ты чувствуешь, ня.

— Гх-гх...

— Человек сам спасает себя, но связано ли это со спасающим, ня? Сколько бы ты не спас, но здесь сам, — с мурлыканьем сказала кошка. — Думаешь, сколько тех, кто хотел бы спасти тебя? И ты от всех них отказываешься, ня?..

Ослабел.

Уже стоять не могу.

Меня поддерживали только обхватившие мой торс руки Чёрной Ханэкавы — я полностью повис на них.

Сознание расплывается.

Всё кончено.

Для меня всё кончено.

Я улыбнулся, но сил на это нет. Сил нет, но всё-таки улыбнулся.

Да.

Всё-таки... Будет грустно.

Ханэкаве... Сендзёгахаре.

Камбару, Сэнгоку.

И, наверное, даже Хачикудзи.

Если я умру.

— Спаси...

Я напряг голос.

Из последних сил проговорил.

— Спаси... Шинобу...

В этот момент.

Из моей тени выпрыгнула девочка.

Золотые волосы.

Авиашлем.

Миниатюрное тело, однако она в миг вырвала меня из объятий Ханэкавы. Затем одним ударом смела Чёрную Ханэкаву. Кошка не смогла развернуться и ударилась о фонарь на противоположной стороне дороги. Удар недостаточный, чтоб изогнуть фонарь, но достаточный, чтобы тот сильно затрясся.

А затем она приземлилась.

Выпрыгнувшая из тени Ошино Шинобу...

Приземлилась, взметнув свои золотистые волосы.

Шинобу.

Она... была там?

И точно, больше-то негде прятаться. Не может быть, чтобы мы, столько раз обыскав город не получили даже свидетелей — не может быть, чтобы даже нюх кошки не смог проследить её запах.

Поэтому.

Я должен был догадаться, что, конечно же, она проявила *какие-то* способности вампира, однако я был совершенно уверен, что Шинобу ограничена в своих способностях и не способна на такое.

Ошибся.

Пробел.

Разве не очевидно, что *рядом со мной она способна в какой-то мере проявлять свои способности*? Если так, то *достаточно притаиться рядом со мной*. Только и всего?

Психологически слепое пятно — это основа детективов.

Если хочешь спрятаться, прячься в самом видном месте.

К тому же, такое место довольно эффективно против нюха кошки — *запах Шинобу растворился в моём.*

Шинобу использовала...

Слабость моей тени.

Возможно днём или даже утром. Когда я уже начал искать Шинобу один, она нашла меня раньше. Ну и догадываюсь, это было около Мистер донатс? И так Шинобу укрылась в моей тени. Вампиры — изначально обитатели тьмы, так что, согласно старым рассказам, скрываться в тени их конёк. Сейчас же Шинобу может скрыться лишь в моей тени...

А.

Подо мной, да?

В смысле кошка сказала пойти под фонарь, и тогда тень оказалась подо мной... да, разница в силе вредокошки и человека очевидна, специально занимать время и нападать со спины не нужно. Просто план без всяких игр открыто напасть. И тогда...

Я взглянул на скрючившуюся под фонарём Чёрную Ханэкаву.

Она ухмыльнулась.

Но лишь на миг.

Шинобу, не давая ей передышки, в следующее же мгновение кинулась к вредокошке. Растягивая короткие ручки и ножки как можно дальше, девочка обвилась вокруг тела Чёрной Ханэкавы и *припала* к её горлу.

Та даже не успела ответить.

Её тут же опустошили.

Если энергетический вампиризм особенность вредокошки, то высасывание энергии ещё большая особенность вампиров. Глаз на глаз, зуб на зуб, странность к странности, вампиризм к вампиризму. Сейчас же из-за того, что Шинобу касается её, вредокошка высасывает из Шинобу энергию, но Шинобу высасывает из вредокошки ещё больше энергии.

Словно еду.

У вредокошки и вампира как странности различно положение.

У вредокошки и вампира как странности различно ядро.

Повторение сцены на Золотой неделе — всё точно так же. Тогда, пока её не загнали в угол, Чёрная Ханэкава принесла кучу проблем... сейчас же она не сопротивлялась.

Не сопротивлялась, потому что не было времени и потому что не было желания.

Защитную реакцию энергетического вампиризма не остановить, но сейчас вредокошка не собиралась сражаться с Шинобу. По силе, выносливости и ловкости с нынешней Шинобу (то есть, с Шинобу именно сейчас) она ещё может поиграться, но...

Ради Ханэкавы.

Ради своей хозяйки.

Конечно, волноваться не о чём. Как сказала Чёрная Ханэкава, привыкнуть, думать, что хорошо понимаешь, нельзя — не похоже, что Чёрная Ханэкава с самого начала собиралась делать лишь это.

Интеллект-то кошачий, но вредокошка приняла возможность того, что Шинобу прячется в моей тени, и рассудила, что выманить её оттуда, не так просто. Тени ночью не видно, и Чёрная Ханэкава провела меня под фонарь и там схватила в заложники, сделала приманкой, а затем активировала энергетический вампиризм, сейчас-то это всё очевидно, однако...

Для Чёрной Ханэкавы на самом деле было неплохо даже если б я умер. Шинобу не будет прятаться в моей тени, да и сможет уже покинуть этот город, что меня несколько не будет волновать, поскольку меня опустошили бы до дна.

И как результат вот, что у нас произошло.

Не может врать.

Всё, что сказала вредокошка, это её истинные намерения.

Настоящие чувства.

Обратная сторона Ханэкавы.

Спихнула неприятную роль на вредокошку.

Действительно.

Глупый вывод.

— А-ах...

Волосы Чёрной Ханэкавы начали постепенно менять цвет.

Серый, светло-коричневый и наконец чёрный.

Кошачьи ушки тоже мало-помалу теряли форму.

Шинобу высасывала сущность странности.

Убийца странностей.

Так называли Шинобу до весенних каникул.

Вредокошка или что другое, достаточно вонзить клыки и опустошить — отрезать от этого мира, вот оно истинное, удивительное существо...

Королева странностей — королева-нежить, вампир.

— Всё, стой, хватит. Шинобу. Так и сама Ханэкава *исчезнет*. Этого не надо, — сказал я.

Шинобу на удивление легко отпустила шею Ханэкавы. Остались две круглые дырочки от клыков, но беспокоиться о них не стоит. Это отличается от моего укуса. Здесь же Шинобу просто высосала вредошку как пищу — просто съела её.

Вампиры пьют кровь людей, однако можно пить как еду, а можно пить, чтобы сделать товарищем, разный нюанс.

Возможно, именно поэтому Шинобу сбежала.

Так сказала вредокошка.

Странность, которую только что высосали.

Шинобу, закончив с едой, вернулась ко мне и нырнула в мою тень.

Понравилось, что ли?

В моей тени.

И так...

Остались только я да чёрноволосая Ханэкава.

Она без сознания — спит, закрыв глаза.

Боюсь, не встанет до завтрашнего утра.

— ...

Лёгкий шум.

Однако, конечно, проблема никуда не делась. В конце концов после изгнания вредошки остальное не изменится, поэтому вовсе не значит, что если исчезла вредокошка, то и стресс с ней тоже. К тому же, на этот раз стресс сформировался всего за несколько месяцев, то есть, вероятность повторения крайне высока. Если и нет, то у Ханэкавы уже давно маячит проблема семьи...

Нет.

Не то.

Семья это неважно.

На этот раз я оказался проблемой.

От моего поведения с завтрашнего дня завит станет ли Ханэкаве хоть чуть легче. Конечно, чувства не изменить, но тем не менее я чувствую, что хочу отблагодарить Ханэкаву.

Я хочу спасти Ханэкаву.

Нет такого закона, который бы запрещал спасать девушек по имени Цубаса.

Спасу я сам.

Кто бы что ни сказал, сделаю сам.

— Ох...

Вздохнул.

Однако сейчас я дико устал... энергетический вампиризм измотал меня до предела... даже телу псевдовампира нужно какое-то время, чтобы восстановиться. Похоже, и я не смогу никуда сдвинуться отсюда до утра... Уф, надо же поблагодарить всех за помощь...

Ну ладно.

Я склонился над Ханэкавой, лежащей в пижаме.

Если вспомнить ветер и солнце, то у нас был один ветер... а теперь мирно посапывающая чёрноволосая Ханэкава в пижаме, освещённая фонарём, словно светом прожектора, смотрелась очень хорошо. Ситуация снимает ровно половину удовольствия, но сейчас я чувствую, что моя радость тоже удвоилась. Цена за сегодняшние труды, высшее наслаждение. Ну, не так уж плохо провести ночь на обочине дороги вместе с Ханэкавой, любуясь ей...

Звёздное небо.

Так же прекрасно.

— У-у-ух, — сонно протянула Ханэкава. — Арараги-кун...

Или не сонно, возможно, эти слова вырвались скорее бессознательно. Шинобу высосала лишь существо вредокошки, поэтому сознание Ханэкавы и Чёрной Ханэкавы ещё не упорядочились, наверное, сейчас в голове у Ханэкавы всё перемешалось.

Поэтому не сонный бред, а истинные мысли.

Откровенные мысли Ханэкавы Цубасы.

— Не надо говорить, что отблагодарить меня важнее, чем дружба со мной.

— ...

— Арараги-кун... будь внимательней, — пробормотала Ханэкава, не открывая глаз.

А затем она снова провалилась в глубокий сон.

Ох нет, эта девушка даже во сне.

Абсолютный мастер серьёзности.

Не время заботиться о других.

Однако я сразу же послушно, будто условным рефлексом, ответил Ханэкаве. Всё-таки с тех пор, как мы стали третьеклассниками, Ханэкава уже два месяца меня воспитывает. Я уж знаю, как нужно ответить.

— Хорошо.

Примечания

1. Видеоигра для девочек от Сеги. Снят анимационный фильм.
2. Mushiking, тоже видеоигра от Сега и тоже есть аниме-фильм.
3. Японское мифическое существо, имеющее голову обезьяны, тело тануки, ноги тигра и змею вместо хвоста. Питается людскими страхами.
4. Приём сумо с переводом противника на колени резким рывком на себя-вниз с захватом руками маваси и туловища сзади.

Эпилог, или скорее, кода.

На следующий день мои младшие сёстры, Цукихи и Карэн, как обычно разбудили меня. Я удивился, но тут вспомнил. Да, в конце концов я не стал проводить ночь на обочине той дороги. Это довольно опасно (хотя если взглянуть на Ханэкаву в пижаме, наверное, стоит заменить «опасно» на какие-нибудь слова, выражающие огромную удачу), через какое-то время на чудовищной скорости примчалась Камбару Суруга, то ли это быстроходом, то ли шукучи, то ли рывок с ускорением, не знаю. Отчаянно остановив затрепетавшую Камбару, я попросил проводить Ханэкаву-сэмпай, о которой она слышала прежде, до дома. В семье у неё довольно сложная ситуация, так что легче оправдаться, если приведёт Камбару, кохай на год младше, чем какой-то парень — сказать, там, что готовились к Культурному фестивалю или что-то такое. Нет... тут и сравнивать не стоит, ко мне ещё не вернулись силы, чтобы отвести Ханэкаву. Поэтому я сказал Камбару номер и попросил её позвонить моим сёстрам. Нужно найти Сэнгоку и отвести домой, уже слишком поздно. Эта кохай очень тактична. Когда я сказал, что объяснять ничего не буду, Камбару лишь неловко улыбнулась, необычная для неё улыбка.

А затем так же, как и в понедельник с Камбару и Сэнгоку, сёстры приволокли меня домой, и я завалился спать. «В последнее время слишком много проступков, братик», — получил я замечание от старшей младшей сестры. Только от вас мне не хватало такого слышать...

Потому на следующее утро.

Перед тем, как пойти в школу, я направился в развалины — естественно, чтобы предать Ошино прячущуюся в моей тени Шинобу. В конце концов я так и не понял, почему Шинобу исчезла. Если и спрошу не ответит, а уж сама-то тем более не станет говорить. Я построил кучу предположений, но чувствую, что все они ошибочны. Может, вдруг хотела смутить мою больно сладкую жизнь, но, наверное, и это неверно.

В развалинах вечерней школы Ошино не оказалось.

Похоже, вышел.

Хотя и намерения Ошино неясны — зачем он отпустил вредошку? Может, он и правда случайно упустил её, однако вероятней даже не следил за ней. В любом случае сомневаюсь, что на этот раз он смог там предугадать ход событий. Наверное, он и мог предугадать, что Шинобу спрячется в моей тени, и тогда отправил меня на поиски, используя словно мышеловку, но не думаю, что он понял причину вредошки. На сколько процентов вероятность заметить правду в Чёрной Ханэкаве, обладающей интеллектом кошки.

Но.

Боюсь, Ошино уже знал — по крайней мере, источник стресса Ханэкавы был уже ему известен при первых расспросах.

И Ошино понял, не потому что он Ошино, а просто я тут один ничего не понимаю из-за своей толстокожести.

Туго соображаю.

Хуже, чем дерево, из которого сделаны оконные рамы этих развалин.

Ну, вышел и вышел.

Ничего не поделаешь.

Итак, Шинобу по-прежнему остаётся в моей тени, а я пошёл на уроки. Не хочется приводить Шинобу в школу, но и оставлять одного уже сбегавшего вампира хочется ещё меньше.

В классе встретился с Ханэкавой.

— О, опаздываешь.

— Зашёл кое-куда.

— Бодрый?

— Очень.

— Доброе утро.

— Доброе.

Как-то так.

Я ещё не знаю, сколько в сознании Ханэкавы-Ханэкавы осталось, а сколько ушло. Когда-нибудь я спрошу, но только не сейчас. Ханэкаве нужно время, чтобы уложить всё в голове.

Сендзёгахара как обычно, словно всё в точности рассчитав, зашла прямо перед звонком. Как всегда, ровная безэмоциональность.

— С возвращением.

— Я пришёл.

— Следующее свидание, — вдруг заговорила Сендзёгахара всё тем же ровным тоном. — Планируешь ты, Арааги-кун.

— ...

— Если приведёшь в странное место, шкуру сдеру.

— Есть.

Желаемое место.

Теперь мой черед показать Сендзёгахаре своё сокровище.

Когда-нибудь нужно съездить поесть крабов.

А после уроков подготовка к Культурному фестивалю — последнему Культурному фестивалю в моей школьной жизни. Открытие уже на носу, так что сегодня у нас последний день на всё. Конечно, Сендзёгахара прогуливать не стала и работала вместе со всеми. Вчера все остались в школе допоздна, но всё-таки эффективность работы со старостой Ханэкавой совсем иная, незадолго до закрытия школы все наши одноклассники освободились.

А затем я с Ханэкавой и Сендзёгахарой, а после и с ждавшей нас Камбару снова направился к развалинам вечерней школы. Поскольку велосипед есть только у меня, мы все пошли пешком, а я толкал его за руль.

В развалинах Ошино не оказалось.

Опять.

— Странно, — сказала Сендзёгахара. — Он всё насквозь видит, но уже второй раз его нет, когда Арараги-кун приходит сюда.

Кстати о странном, я, конечно, пригласил её, но довольно странно, что Сендзёгахара пошла со всеми встретить Ошино. Она же недолюбливает его. Или, возможно, Сендзёгахара уже предугадала это. Послушала мой рассказ и, наверное, сразу же всё поняла.

Мы вчетвером облазили все развалины школы, но Ошино там не было. Но если присмотреться, если очень хорошенько присмотреться, то можно заметить, что некоторые вещи из здания пропали — вещи, которыми пользовался Ошино.

Очевидно.

Ошино Мэмэ ушёл.

Покинул город и ни записки не оставил.

Теперь понятно — вчера, когда мы с Ханэкавой приехали сюда на велосипеде, Ошино вышел наружу, не потому что искал Шинобу. Тогда он как раз был в процессе отхода. Наверное, снимал барьер, закрывающий это место.

Тогда.

Он не ждал меня.

Покинутый храм на горе — с решением этого дела интерес Ошино к этому городу практически пропал. «Моя главная цель», — сказал он, но для него это была и одна из последних целей.

«Когда-нибудь мои исследования и наблюдения закончатся».

«Когда-нибудь я уйду из этого города».

И это произошло сейчас.

И однажды исчезнет без прощания — должен понимать...

Почему я не заметил.

Разве это и не было словами прощания? Этот неумёха не умеет прощаться и никогда такого никому не говорил, такое доказательство его дружбы...

Реально.

Я и правда толстокожий.

Хотя оно и понятно.

«Времени нет», — сказал он.

Если так, то это о Шинобу.

Он специально упустил Шинобу, знал, поэтому и упустил. Наверняка сам не вынуждал её сбежать, но увидел в этом хорошую возможность. Вредокошка как раз... нет, совсем не как раз появилась, пришлось втянуться в это. В общем, Ошино планировал исчезновение Шинобу как тест для меня... или нет, как прощальный подарок.

И когда я кинулся искать Шинобу, он убедился в чём-то во мне — после того, как отпустил вредокошку, собрал пожитки и ушёл отсюда. Убедился, что я смогу справиться сам и с Ханэкавой, и с Шинобу.

Этот вертопрах в гавайской рубахе.

Разгульник.

Ничего крутого.

Прошёл целый день, должно быть, Ошино перебрался в другой город и уже там занимается своими наблюдениями и исследованиями — наверное, вдруг мимоходом спас кого-нибудь от напавшей странности.

Да.

Наверняка спас.

— Он действительно... — сказал я.

— Да, он... — проговорила Сендзёгахара.

— Он на самом деле... — продолжила Ханэкава.

— Угу, он без сомнений... — согласилась Камбару.

А затем мы все хором добавили:

— Добряк.

Ошино Мэмэ...

Легкомысленный, циничный, вульгарный, сварливый, нескромный, возбудимый, вредный, несерьёзный, любитель поиграться, капризный, эгоистичный, лживый, бесчестный — насквозь добрый и хороший человек.

И так вот мы разошлись по домам. Первой убежала Камбару, затем отделилась Ханэкава, и под конец я проводил Сендзёгахару до дома. Она впервые, то есть, наконец приготовила для меня. Этот вкус, её мастерство, м-м, прямо даже и словами не передать.

С тех пор как встретил странность.

Я не могу делать вид, будто ничего не было, я помню.

Но всё в порядке.

Я знаю.

В этом мире есть тьма и те, кто в ней живёт.

Одна из них, например, живёт в моей тени.

И, видимо, этой золотоволосой девочке там удобно.

Когда я вернулся, времени ещё оставалось, так что я поел, принял ванну и быстро лёг спать. А завтра меня обязательно разбудят мои младшие сёстры.

Завтра наконец Культурный фестиваль.

И программа нашего класса — комната страха.